переписка Чайковского и Танеева

4 чт

М. Чайковскій.

Письма

П. И. Чайковскаго

и

С. И. Танѣева.

1°

кв. № 01201
ЛЕНОКОГИЗ
К М Б
Р 10

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1	9	17	25	
2	10	18	26	
3	11	19	27	
4	12	20	28	
5	13	21	29	
6	14	22	30	
7	15	23	31	
8	16	24	32	

Тип им Урицкого Зак 4007

М. Чайковскій.

Письма
П. И. Чайковскаго
и
С. И. Танѣева.

Музыкальное издательство
П. ЮРГЕНСОНЪ ВЪ МОСКВѢ.
Петроградъ, у І. Юргенсона. | Варшава и Кіевъ, у Л. Идзиковскаго.

Нотопечатня П. Юргенсона въ Москвѣ.

Приступая къ изданію переписки Петра Ильича съ выдающимися людьми его времени, я для перваго тома остановился на обмѣнѣ письмами съ Сергѣемъ Ивановичемъ Танѣевымъ, ибо, какъ по объему и содержательности, такъ и по своей законченности, онъ наиболѣе ярко характеризуетъ направленіе художественнаго творчества обоихъ корреспондентовъ, въ особенности тамъ, гдѣ переписка составляетъ предметъ диспута ихъ.

По своей сути это все та же рознь Моцарта и Сальери съ тѣмъ отличіемъ, что въ роли послѣдняго С. И. Танѣевъ является не какъ бездарный теоретикъ-труженикъ, а какъ высокодаровитый художникъ, достигающій къ концу своей музыкальной карьеры высшихъ вершинъ творчества. На Парнасѣ много мѣста, и пути къ нему столь же многообразны, какъ и сами таланты, достигающіе его. Туда нѣтъ одного пути для всѣхъ. Туда всякій прокладываетъ свой путь. Одни легко преодолѣваютъ его трудности и ликуютъ, шествуя по немъ подобно Рафаэлю или Гете,—другіе цѣною сверхчеловѣческихъ страданій завоевываютъ свое восхожденіе, какъ Бетховенъ, какъ Данте. И какъ дерево познается по плодамъ его, а не по тому какъ оно производитъ ихъ, такъ и великіе творцы—по тому, что они сдѣлали, а не по тому, какъ они творили. Недалеко уйдетъ тотъ живописецъ, который будетъ писать портреты смѣлыми мазками потому, что такъ писалъ Францъ Гальсъ, и столь же малого достигнетъ тотъ, кто будетъ корпѣть надъ выписываніемъ каждой складки и каждаго волоска потому, что такъ работалъ Леонардо Винчи. Здѣсь проторенныхъ дорогъ нѣтъ.

И примѣчательно, что въ предлагаемыхъ читателю письмахъ ученикъ лучше понимаетъ это, чѣмъ учитель. Съ первыхъ шаговъ самостоятельной музыкальной дѣятельности, сохраняя отношенія, полныя любви и признательности къ бывшему наставнику, осмѣливается идти не по указкѣ, а самъ предначертываетъ себѣ дорогу къ проявленію своего таланта и уклоняется отъ нетерпѣливыхъ понуканій къ творчеству Петра Ильича. Онъ знаетъ помимо его, что творить въ подражаніе ему „какъ Богъ на душу положитъ“, „не мудрствуя лукаво“, а отдаваясь непосредственному вдохновенію, противно складу его способностей,—что сочинить такую оперу, какъ „Пиковая Дама“, въ нѣсколько недѣль не въ свойствахъ его дарованія и огорчаетъ любимаго профессора медлительностью въ проявленіяхъ своего дара. И я знаю, было время, когда Петръ Ильичъ, до этого видѣвшій въ Сергѣѣ Ивановичѣ великій талантъ, какъ бы махнулъ на него рукой въ убѣжденіи, что ученость зага-

1980

сила въ немъ навсегда искру Божью, и что кромѣ хитроумныхъ произведеній безъ тѣни вдохновенія онъ уже ничего создать не можетъ. Къ счастью, утѣшенный появленіемъ „Іоанна Дамаскина“ и „Орестейи“ онъ сошелъ въ могилу въ сознаніи несправедливости своего предсказанія.

Эта ясность пониманія задачи жизни и полная независимость въ выборѣ пути къ совершенствованію, проявленныя съ первыхъ шаговъ самостоятельности Сергѣя Ивановича, не портятъ отношеній бывшаго учителя съ ученикомъ. Часто возникающія препирательства, въ которыхъ иногда даже проскальзываетъ раздраженіе, порождающее обидныя съ обѣихъ сторонъ колкости, быстро забываются, и взаимное уваженіе только крѣпнетъ потомъ. И крѣпнетъ настолько, что понемногу ученикъ становится авторитетомъ въ глазахъ учителя. Петръ Ильичъ до изданія даетъ на судъ Сергѣя Ивановича свои произведенія и по его приговору разрываетъ одно и отказывается отъ печатанія другого. [1])

Огромный интересъ этой переписки заключается въ этомъ постепенномъ претвореніи благоговѣйнаго ученика въ судью твореній учителя. Глубокая привязанность къ послѣднему, какъ къ человѣку, очень смягчаетъ эту перемѣну отношеній, а художественная простота эпистолярнаго таланта обоихъ корреспондентовъ дѣлаютъ эту переписку и поучительной и интересной.

М. Чайковскій.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Кончина М. И. Чайковскаго прервала его работу по выпуску въ свѣтъ настоящей переписки и не дала закончить обстоятельнаго предисловія, которое онъ готовилъ. Помѣщаемое здѣсь предисловіе представляетъ собой лишь набросокъ начала предполагавшагося предисловія.

---

[1]) Симфоническая картина „Воевода“ и „3-й фп. концертъ“, вышедшіе посмертнымъ изданіемъ съ участіемъ того же Сергѣя Ивановича, который осудилъ ихъ.

ПИСЬМА.

№ 217. [1]) Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Питеръ. 25 Марта 1874 г.

Сережа! Если Вы имѣете серьезное намѣреніе пріѣхать въ Питеръ для слушанія моей оперы, [2]) то я очень прошу Васъ не приводить сего намѣренія въ исполненіе. По правдѣ сказать, ничего нѣтъ особенно хорошаго въ этой операѣ, и мнѣ бы не хотѣлось, чтобы Вы изъ-за нее прикатили въ Петербургъ. Жду съ нетерпѣніемъ Вашего письма, на которое отвѣчу Вамъ обстоятельно.

Вашъ П. Ч.

Поклонъ всѣмъ Вашимъ, а также и Масловымъ. [3]).

№ 199. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 29 Марта 1874 г.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Несмотря на то, что Вы мнѣ не совѣтуете ѣхать въ Петербургъ для Вашей оперы, мнѣ очень хочется ее услышать и я пріѣду, если только возможно. Я Вамъ обѣщалъ писать о концертахъ. 8-го числа было 10 собраніе. Программа: Леонора № 3, концертъ Давыдова (D-dur), игранный имъ самимъ же, концертъ Бортнянскаго опять тотъ же самый и „Hungaria“ Листа. Давыдова [4]) я слышалъ въ первый разъ, прекрасно играетъ. „Hungaria“, какъ и всѣ сочиненія Листа, инструментована отлично: pp звучитъ вездѣ очень красиво, ff такое, что, не зажавши уши, слушать очень трудно. Но музыка мнѣ не понравилась. Вся піеса сшита изъ маленькихъ кусочковъ; въ ней много темъ, и темпъ перемѣняется ровно 8 разъ. Отдѣльно нѣкоторые кусочки очень красивы и оригинальны, напр., органный пунктъ на la, на которомъ тема повторяется сначала въ ré mag., потомъ въ si mag. и do mag., но цѣльнаго впечатлѣнія она не производитъ. Въ воскресенье было послѣднее квартетное собраніе. Программа: квартетъ Гайдна, квинтетъ Шумана (на ф.п. игралъ Ник. Григ.) и струнный квинтетъ Бетховена (C-dur), одна изъ немногихъ его вещей, которыя мнѣ не нравятся, можетъ быть

[1]) Нумерація писемъ идетъ по архиву П. И. Чайковскаго въ Клину.

[2]) „Опричника“.

[3]) Ѳедоръ Ивановичъ Масловъ, товарищъ Петра Ильича по выпуску изъ Училища Правовѣдѣнія. Съ юношества до смерти у П. И. были самыя дружескія отношенія съ Ѳ. И. и его тремя сестрами.

[4]) Карлъ Юльевичъ Давыдовъ, знаменитый віолончелистъ и композиторъ, въ концѣ жизни Директоръ С.ПБ. Консерваторіи.

БИБЛИОТЕКА
МУЗ. ТЕХНИКУМА
ЛЕН. ГОС. КОНСЕРВАТОРИИ
Инвент. № 7321

потому, что я ее мало знаю. Когда піесу слышишь въ первый разъ, то прежде всего бросаются въ глаза общія мѣста и скорѣе остаются въ памяти, чѣмъ все остальное. Можетъ быть этотъ квинтетъ мнѣ оттого и не нравится, что я изъ него запомнилъ только то, что въ немъ похуже, показеннѣе, что легче запомнить, напр., I-ую тему, модулирующую изъ C-dur въ D-moll, потомъ въ F-dur; вставную тему въ финалѣ (A d), очень похожую на „не уѣзжай голубчикъ мой“, и т. д.

Въ этотъ же день вечеромъ былъ концертъ Папендикъ. [1]) Въ немъ были Масловы и пришли въ восторгъ отъ Николая Григорьевича (онъ игралъ фантазію Листа на Венгерскіе мотивы). Я не былъ въ этомъ концертѣ: не удалось мнѣ также быть и въ концертѣ Лауба, [2]) который, говорятъ, совсѣмъ не удался; театръ былъ совершенно пустой.

На этой недѣлѣ въ среду я былъ у Николая Григорьевича, бралъ урокъ вмѣсто шестой недѣли, на которой онъ намъ уроковъ не давалъ. Я попросилъ у Николая Альбертовича [3]) „Псковитянку“, „Дѣтскую“ и нѣсколько романсовъ Мусоргскаго, чтобы показать Ѳедору Ивановичу. У Масловыхъ заболѣли отъ этой музыки головы: на другой день они ноты спрятали. Впрочемъ Ѳедору Ивановичу понравилось изъ дѣтской „съ куклой“. Но вообще они говорятъ, что это не лучше Іоганна Себастьяна Баха.

Если Вамъ не лѣнь писать, напишите, пожалуйста, правда ли, что „Опричникъ“ идетъ въ пятницу и будетъ повторенъ въ воскресенье, чѣмъ истинно обяжете

Вашего почтительнаго ученика
С. Танѣева,

который, можетъ быть, пріѣдетъ въ четвергъ въ Петербургъ.

Поклонитесь, пожалуйста, Ларошу.

Масловы Вамъ кланяются.

Во всякомъ случаѣ напишите, когда и куда и надолго ли Вы уѣзжаете изъ Петербурга, можетъ быть, мы съ Вами не увидимся. Вѣрнѣе, что увидимся.

№ 232. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Вербовка. 14 Августа 1875 г.

Только на дняхъ получилъ Ваше первое и послѣднее (вѣроятно) письмо. [4]) Въ теченіи всего лѣта я питалъ къ Вамъ злобу непримиримую и только теперь гнѣвъ прелагаю на милость, ибо какъ ни странно Ваше письмо, а все таки оно письмо. Странно же оно потому, что о Вашемъ заграничномъ путеше-

---

[1]) Извѣстная арфистка Папендикъ-Эйхенвальдъ.

[2]) Знаменитый скрипачъ, профессоръ Московской Консерваторіи. Петръ Ильичъ до конца жизни ставилъ его игру выше всего, что онъ слышалъ Въ память его имъ былъ написанъ квартетъ № 3.

[3]) Губертъ—тогда профессоръ, а послѣ кончины Н. Г. Рубинштейн директоръ Моск. Консерваторіи.

[4]) Письма этого въ архивѣ П. И-ча не оказалось.

ствіи, за которымъ я слѣдилъ мысленно съ живѣйшимъ интересомъ, я не почерпнулъ изъ него никакихъ свѣдѣній. Исторія объ истерикѣ, приключившейся съ дѣвицей М. на вершинѣ высотъ Воробьевыхъ горъ, разсказана Вами очень мило, но я предпочелъ бы узнать, гдѣ Вы были, что видѣли, какія испытывали впечатлѣнія. Обо всемъ этомъ ни слова, ни единаго слова. А все отчего? оттого, Милостивый Государь, что у Васъ дурная привычка откладывать и откладывать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, накопится такая обуза, съ которою, какъ видите, не хватитъ силъ справиться. Вмѣсто того, чтобы въ Августѣ приняться за одно колоссальное письмо и вдобавокъ его не окончить, лучше было бы понемногу увѣдомлять меня обо всемъ происходившемъ съ Вами. И Вамъ было бы не трудно и мнѣ чрезвычайно пріятно. Слышу отсюда, что Вы на это мнѣ возражаете: „Разскажу, дескать, при свиданіи.“ Это все не то: интересны свѣжія, еще не улегшіяся въ памяти впечатлѣнія. Но довольно объ этомъ. Пишу Вамъ только для того, чтобы хоть отчасти излить переполненную чашу моего справедливаго гнѣва. Собственно говоря, не стоитъ и писать, ибо скоро увидимся.

Я провелъ три недѣли въ Тамбовской губерніи, около недѣли въ Москвѣ, гдѣ оставался до 14 Іюля. Дня три пробылъ въ Кіевѣ, а затѣмъ благополучно прибылъ сюда около 4-хъ недѣль тому назадъ. Симфонію [1]) я написалъ. Она сочинена въ Тамбовской губерніи, оркестрована отчасти въ Сумахъ, отчасти здѣсь. Написана она въ D-dur и состоитъ изъ 5 частей. Кромѣ того я написалъ (въ проэктѣ) два акта изъ балета „Озеро лебедей“, который мнѣ заказанъ, какъ Вы, кажется, знаете, Дирекціей Театровъ. Вы видите, что я не лѣнюсь. Впрочемъ, теперь чувствую нѣкоторую усталость и со вчерашняго дня задалъ себѣ настоящія каникулы: до самой Москвы не хочу думать о музыкѣ. Что то Вы сдѣлали? По крайней мѣрѣ не задумали ли чего-нибудь капитальнаго?

Прощайте, милый Сережа.

П. Ч.

№ 266. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Парижъ. 2 Декабря (нов. ст.) 1876 г.

Rue Monsieur le Prince 45, Hôtel de la Lozère.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Я думаю, что больше половины всѣхъ писемъ, которыя я написалъ во всѣ 20 лѣтъ моей жизни, начинаются извиненіями: я всегда обѣщаю написать „сейчасъ же“ или „черезъ недѣлю“, а пишу черезъ мѣсяцъ или черезъ три. Вы получите это письмо въ одно время съ письмомъ, которое получитъ Николай Григорьевичъ. Чтобы не повторять

[1]) Третья симфонія, D-dur.

въ двухъ письмахъ одного и того же (кромѣ извиненій, которыя повторяются въ обоихъ), я Вамъ не буду писать, что дѣлаю въ Парижѣ—это я пишу Николаю Григорьевичу, а напишу, что петербургскіе музыканты сказали о моемъ концертѣ. И такъ, во первыхъ, прошу меня извинить, что до сихъ поръ ничего не писалъ, а во вторыхъ, посылаю подробное описаніе того, что было сказано о моемъ произведеніи. Начну съ Антона Григорьевича. Я у него пробылъ цѣлый вечеръ. Онъ прослушалъ обѣ части концерта, разсмотрѣлъ ихъ очень подробно и сдѣлалъ много замѣчаній, за которыя я ему очень благодаренъ и которыми непремѣнно воспользуюсь. Эти замѣчанія суть слѣдующія: относительно первой части:

1) Слишкомъ длинно.

2) Однообразіе ритма. Обѣ первыя темы идутъ равными четвертями, что очень утомительно.

3) Отсутствіе интереса въ фортепіанной партіи. Ни одного мѣста, гдѣ піанистъ можетъ себя показать.

4) Ф.п. почти не играетъ въ высокихъ октавахъ, постоянно на низкихъ. Слишкомъ часто первая тема вступаетъ ff послѣ cresc. на доминантѣ. Наконецъ, множество указаній на измѣненія, которыя можно сдѣлать въ фортепіанной партіи, и согласно съ которой я ее хочу передѣлать. 2-я часть ему очень не понравилась; онъ сказалъ, что ничего про нее не говоритъ, потому что не видитъ въ ней никакой музыки. Все думаетъ: вотъ сейчасъ начнется послѣ интродукціи самое анданте, но вмѣсто ожидаемаго начала является неожиданный конецъ. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній Антонъ Григорьевичъ мнѣ совѣтуетъ совершенно передѣлать обѣ части, чтобы то, что написано, служило только эскизомъ.

На другой день я игралъ этотъ концертъ у Петерсона [1]) вмѣстѣ съ Кросомъ. [3]). Слушали: Давыдовъ, Кюи и Римскій-Корсаковъ. [2]) Во многомъ, что ими было сказано, они совершенно сошлись съ Антономъ Григорьевичемъ, хотя я имъ не говорилъ его замѣчаній. Кюи подробнѣе другихъ разсмотрѣлъ первую часть. Кромѣ того, онъ нашелъ, что все слишкомъ длинно, и что постоянное движеніе четвертями утомительно, онъ много показалъ, чего я до тѣхъ поръ не замѣчалъ, именно: почти каждая фраза начинается буквальнымъ повтореніемъ одного или двухъ первыхъ тактовъ, которые часто въ срединѣ фразы повторяются еще разъ, затѣмъ вся фраза повторяется 2-й разъ, такъ что является 8 повтореній одного и того же, это придаетъ сочиненію однообразіе и дѣлаетъ его утомительнымъ.

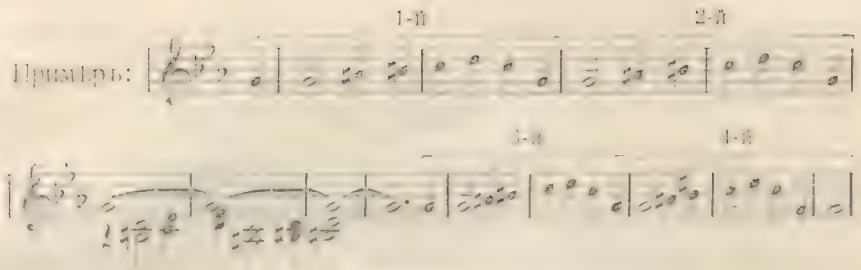
---

[1]) П. Л. Петерсонъ, бывшій владѣлецъ фортепіанной фабрики Беккера.

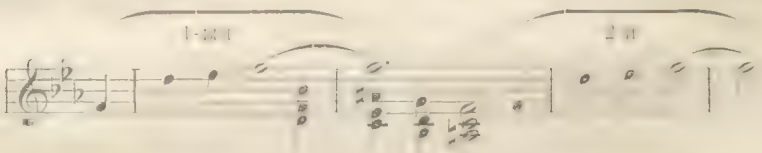
[2]) Ларошъ былъ боленъ, не могъ придти. Я у него былъ два раза. Ему понравилась первая часть концерта, вторая меньше.
(Примѣч. Танѣева).

[3]) Товарищъ Петра Ильича по СПБ. Консерваторіи, въ которой потомъ былъ профессоромъ фп. игры.

Примѣръ:



Въ слѣдующей непосредственно за тѣмъ фразѣ мы встрѣчаемъ то же самое.



и такъ на каждомъ шагу.

О второй части ничего опредѣленнаго сказано не было; но всѣ были согласны, что она хуже первой. Впрочемъ Кюи совѣтовалъ не передѣлывать концерта, а кончить его и даже напечатать, а отъ всѣхъ его недостатковъ стараться избавиться въ будущихъ сочиненіяхъ. Я думаю между этимъ мнѣніемъ и мнѣніемъ Антона Григорьевича избрать средину. Уничтожить однообразіе ритма и повторенія въ темахъ невозможно, развѣ сочинить новыя темы; а на это я не рѣшусь. Я думаю: оставивъ темы, какъ онѣ есть, сократить все на сколько можно и затѣмъ совершенно передѣлать партію фортепіано. Мнѣ бы очень хотѣлось знать Ваше мнѣніе объ этомъ. Но что я съ своимъ концертомъ ни сдѣлаю, много ли или немного его передѣлаю, все таки мое пребываніе въ Петербургѣ было для меня очень полезно, и я очень благодаренъ, какъ Вамъ за то, что Вы мнѣ сказали его (не пребываніе, а концертъ) показать петербургскимъ музыкантамъ, такъ и Николаю Григорьевичу за то, что онъ сказалъ мнѣ съѣздить къ Антону Григорьевичу. Не забудьте своего обѣщанія, Петръ Ильичъ, напишите мнѣ. Я буду ждать Вашего письма съ большимъ нетерпѣніемъ. Что у Васъ дѣлается? Что Франческа? Представляли ли Вакулу?—ничего я этого не знаю. Позаботьтесь, чтобы Ваши сочиненія были поскорѣй сюда присланы. Не знаете ли что о Барцевичѣ? [1]) Я ему давно послалъ свой адресъ и написалъ, чтобы онъ сюда пріѣзжалъ, но до сихъ поръ никакого извѣстія отъ него не получалъ. Я получилъ изъ Москвы Вашъ маршъ [2]) (фортепіанное переложеніе). Мнѣ его прислали

[1]) Извѣстный скрипачъ, ученикъ Московской Консерваторіи по классу Лауба.

[2]) Сербскій маршъ.

Масловы. Имъ онъ понравился; они его слышали въ симфоническомъ концертѣ.

Напишите же Петръ Ильичъ, пожалуйста.

С. Танѣевъ.

№ 279. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва 2 Декабря 1876 г.

Милый Сережа! Вчера возвратился изъ Петербурга, гдѣ провелъ около 3-хъ недѣль, и только сегодня Карлъ Карловичъ [1]) передалъ мнѣ въ числѣ разныхъ писемъ и Вашу цидулку Если-бъ я вчера зналъ, что она имѣется, то не поручилъ бы Головиной [2]) написать Вамъ, что злюсь на Васъ.

Поговоримъ прежде всего о Васъ. Я не знаю ни одного сочиненія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ Бетховена), про которыя можно было бы сказать, что они вполнѣ совершенны. И въ Вашемъ прелестномъ концертѣ есть недостатки, но если Вы будете не только принимать къ свѣдѣнію для будущихъ сочиненій, но и примѣнять къ настоящимъ в с е, что Вамъ совѣтуютъ и замѣчаютъ, то Вашъ концертъ никогда не будетъ конченъ. Вотъ почему я предложилъ бы Вамъ воспользоваться только тѣми совѣтами А. Рубинштейна, которые касаются внѣшней стороны сочиненія, т. е. постарайтесь подбавить къ первой части виртуознаго элемента, ничего не сокращая и существенно не измѣняя. Andante тоже оставьте; оно вполнѣ будетъ оцѣнено, когда Вы напишите бойкій, блестящій финалъ, въ которомъ для піаниста было бы раздолье, и который сторицею вознаградилъ бы за отсутствіе виртуознаго шика въ предыдущихъ двухъ частяхъ. Вы можете во всякомъ случаѣ быть увѣреннымъ, что, несмотря на внѣшніе недостатки, ни одинъ музыкантъ не можетъ отрицать въ томъ, что до сихъ поръ написано, сильнаго и симпатичнаго таланта. Но только, ради Бога, не откладывайте и пишите финалъ какъ можно скорѣе. Теперь про себя. „В а к у л а“ торжественно провалился. Первыя два дѣйствія прошли среди гробового молчанія, за исключеніемъ увертюры и перваго дуэта, которымъ аплодировали. Въ сценѣ головы, а особенно дьяка много смѣялись, но не аплодировали и никого не вызывали. Послѣ третьяго и четвертаго дѣйствія (третье раздѣлено на 2) меня по многу разъ вызывали, но при сильномъ шиканьи значительной части публики. Второе представленіе прошло нѣсколько лучше, но все же можно съ увѣренностью сказать, что опера не понравилась и врядъ ли выдержитъ болѣе 5, 6 представленій.

Замѣчательно то, что на генеральной репетиціи всѣ и въ томъ числѣ и Кюи предсказывали мнѣ громадный успѣхъ. Тѣмъ

[1]) К. К. Альбрехтъ, инспекторъ Моск. Консерваторіи и другъ Петра Ильича.

[2]) Марья Алексѣевна Головина также какъ старшая сестра ея, по мужу Бернаръ, были интимными друзьями Н. Г. Рубинштейна и Петра Ильича

тяжелѣе и огорчительнѣе мнѣ было паденіе оперы. Не скрою, что я сильно потрясенъ и обезкураженъ. Главное, что ни на исполненіе, ни на постановку пожаловаться нельзя. Все было сдѣлано старательно, толково и даже роскошно. Декораціи просто великолѣпны. Изъ исполнителей я недоволенъ только Раабъ, Солоха (Бичурина) была превосходна. Бѣсъ [1]) также былъ весьма хорошъ. Вакула [2]) лишенъ голоса, но пѣлъ съ большимъ увлеченіемъ. Дьякъ [3]) (Энде) безподобенъ. Словомъ, въ неуспѣхѣ оперы виноватъ я. Она слишкомъ запружена подробностями, слишкомъ густо инструментована, слишкомъ бѣдна голосовыми эффектами. Теперь только я понялъ, почему, помните, когда я въ первый разъ игралъ „Вакулу“ у Рубинштейна,—вы всѣ остались такъ холодны и недовольны. Стиль „Вакулы“ совсѣмъ не оперный: нѣтъ ширины и размаха.

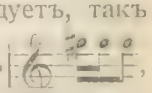
Возвратившись въ Москву, я получилъ извѣщеніе, что въ Вѣнѣ ошикали мою увертюру къ „Ромео“. Впрочемъ, не распространяйтесь объ этомъ, а то Паделу [4]) узнаетъ и испугается. А я читалъ, что онъ хочетъ ее исполнить. Ахъ, милый Сережа, какія грустныя минуты приходится иногда переживать! Я очень радъ, что Вы веселы и довольны. Будете ли Вы играть въ Парижѣ? я очень бы желалъ этого. Непремѣнно дебютируйте G-dur концертомъ Бетховена.

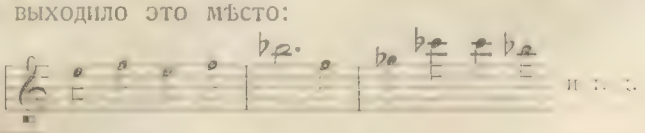
„Франческа“ уже давно готова и переписывается. Не судите о маршѣ [5]) по переложенію. Въ оркестрѣ онъ оказался эффектнымъ.

Крѣпко Васъ обнимаю П. Ч.

№ 267а. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Парижъ. 10 Декабря (н. ст.) 76. 5 ч. пополудни.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Сейчасъ я воротился изъ концерта Падлу, гдѣ отвратительно играли Вашу увертюру къ Ромео. Темпы были взяты гораздо скорѣе, чѣмъ слѣдуетъ, такъ что въ первой темѣ нельзя было разобрать трехъ нотъ  , все сливалось вмѣстѣ. Вторую тему духовые играли такъ, какъ будто они въ это время только поддерживали гармонію; можно было подумать, что они не знаютъ, что у нихъ тема. Особенно скверно выходило это мѣсто:



[1]) П. А. Мельниковъ.
[2]) Комиссаржевскій.
[3]) Н. Дервизъ, пѣвшій въ Маріинскомъ Театрѣ подъ псевдонимомъ Энде.
[4]) Основатель дневныхъ общедоступныхъ симфоническихъ концертовъ въ Зимнемъ Циркѣ Парижа по воскреснымъ днямъ.
[5]) Сербскій маршъ

ни одного cresc., ни одного dim—все ровно. При повтореніи въ D-dur дополнительной второй темы фаготы такъ старались играть свою квинту въ басу, что заглушали все остальное. Несмотря на то, что фальшивыхъ нотъ не было, все выходило отвратительно. Видно было, что Падлу не можетъ понять, что это такое и какъ это надо играть. Немудрено, что публикѣ увертюра не понравилась и была принята очень холодно. Мнѣ все это было такъ непріятно, точно я самъ плохо сыгралъ въ этомъ концертѣ. Но я публику не виню: виноватъ Падлу. Это увертюра вовсе не изъ такихъ вещей, которыя публика не можетъ разобрать: ее надо только хорошо сыграть.

Я игралъ у Сенъ-Санса Вашъ концертъ: онъ всѣмъ очень нравится. Вообще здѣшніе музыканты очень интересуются Вашими сочиненіями. Послали ли Вы ихъ сюда? Я Вамъ послалъ письмо, но не знаю, получили ли Вы его. Я каждый день жду отъ Васъ письма и до сихъ поръ не могу дождаться.

Вашъ ученикъ С. Танѣевъ.

№ 280. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва 5 Декабря 1876 г.

Милый Сережа! Сейчасъ получилъ Ваше письмо. Счастье и несчастье приходятъ, какъ извѣстно, разомъ, и я нисколько не удивился, что увертюра моя провалилась, какъ проваливаются теперь всѣ мои вещи, гдѣ бы ихъ не играли. Но вотъ мысль, которая пришла по поводу Вашего письма. Въ прошломъ году Сенъ-Сансъ совѣтовалъ мнѣ дать въ Парижѣ концертъ, составленный изъ моихъ сочиненій исключительно. Онъ говорилъ, что это можно устроить въ Шателе съ оркестромъ Колонна [1]) и что это не особенно дорого стоитъ. Теперь я ухватился за эту мысль и хочу попытаться привести и ее въ исполненіе. Потрудитесь, мой другъ, сходить къ M. Camille Saint-Saëns и поговорить съ нимъ объ этомъ подробно: 1, Продолжаетъ ли онъ совѣтовать мнѣ это? 2, Сколько, приблизительно, можетъ стоить это удовольствіе? 3, когда это лучше сдѣлать?—Я готовъ даже самъ дирижировать. Вамъ это покажется страннымъ, но я способенъ на это рѣшиться именно потому, что это Парижъ, а не Москва, гдѣ меня слишкомъ хорошо знаютъ, и гдѣ слишкомъ укоренилось мнѣніе, что я не дирижеръ. Впрочемъ, я или Колоннъ будутъ дирижировать—вопросъ второстепенный. Главное, чтобы я тамъ былъ и указалъ какъ и что играть. Всѣ бы ноты

[1]) Въ подражаніе Падлу Э. Колоннъ устроилъ воскресные концерты въ очень помѣстительномъ театрѣ Шателе. Гораздо болѣе одаренный, чѣмъ Падлу, былъ первымъ пропагандаторомъ произведеній Берліоза и Вагнера въ Парижѣ.

я бы, разумѣется, привезъ съ собою. Я бы составилъ такую программу: 1, Увертюру „Ромео". 2, Andante изъ квартета № I-ый, исполненный струннымъ оркестромъ. 3, Нѣсколько романсовъ, которые можетъ исполнить Енгалычева, [1]) Панаева (отличная пѣвица, ученица Віардо) или даже сама Віардо, уже пѣвшая публично мои романсы.—4, Концертъ для фп., исполненный Танѣевымъ. 5, Буря. 6, Нѣсколько мелкихъ пьесъ для фп. (Танѣевъ). 7, Финалъ 2-ой симфоніи. 8, Танцы изъ „Опричника" (они пошлы, но эффектны).

Очень можетъ быть, что я увлекаюсь этой мыслью теперь, подъ впечатлѣніемъ Вашего извѣстія, ибо если оно меня не удивило, то за то очень огорчило. Но Вы все таки примите, пожалуйста, къ сердцу мою просьбу и поговорите съ Сенъ-Сансомъ обстоятельно.

Если онъ скажетъ „да", и если я буду имѣть возможность достать деньги, то тотчасъ же войду въ прямыя сношенія съ Колонномъ.

Прощайте, милый Сережа. Первое Ваше письмо я уже получилъ и на него отвѣтилъ. Надѣюсь, что отвѣтъ дошелъ до назначенія.

Искренно Васъ любящій П. Чайковскій.

Въ послѣднемъ концертѣ игралъ Галли [2]) концертъ Бронзара. Онъ имѣлъ успѣхъ. Пріѣхалъ Котэкъ, [3]) который провелъ въ Парижѣ 2 недѣли и тщетно искалъ Васъ.

Юргенсонъ говорилъ, что у Брандуса все мое можно достать.

№ 270. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Парижъ. 24 Дек. 76. 11 ч. (ночь передъ Рождествомъ).

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Я получилъ оба Ваши письма. Сенъ-Сансъ бываетъ дома вечеромъ въ понедѣльникъ. Завтрашній понедѣльникъ — Рождество; черезъ недѣлю понедѣльникъ — Новый годъ. Можетъ быть, по случаю праздниковъ, эти два раза онъ принимать не будетъ. Я это разузнаю. Во всякомъ случаѣ я постараюсь его увидѣть, если не въ понедѣльникъ, то какъ нибудь на праздникахъ. Мнѣ бы было очень пріятно видѣть Васъ здѣсь, видѣть объявленіе о Вашемъ концертѣ и еще пріятнѣе быть однимъ изъ участвующихъ въ немъ. Оркестръ Colonn'a очень хорошъ; самъ Colonne хорошій дирижеръ. Я думаю, что будетъ лучше, если дирижировать будетъ онъ, а не Вы. Я не считаю Васъ дирижеромъ не потому, чтобы я думалъ, что Вы не одарены нужными для этого талантами; но просто

[1]) Княжна Енгалычева была въ то время въ труппѣ Opéra Comique.
[2])Ученикъ Моск. Консерваторіи, впослѣдствіи одинъ изъ преподавателей въ ней.
[3]) Скрипачъ, ученикъ Моск. Консерваторіи, въ послѣдствіи занимавшійся у Іоахима въ Берлинѣ. П. И. принималъ большое участіе въ его судьбѣ.

потому, что Вы никогда не дирижируете; и, несмотря на все Ваше знаніе оркестра, Вы, какъ дирижеръ, должны быть неопытны. Надо еще принять во вниманіе, что музыкантамъ удобнѣе играть съ дирижеромъ, къ которому они привыкли, который ими дирижируетъ десять или одиннадцать лѣтъ. Впрочемъ я могу легко ошибаться. Что думаетъ объ этомъ Николай Григорьевичъ? Вы на меня не сердитесь, что я слишкомъ откровенно говорю, что думаю.

Какъ только я переговорю съ Сенъ-Сансомъ, я Вамъ сейчасъ же напишу.

Теперь о Вакулѣ. Лѣтомъ въ Селищѣ я его часто игралъ Масловымъ и ихъ, если не без-, то весьма много-численнымъ кузинамъ. Такъ какъ ихъ музыкальное развитіе приблизительно одинаково съ музыкальнымъ развитіемъ большинства публики, то по впечатлѣнію, произведенному на нихъ данною вещью, можно судить о томъ впечатлѣніи, которое эта вещь произведетъ на публику. Въ первый разъ имъ Вакула нравился мало: нравились нѣкоторыя мѣста, но все находили скучнымъ (тоже было и съ публикой). Послѣ второго раза въ Вакулѣ находили много хорошаго, чего прежде не замѣчали (и Вы пишите, что второе представленіе прошло лучше). Съ каждымъ разомъ Вакула нравился больше и больше, наконецъ его стали считать прелестной оперой. Тоже будетъ и съ публикой. И то пятое или шестое представленіе, которое, по Вашему мнѣнію, должно быть послѣднимъ, будетъ первымъ, съ котораго Вакула начнетъ имѣть настоящій успѣхъ.

Вы пишете, что въ сценѣ дьяка много смѣялись, но не апплодировали и никого не вызывали. Это должно показаться естественнымъ всякому, кому извѣстно слѣдующее мѣсто изъ эстетики: „смѣшное или равнодушное, говоритъ ея [1]) учитель (и мой также), вызываетъ въ насъ улыбку радости, но оставляетъ насъ совершенно равнодушными. Къ смѣшному мы не чувствуемъ ни любви, ни ненависти; наша душа остается равнодушною".

Кто же, имѣя душу равнодушную, станетъ апплодировать?

До свиданія, Петръ Ильичъ, можетъ быть до скораго. Мнѣ такъ хочется, чтобы Вы сюда пріѣхали. Кланяйтесь, какъ можно больше, Николаю Григорьевичу. Прошли ли его руки? Я ему скоро буду писать.

Остаюсь увѣренный въ успѣхъ Вакулы ученикъ Вашъ С. Танѣевъ.

№ —. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Парижъ. 28 Декабря (н. ст.) 1876 г.

Rue Monsieur le Prince, 45.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Сегодня передъ обѣдомъ я видѣлъ Сенъ-Санса. Вотъ результатъ моихъ съ нимъ перегово-

[1]) т. е. эстетики. (Примѣч. Танѣева).

ровъ. Онъ Вамъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, совѣтуетъ дать концертъ. Причина—исполненіе Ромео. Онъ говоритъ, что музыканты, которыхъ онъ видѣлъ послѣ концерта, отзывались о Вашей увертюрѣ съ большой похвалой; что пріемъ, сдѣланный ей публикой, нельзя назвать неудачнымъ: [1]) было бы хуже, еслибъ публика не обратила на нее вниманія. Ca l'a posé, cette ouverture, говорятъ мнѣ. Залу Châtelet нанять нельзя; надо дать концертъ въ залѣ Герца съ оркестромъ Colonn'a. Стоитъ это будетъ: зала и оркестръ (если сдѣлать двѣ репетиціи), а также объявленія—однимъ словомъ все около 1500 фр. Но двухъ репетицій мало, надо по крайней мѣрѣ три. Тогда maximum расходовъ—2000 франковъ. (Музыкантамъ платятъ по 5 фран. за репетицію и по 10 за концертъ). Время, въ которое это всего лучше устроить: Январь, Февраль и Мартъ.

Петръ Ильичъ, пріѣзжайте. Достаньте тысячу цѣлковыхъ (не Богъ знаетъ какія деньги): это Вамъ хватитъ и на проѣздъ и на расходы по концерту; наконецъ, Вы сколько-нибудь выручите съ концерта. Во всякомъ случаѣ я думаю, что Вамъ не трудно будетъ это сдѣлать. Мнѣ такъ хочется, чтобы этотъ концертъ устроился. Когда получите мое письмо, напишите: будетъ концертъ или нѣтъ.

Еще вотъ что: надо ли, чтобъ я игралъ послѣ концерта для фп. Ваши фортепіанныя вещи? Изъ нихъ самая эффектная — концертъ; будетъ ли интересно послѣ него еще играть? Не будетъ ли лучше, если Вы дадите намъ услыхать Франческу? Впрочемъ, дѣлайте, какъ найдете лучше. Я это говорю не потому, что бы я лѣнился: я примусь учить все, что хотите.

Жду отъ Васъ немедленнаго отвѣта. С. Танѣевъ.

Кланяйтесь Николаю Григорьевичу.

Напишите, гдѣ Барцевичъ?

№ 284. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва 25 Декабря (ст. ст.) 1876 г.

Милый Сережа! Вчера былъ въ Консерваторіи на елкѣ у Карла Карловича и получилъ Ваше письмо.

Сейчасъ написалъ письмо Колонну, прося его дать мнѣ знать, можетъ ли онъ удружить мнѣ своимъ оркестромъ. Если онъ только согласится и отвѣтитъ мнѣ (я адресовалъ письмо прямо въ Châtelet) утвердительно, то нѣтъ сомнѣнія, что концертъ состоится. Тысяча рублей не Богъ вѣсть какая сумма,—и я ее, навѣрно, достану. Я изумленъ дешевизной оркестра и зала и весьма доволенъ, что Сенъ-Сансъ поощряетъ меня дать концертъ. Когда я получу благопріятный отвѣтъ отъ Колонна, то немедленно приму мѣры для осуществленія моего замысла и, прежде

[1]) Я Вамъ не написалъ, что [illegible] увертюры два раза раздавалось нѣсколько свистковъ, которые оба раза были покрыты аплодисментами. (Примѣч. Танѣева).

всего, попрошу корреспондента Юргенсона, Дюфруа, взять на себя хлопоты по устройству концерта или же указать мнѣ человѣка, могущаго, за извѣстную плату, мнѣ оказать эту услугу. За симъ начну хлопотать о пѣвицѣ и попрошу Васъ деликатнымъ образомъ узнать, не споетъ ли Віардо два-три моихъ романса, а также сходить къ Енгалычевой и попросить ее участвовать въ концертѣ. Я увѣренъ, что Колоннъ лучше меня продирижируетъ, но все же я хотѣлъ бы быть совсѣмъ не закулиснымъ лицомъ въ своемъ концертѣ и желалъ бы продирижировать что-нибудь одно, что полегче, напр. „Журавля“. [1]) Впрочемъ это разъяснится потомъ. Что касается Васъ, то я бы попросилъ Васъ на всякій случай заняться моими фортепіанными варіаціями и, по Вашему выбору, еще одной какой-нибудь піеской, — вѣдь это Вамъ ничего не стоитъ.

Барцевичъ въ Варшавѣ. Знаю, что онъ дастъ тамъ концерты съ цѣлью ѣхать въ Парижъ, но когда и какъ—не знаю. Котекъ здѣсь. Теперь онъ уѣхалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Николаемъ Григорьевичемъ, чтобы участвовать въ концертѣ оркестра русской оперы.

Въ послѣднее время я очень часто видѣлся и близко познакомился съ писателемъ Л. Н. Толстымъ. Прелестная личность, очень любящая музыку. До свиданія, голубчикъ. Пишите.

П. Ч.

№ 292. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва 29 Января 1877 г.

Милый Сережа! Мой концертъ не состоится. Несмотря на всѣ гигантскія усилія и на твердую увѣренность,—я потерпѣлъ неудачу относительно добыванія нужныхъ суммъ. Я въ глубокомъ отчаяніи.

Ничего болѣе я не въ состояніи писать Вамъ сегодня. Простите за многія безпокойства, которыя я причинилъ Вамъ недавнимъ желаніемъ.

Mercі за письмо.

Искренно преданный Вамъ П. Ч.

№ 251. Отъ С. И. Танѣева. П. И. Чайковскому.

Парижъ. 24 Марта 1877.

73. Rue Lacondamine.

Ваше письмо меня здѣсь застало, многоуважаемый Петръ Ильичъ. Застанетъ и слѣдующее, если Вамъ не лѣнь будетъ его написать: я здѣсь остаюсь еще недѣли на три, хочу осмотрѣть подробно Луврскія картины (я очень полюбилъ живопись); времени у меня на это будетъ достаточно: концерты теперь всѣ кончились, а также и музыкальные вечера у частныхъ лицъ;

[1]) Финалъ 2-ой симфоніи П. И-ча.

такъ что я могу заниматься по вечерамъ, а днемъ ходить въ Лувръ.

Письмо Ваше меня очень обрадовало. Я думалъ, что Вы, мои учителя, если и не забыли своего ученика, то по крайней мѣрѣ на него сердитесь, особенно Николай Григорьевичъ (я и теперь увѣренъ, что это такъ). Велѣлъ онъ мнѣ играть здѣсь во всѣхъ концертахъ, дать свой собственный концертъ, а я ничего этого не сдѣлалъ. Но, право, мнѣ этотъ годъ не пропалъ даромъ; кромѣ того, что я слышалъ много, я пріучился аккуратно заниматься, а это вещь весьма важная. Прошлый годъ я игралъ очень мало и при этомъ два или три дня въ недѣлю совсѣмъ не игралъ; всю эту зиму я игралъ отъ трехъ до пяти часовъ каждый день. Учу много новаго, хочу себѣ составить большой репертуаръ и тогда поѣхать второй разъ заграницу уже настоящимъ музыкантомъ; такъ чтобы, пріѣхавъ, въ состояніи сейчасъ же дать концертъ, а не приниматься за ученіе піесъ. Положимъ, всѣ эти намѣренія должны осуществиться въ будущемъ (хотя и недалекомъ), но хорошо и то, что я ихъ имѣю: они меня понуждаютъ заниматься. Останься я въ Москвѣ, не пробудь зимы здѣсь, до сихъ поръ я игралъ бы свои вѣчные: ноктюрнъ и рапсодію и, Богъ меня знаетъ, выучилъ ли бы когда что-нибудь новое.

Я написалъ еще небольшой романсъ на французскія слова (весьма плохія) и кончу на дняхъ другой, довольно длинный (9 куплетовъ) на русскія слова. Начинаю думать о четвертомъ съ французскими словами, небольшомъ. Все это я покажу Вамъ при свиданіи (а также маленькую фугу, хоръ [въ 8 тактовъ] и маршъ для 2-хъ фп., фисгармоніи, 3-хъ тромбоновъ, віолончели, гобоя, Glockenspiel и еще чего-то, написанный по случаю масляницы и исполненный у Дюпарка [здѣшній музыкантъ]—все это весьма скромныхъ размѣровъ). Вотъ мои oeuvres complètes за эту зиму.

Послѣднее время меня начало тянуть къ сочиненію. Но такъ какъ съ одной стороны я продолжаю играть не менѣе прежняго, а съ другой стороны значительную часть остающагося времени употребляю на театры, на смотрѣніе картинъ, на хожденіе въ гости, то на сочиненіе остается у меня времени немного; оттого я не рѣшаюсь приняться за сочиненіе чего-нибудь большого, а придумываю вещи небольшія: романсы, и т. п. Надѣюсь лѣтомъ написать нѣчто весьма длинное, а главное кончить свой концертъ.

Вы мнѣ ничего не написали о своихъ сочиненіяхъ. Я знаю черезъ Масловыхъ, что Озеро Лебедей и Франческа были исполнены, имъ очень понравились. Вотъ все, что я знаю. Можетъ быть Вы написали еще что-нибудь? Я съ нетерпѣніемъ жду своего пріѣзда въ Москву, чтобы увидать партитуру Франчески. Если Вы уѣдете прежде моего пріѣзда, не увозите ее съ собой. Напишите мнѣ объ Николаѣ Григорьевичѣ и объ консерваторіи. Гдѣ Вы будете лѣтомъ, и гдѣ будетъ Николай Григорьевичъ? Теперь у Васъ экзамены. Кто кончаетъ этотъ годъ?

Очень меня обяжете, если обо всемъ этомъ мнѣ напишете. Правда ли, что Вы хотите провести лѣто у Шадурскаго, [1]) рядомъ съ имѣніемъ Богомольцевъ?

До свиданія.

С. Танѣевъ.

Распечаталъ письмо, чтобы приписать слѣдующее.

Обратите вниманіе на присланную отсюда Николаю Григорьевичу сонату для фп. и скрипки Форэ. Я отъ нея въ восторгѣ. Можетъ быть это самое лучшее сочиненіе изъ всѣхъ тѣхъ, которыя я здѣсь слышалъ (я говорю о сочиненіяхъ живыхъ французскихъ композиторовъ). На каждомъ шагу въ этой сонатѣ Вы встрѣтите самыя оригинальныя и новыя гармоніи, самыя смѣлыя модуляціи, но при этомъ ничего рѣзкаго, ничего раздражающаго ухо. Это не петербургская оригинальность, прямо пропорціональная безобразію. Красота темъ удивительная. Скерцо, по моему, совершенно по формѣ. Часто приходится встрѣчать въ новыхъ сочиненіяхъ новыя гармоніи, рѣже новыя мелодіи, весьма рѣдко новыя формы. Это скерцо имѣетъ форму совершенно новую. Оно написано въ A-dur и имѣетъ тріо въ fis moll. Послѣ этого тріо скерцо повторяется; все это такъ, какъ и во всѣхъ скерцо. Но вотъ въ чемъ дѣло: скерцо состоитъ изъ двухъ частей, тѣсно между собою связанныхъ. Первая часть имѣетъ трехколѣнный складъ; вторая — свободная: фортепіано продолжаетъ ритмъ темы скерцо, а скрипка въ это время имѣетъ широкую, пѣвучую мелодію. Все это кончается возвращеніемъ къ темѣ скерцо. При этомъ вся эта вторая часть написана въ des dur (доминанта тріо) и только при второмъ повтореніи скерцо (послѣ тріо) она перенесена въ главный тонъ и къ ней прибавлена небольшая кода. Все это Вы увидите ясно, когда посмотрите ноты.

Въ этой сонатѣ всѣ части хороши. Партія фп. написана превосходно, соединеніе фп. и скрипки не оставляетъ желать ничего лучшаго. Чѣмъ больше я ее играю, тѣмъ больше она мнѣ нравится. Мнѣ бы очень хотѣлось знать Ваше мнѣніе объ ней.

№ 287. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Paris. 73, rue Lacondamine. 7 Мая 1877.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Мнѣ бы очень хотѣлось нынѣшнимъ лѣтомъ, для упражненія себя въ вокальномъ стилѣ, попробовать написать актъ оперы. Какъ то разъ Вы мнѣ предлагали лежащее у Васъ въ красной папкѣ либретто оперы „Ефраимъ“. Если Вы не собираетесь въ непродолжительномъ времени писать къ нему музыку, то передъ своимъ отъѣздомъ изъ Москвы отошлите его для передачи мнѣ или къ Ѳедору

[1]) Товарищъ П. И-ча по Училищу Правовѣдѣнія.

Ивановичу, или къ намъ въ домъ, чѣмъ меня очень обяжете. Приложите къ нему списокъ тѣхъ мѣстъ, куда Вы поѣдете лѣтомъ. Можетъ быть мы увидимся до Вашего отъѣзда изъ Москвы.

До свиданья С. Танѣевъ.

№ 298. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва 25 Апрѣля 1877 г.

Сегодня день моего рожденія, милый Сергѣй Ивановичъ. Я вспомнилъ, что въ прошломъ году Вы провели въ этотъ день цѣлый вечеръ, и мнѣ очень захотѣлось поговорить съ Вами хоть письменно. Мысль, что это письмо можетъ быть уже не застанетъ Васъ въ Парижѣ, значительно охлаждаетъ мое эпистолярное рвеніе. Но все таки берусь за перо и пишу наудачу.

Сколько мнѣ извѣстно, Вы совершенно довольны своимъ времяпровожденіемъ, изъ чего я заключаю, что Вамъ не приходится съ болью сердца вспоминать о далекихъ друзьяхъ и въ томъ числѣ обо мнѣ. Мнѣ же, недовольному и тщетно рвущемуся куда-то человѣку, прикованному судьбой-мачихой къ каѳедрѣ консерваторскаго класса, гдѣ я уже 12 лѣтъ сряду съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, провозглашаю ту истину, что преступно дѣлать ходъ параллельными квинтами, — мнѣ совершенно естественно съ сжимающимся сердцемъ вспоминать о Васъ, который столько лѣтъ составлялъ мою отраду и утѣшеніе: Nessun maggior dolore che ricordarsi del tempo felice nella miseria. Часто, часто вспоминаю Васъ и грущу, что нѣтъ около меня Вашей милой личности. Говорятъ, Вы скоро пріѣдете. Очень, очень радуюсь этому.

Романсъ Вашъ въ своемъ родѣ прелесть. Роскошь и богатство гармоніи изумительныя. Для пѣнія, несмотря на теплую мелодію, онъ неудобенъ и поэтому никогда не будетъ популярнымъ романсомъ. Но для нашего брата музыканта онъ заключаетъ бездну красивыхъ деталей и много изящества. Надѣюсь, что этотъ романсъ былъ не единственнымъ Вашимъ произведеніемъ за эту зиму. Впрочемъ, я не буду Васъ особенно упрекать, если Вы и ничего другого не сдѣлали. Мню, что Ваше пребываніе въ Парижѣ всячески было Вамъ полезно. Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ, въ заботахъ суетного свѣта онъ малодушно погруженъ. Я знаю, что въ эти заботы Вы ни мало не погружены, но все таки Аполлонъ Васъ къ жертвѣ еще не требуетъ. Это для меня несомнѣнно. Несомнѣнно и то, что бывъ потребовны, Вы явитесь во всеоружіи таланта и знанія.

Кажется я Вамъ наплелъ какую-то дичь. Надѣюсь, что сквозь эту дичь Вы усмотрите самую нѣжную дружескую любовь, которую я никогда не перестаю питать къ Вамъ.

Прощайте, милый Сережа, т. е. до свиданія.—

Вашъ П. Ч.

№ 401а. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Венеція. 7/19 Декабря 1877 г.

Сергѣй Ивановичъ! Я только на прошлой недѣлѣ отъ Кашкина узналъ, что Вы въ Москвѣ. До тѣхъ поръ мнѣ было совершенно неизвѣстно, гдѣ и что Вы, т. е. я потерялъ Васъ изъ виду съ тѣхъ поръ, какъ получилъ Ваше письмо изъ Селища въ отвѣтъ на мое изъ Москвы. Правда, я виноватъ, что не отвѣчалъ Вамъ на это послѣднее письмо, но вѣдь Вы знаете, что со мной происходила какая-то чертовщина, вслѣдствіе которой я временно никакихъ писемъ не писалъ. За симъ я не зналъ, гдѣ Вы: въ деревнѣ, въ Москвѣ, заграницей. Оказывается, что Вы уже давно въ Москвѣ. Какъ Вы думаете, Сережа, вѣдь можно Вамъ было бы черкнуть посланьице Вашему старому другу, живущему противъ воли на чужбинѣ, очень скучающему, очень разстроенному нервами и т. д. Ну, Богъ съ Вами!

Изъ одного письма я узналъ, что Вы играли вмѣстѣ съ Рубинштейномъ и еще съ кѣмъ-то мое первое дѣйствіе „Онѣгина“; изъ другого, что Вы написали симфонію, изъ третьяго, что Вы должны были участвовать въ симфоническомъ вечерѣ. Очень меня все интересуетъ, т. е. 1, что Вы скажете объ „Онѣгинѣ“; 2, что Вы написали: всю ли симфонію или только часть? 3, что и какъ Вы играли въ концертѣ. Вообще я крайне любопытенъ узнать, какіе Ваши планы, какъ себя чувствуете и довольны ли собой. Надѣюсь, что Ваше недоразумѣніе съ Руб. разъяснилось, и что странная комедія, разыгранная по случаю Вашего возвращенія, давно забыта.

Живу я теперь въ Венеціи, которую избралъ временнымъ мѣстопребываніемъ, потому что мнѣ по душѣ ея тишина и спокойствіе. Не думаю, что останусь здѣсь долго. Вѣроятно докончу симфонію, за которую я принялся съ большой энергіей, и затѣмъ уѣду куда-нибудь въ Швейцарію. Какъ ни прекрасна Венеція, какъ здѣсь ни тихо, а долго оставаться я все-таки въ ней не смогу, и знаете отчего? Я никакъ не могу привыкнуть къ Венеціанскому зловонію. Дышать чистымъ воздухомъ здѣсь нѣтъ никакой возможности: онъ вѣчно зараженъ міазмами, и привыкнуть къ этому нельзя. Не понимаю, какъ люди могутъ здѣсь жить цѣлую жизнь. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что Вы тамъ натворили. Воображаю, какихъ чудесъ исполнена симфонія. Будетъ ли она исполнена? Не найдете ли Вы возможнымъ прислать мнѣ хоть черновой эскизъ, если онъ у Васъ имѣется. Дорого бы я далъ, чтобы познакомиться съ Вашимъ новымъ сочиненіемъ. Очень любопытно, далеко ли Вы ушли съ прошлаго года. Полагаю, что Парижъ долженъ былъ оказать на Васъ сильное вліяніе.

Въ Вѣнѣ я слышалъ „Валкирію“ Вагнера и имѣлъ случай провѣрить свое первое Байрейтовское впечатлѣніе. Если въ самомъ дѣлѣ музыкѣ суждено имѣть въ лицѣ Вагнера своего глав-

наго и величайшаго представителя, то можно придти въ отчаяніе. Неужели это послѣднее слово искусства, неужели этой претенціозной, тяжеловѣсной и бездарной дребеденью будутъ наслаждаться грядущія поколѣнія, подобно тому, какъ мы теперь наслаждаемся 9-ою симфоніей, въ свое время признававшейся тоже чепухой?! Если да, — то это ужасно. Зато въ той же Вѣнѣ я слышалъ балетъ „Sylvia“ Léo Delibe'a; именно слышалъ, потому что это первый балетъ, въ которомъ музыка составляетъ не только главный, но и единственный интересъ. Что за прелесть, что за изящество, богатство мелодическое, ритмическое и гармоническое! Мнѣ было стыдно. Еслибъ я зналъ эту музыку, то конечно не написалъ бы Озеро лебедей.

Прощайте, Сережа. Напишите мнѣ, превозмогите свою позорную лѣнь. Очень кланяюсь Вашимъ и Варварѣ Павловнѣ [1]) въ особенности.

Масловымъ передайте тысячу дружескихъ привѣтствій и пожалуйста передайте имъ, каждой отдѣльно, поклонъ, т. е. и Варварѣ Ивановнѣ, и Аннѣ Ивановнѣ, и Софьѣ Ивановнѣ. Ѳеденьку цѣлую. [2])

Вашъ П. Ч.

№ 437. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

San-Remo. 2/14 Января 1878 г.

Благодарствуйте, Сережа, и за милое письмо и за вчерашнюю телеграмму, которая доставила мнѣ очень большое удовольствіе,—и это не фраза. Я сталъ очень недовѣрчивъ, очень склоненъ сомнѣваться въ дружбѣ людей, цѣнимыхъ мною, и всякое доказательство противуположнаго радуетъ меня до крайности. Спасибо Вамъ и милымъ Масловымъ. Съ какой завистью я думалъ вчера о Вашемъ миломъ кружкѣ, и какъ бы мнѣ пріятно было побыть хоть немножко съ Вами. Увы! до этого далеко. Раньше будущей осени не придется видѣть Васъ, ни послушать, какъ-то вы стали играть, ни посмотрѣть на Ваши партитуры. Очень, очень любопытенъ знать, что Вы тамъ натворили. Я не вполнѣ довѣряю сужденіямъ Рубинштейна. Онъ очень часто измѣнялъ свое мнѣніе о той или другой вещи послѣ ближайшаго знакомства. Что касается Васъ, то относительно себя самого Вы ужасный пессимистъ. Что кабы Вы рѣшились разориться и выслать мнѣ партитуру по почтѣ? Очень можетъ быть, что Вы и правы, говоря, что моя опера [3]) несценична. Но я Вамъ на это отвѣчу, что мнѣ на несценичность плевать. Фактъ, что у меня нѣтъ сценической жилки, давно признанъ, и я теперь мало объ этомъ сокрушаюсь. Несценично, такъ и не ставьте

[1]) Матушка С. И-ча.
[2]) Всѣ четверо—Масловы.
[3]) „Евгеній Онѣгинъ“.

и не играйте. Я написалъ эту оперу, потому что въ одинъ прекрасный день мнѣ съ невыразимой силой захотѣлось положить на музыку все, что въ „Онѣгинѣ" просится на музыку. Я это сдѣлалъ, какъ могъ. Я работалъ съ неописаннымъ наслажденіемъ и увлеченіемъ, мало заботился о томъ, есть ли движеніе, эффекты и т. д. Плевать мнѣ на эффекты! Да и что такое эффекты? Если Вы ихъ находите, напримѣръ, въ какой-нибудь „Аидѣ", то я Васъ увѣряю, что ни за какія богатства въ мірѣ я не могъ бы теперь написать оперу съ подобнымъ сюжетомъ, ибо мнѣ нужны люди, а не куклы; я охотно примусь за всякую оперу, гдѣ, хотя и безъ сильныхъ и неожиданныхъ эффектовъ, но существа, подобныя мнѣ, испытываютъ ощущенія, мною тоже испытанныя и понимаемыя. Ощущеній египетской принцессы, Фараона, какого-то бѣшенаго убійцы я не знаю, не понимаю. Какой-то инстинктъ подсказываетъ мнѣ, что эти люди должны были двигаться, говорить, чувствовать, а, слѣдовательно, и выражать свои чувства совсѣмъ какъ-то особенно,—не такъ, какъ мы. Поэтому моя музыка, пропитанная помимо моей воли шуманизмомъ, вагнеризмомъ, шопенизмомъ, глинкизмомъ, берліозизмомъ и всякими другими новѣйшими и з м а м и, будетъ вязаться съ дѣйствующими лицами „Аиды", какъ изящныя, галантерейныя рѣчи героевъ Расина, говорящихъ другъ съ другомъ на в ы, вяжутся съ представленіемъ о настоящемъ Орестѣ, настоящей Андромахѣ и т. д. Это будетъ л о ж ь и эта-то ложь мнѣ противна. Впрочемъ я пожинаю плоды своей недостаточной начитанности. Знай я болѣе литературы всякихъ народовъ, я бы конечно нашелъ что-нибудь подходящее для моихъ вкусовъ и въ то же время сценичное. Къ сожалѣнію, я не умѣю найти самъ ничего и не встрѣчаю людей, которые могли бы натолкнуть меня на такой сюжетъ, какъ, напр., „Carmen" Bizet, одна изъ прелестнѣйшихъ оперъ нашего времени. Вы спросите: да чего же мнѣ нужно? Извольте—скажу. Мнѣ нужно, чтобы не было царей, царицъ, народныхъ бунтовъ, битвъ, маршей — словомъ всего того, что составляетъ аттрибутъ grand-opéra. Я ищу интимной, но сильной драмы, основанной на конфликтѣ положеній, мною испытанныхъ или видѣнныхъ, могущихъ задѣть меня за живое. Я не прочь также отъ фантастическаго элемента, ибо тутъ нечѣмъ стѣсняться и простору фантазіи нѣтъ границъ. Я, кажется, неясно выражаюсь. Ну, словомъ, „Аида" такъ далека отъ меня, я такъ мало трогаюсь ея несчастной любовью къ Радамесу, котораго тоже не могу себѣ представить,—что моя музыка не будетъ прочувствована, какъ того требуетъ всякая хорошая музыка. Недавно видѣлъ въ Генуѣ „Африканку". Какая это несчастная Африканка! И рабство то, и темницу, и смерть подъ ядовитымъ деревомъ и торжество соперницы въ предсмертныя минуты приходится ей испытать,—и все таки мнѣ ее нисколько не жаль. А между тѣмъ есть эффекты: есть корабль, [illegible], всякая штука. Ну и чтожъ съ ними, съ этими эффектами?!

Относительно Вашего замѣчанія, что Татьяна не сразу влюбляется въ Онѣгина, скажу, что вы ошиблись: именно сразу: Ты лишь вошелъ, я въ мигъ узнала, вся обомлѣла, запылала. Вѣдь она влюбляется въ Онѣгина не потому, что онъ такой или другой: ей не нужно узнавать его, чтобы полюбить. Еще до его прихода она уже влюблена въ неопредѣленнаго героя своего романа. Онѣгину стоило только показаться, чтобы она тотчасъ же снабдила его всѣми качествами своего идеала и перенесла на живого человѣка любовь, которую питала къ дѣтищу своего распаленнаго воображенія.

Опера „Онѣгинъ" никогда не будетъ пользоваться успѣхомъ, я это напередъ знаю. Никогда я не найду артистовъ, могущихъ хотя приблизительно отвѣчать моимъ требованіямъ. Казенщина, рутина нашихъ сценъ, безсмыслица постановки, система держать инвалидовъ, не давая хода молодымъ, все это дѣлаетъ мою оперу почти невозможной на сценѣ. Представьте себѣ Орлова или Давыдова въ роли Ленскаго или Александрову, даже Люценко въ Татьянѣ, Фюрера или даже Мельникова въ „Онѣгинѣ"! Смѣшно и жалко! Гораздо охотнѣе я бы отдалъ на сцену консерваторіи и этого даже я не желаю. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, не будетъ пошлой рутины казенныхъ театровъ и этихъ омерзительныхъ инвалидовъ и инвалидокъ. Притомъ же консерваторія даетъ свои представленія какъ бы частнымъ образомъ, en petit comité. Это болѣе идетъ къ моему скромному произведенію, котораго я даже не назову оперой, если оно будетъ печататься. Я назову его „лирическія сцены" или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Да, это опера, лишенная будущности. Я это зналъ, когда писалъ ее и, тѣмъ не менѣе, написалъ, кончу и пущу въ свѣтъ, если Юргенсонъ согласится печатать. Я не только не буду хлопотать, чтобы ее ставили въ Маріинскомъ театрѣ, я буду, по возможности, противиться этому. Я написалъ ее потому, что повиновался непобѣдимому внутреннему влеченію. Увѣряю Васъ, что только подъ этимъ условіемъ слѣдуетъ писать оперы. Думать объ эффектахъ и заботиться о сценичности нужно только до нѣкоторой степени. Иначе это будетъ эффектно, занятно, пожалуй, красиво и интересно, но не увлекательно, не живо. Если мое увлеченіе сюжетомъ „Онѣгина" свидѣтельствуетъ о моей ограниченности, тупости, о моемъ невѣжествѣ и незнакомствѣ съ сценическими условіями, то это очень жаль, но по крайней мѣрѣ то, что я написалъ, въ буквальномъ смыслѣ вылилось изъ меня, а не выдумано, не вымучено. Довольно объ „Онѣгинѣ". Поговорю съ Вами о новомъ трудѣ, 4-ой симфоніи, которая теперь уже должна быть въ Москвѣ.—Что-то Вы скажете объ ней? Я очень дорожу Вашимъ мнѣніемъ и немного боюсь Вашего приговора; зато я знаю, что Вы безусловно правдивы, и это заставляетъ меня особенно цѣнить Ваше мнѣніе. У меня есть одна мечта, одно горячее желаніе, которое я не смогу Вамъ выразить, ибо боюсь, что поступаю неделикатно.

Вамъ нужно писать и играть для себя и некогда тратить времени на.... а р р а н ж и р о в к и. Есть два человѣка въ Москвѣ и вообще въ мірѣ, которымъ я бы довѣрился вполнѣ относительно арранжировки въ 4 руки этой симфоніи. Одинъ изъ нихъ Клиндвортъ, а другой нѣкто, живущій въ Обуховскомъ переулкѣ. [1]) Охотнѣе я однакоже обратился бы къ послѣднему, если бы это было не неделикатно. Пожалуйста, не стѣсняйтесь отказывать, но если д а, то я съ радости готовъ буду изрядно высоко подпрыгнуть, несмотря на то, что при моей тучности оно не особенно удобно.

О себѣ писать Вамъ много нечего. Хандрю подчасъ очень сильно, работаю по мѣрѣ силъ, гуляю среди очень роскошной, но нѣсколько раздражающей по своей ослѣпительности природѣ, в с п о м и н а ю.... Ужъ я теперь доѣхалъ до этой станціи, когда ѣхать осталось, вѣроятно, немного, а конечный пунктъ прелести особенной не представляетъ. Единственная отрада погружаться въ прошлое. Старъ я сталъ, Сережа. Я ни о чемъ не мечтаю, ни къ чему не стремлюсь: я доживаю жизнь. Весьма сомнительно также, чтобы я сталъ что-нибудь писать. Я д о п и с ы в а ю все, что было начато,—и только. На новое рѣшительно не хватаетъ пороху. Впрочемъ я боленъ.

Я отказался отъ делегатства на выставкѣ. Ну его, Вашъ Парижъ. Теперь мнѣ Царевококшайскъ милѣе Парижа. Я ищу „свободы и покоя". Пожалуйста поблагодарите мамашу за память обо мнѣ. Всѣмъ Масловымъ искреннія привѣтствія.

Вашъ П. Ч.

№ 350. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 8 Января 1878. 12 час. ночи.

Дорогой мой Петръ Ильичъ. Сейчасъ воротился изъ консерваторіи, нашелъ Ваше письмо и прочелъ его съ большимъ наслажденіемъ. Теперь 1-й часъ ночи, надо бы ложиться спать, но мнѣ такъ хочется Вамъ поскорѣе написать, что я отлагаю свой сонъ на часъ или на два. Я въ консерваторію ходилъ, чтобы поучить сонату Бетховена (A-dur op. 101.), которую въ будущее воскресенье играю въ квартетномъ собраніи. Я училъ эту сонату долго, но должно быть недостаточно внимательно. Несмотря на 5 и 6 часовъ, которые я игралъ каждый день въ продолженіе недѣль двухъ, при чемъ кромѣ этой сонаты почти ничего не игралъ, несмотря на то, что я ее училъ и прежде, она у меня идетъ прескверно. Я игралъ ее прошлое воскресенье Николаю Григорьевичу, онъ остался недоволенъ. До концерта 6 дней, я играю чуть не по восьми часовъ, желаю ее исправить, но при этомъ знаю, что въ такой короткій срокъ ничего не подѣлаешь. Поэтому я въ дурномъ расположеніи духа. Я еще

[1]) Домъ Танѣевыхъ въ Обуховскомъ пер. близъ Пречистенки.

ни разу не игралъ хорошо въ квартетныхъ собраніяхъ: два тріо (Бетховена и Шумана), которыя я игралъ прошлые года, были сыграны скверно. То же будетъ и съ сонатой.

Ваша симфонія еще не получена. Я Васъ очень благодарю, что Вы хотите поручить мнѣ ея арранжировку. Я никогда ничего въ 4 руки не передѣлывалъ и не знаю, буду ли въ состояніи сдѣлать это, какъ слѣдуетъ. Я бы съ величайшимъ удовольствіемъ посвятилъ на это свои вечера (до обѣда я занимаюсь). Еще вотъ что: я думаю предпринять небольшую концертную поѣздку по Россіи: это задержитъ мою будущую работу недѣли на три, можетъ быть больше. Если такая остановка Васъ не стѣснитъ, если Вы не торопитесь съ переложеніемъ, то я съ полной готовностью возьму на себя эту работу.

Николай Григорьевичъ кончилъ свои поѣздки въ пользу Краснаго Креста. Во время послѣдней (на праздникахъ) начали немного репетировать I-й актъ Онѣгина. Я аккомпанирую и поучаю. Поютъ: Гилевъ — Онѣгина, Зильберштейнъ — Ленскаго, Климентова — Татьяну, Рейнеръ — Ольгу, Коншина — няню, Елисеева—Ларину. Послѣдняя постоянно вретъ. Остальные всѣ годятся. Въ четвергъ у насъ слѣдующая репетиція. Присутствуетъ на репетиціяхъ Карлъ Карловичъ. Онъ, пѣвцы и аккомпаніаторъ восхищаются Вашей оперой. Масловы тоже. Нынѣшній годъ, по всей вѣроятности, Онѣгинъ не пойдетъ, можетъ быть попробуютъ съ фортепіано, безъ оркестра. Сколько будетъ актовъ, и скоро ли Вы пришлете остальное?

Отчего Вы отказываетесь ѣхать въ Парижъ? Тамъ очень весело, Вы бы познакомились со множествомъ интересныхъ людей, это бы Васъ разсѣяло. Покой хорошъ, но не надолго. Долго вести уединенную жизнь скучно. Оттого Вы и хандрите, что никого не видите. И мысли оттого у Васъ печальныя. Когда человѣкъ скучаетъ, онъ дѣлается склоненъ представлять себѣ, что въ немъ меньше силы, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Вотъ и Вы теперь думаете, что больше ничего писать неспособны, что состарились и т. п. Перестаньте хандрить, и мысли отъ Васъ уйдутъ. Поѣзжайте въ Парижъ.

Когда я писалъ Вамъ, что Онѣгинъ несцениченъ, я не хотѣлъ этимъ сказать, что въ немъ нѣтъ битвъ, маршей, народныхъ бунтовъ. Я хотѣлъ сказать, что самый ходъ драмы, само дѣйствіе почти совсѣмъ не интересуетъ зрителя; нѣтъ событій, за которыми бы онъ слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ, то или другое окончаніе которыхъ на него такъ или иначе дѣйствовало. Не забудьте, что я имѣлъ въ виду только первую картину. Вся она соотвѣтствуетъ „описаніямъ" въ романѣ. Вы изъ нея узнаете, что у помѣщицы Лариной есть двѣ дочери, двухъ различныхъ характеровъ, что онѣ знакомы съ Ленскимъ и т. п. Характеръ дѣйствующихъ лицъ не выясняется изъ дѣйствія, а каждый самъ о себѣ говоритъ: Ольга, что она весела и беззаботна, Татьяна,—что она мечтательна. Агата въ

Фрейшюцъ тоже мечтательна, но она объ этомъ не говоритъ, а когда Вы видите ее молящуюся, поющую ночью на балконѣ, у Васъ не является сомнѣнія въ томъ, что она „мечтательна", болѣе того, эта мечтательность на Васъ дѣйствуетъ, Васъ интересуетъ, волнуетъ. Опера—дѣйствіе, и въ ней всякое качество человѣка должно обрисовываться дѣйствіемъ. Разсказъ хорошъ въ романѣ, въ повѣсти. Вотъ что я разумѣлъ подъ словомъ „несценично". Опять повторяю, что я говорилъ это только о началѣ. Письмо Татьяны и особенно присланный послѣ балъ съ вызовомъ на дуэль очень интересны и „сценичны".

Я Вамъ вышлю партитуру своей первой части симфоніи, хотя мнѣ бы хотѣлось прежде ее исправить и не показывать Вамъ въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь находится. Впрочемъ, такъ какъ я прежде хочу написать остальныя части, а потомъ исправлять первую, то я еще успѣю тысячу разъ отъ Васъ ее получить. Надняхъ вышлю. Если Вамъ не лѣнь, исчеркайте ее съ начала до конца и отмѣтьте все, что скверно. Я съ своей стороны пришлю Вамъ самый строжайшій приговоръ Вашей 4-й симфоніи, какъ только ее увижу. Страшитесь!!

Andante къ моей симфоніи я почти кончилъ. Какъ только провалюсь въ квартетномъ собраніи, примусь писать партитуру.

Это смѣшно. Квартетное собраніе не выходитъ у меня изъ головы, въ сущности это мелочь: плохо поиграть на фортепіано въ продолженіе получаса—это вещь самая обыкновенная; а все таки очень непріятно.

До свиданія, Петръ Ильичъ. До осени. Не забывайте своего прежняго и, если позволите, настоящаго ученика, который питаетъ къ Вамъ самыя искреннія чувства любви, преданности и уваженія.

С. Танѣевъ.

P. S. Письмо началъ вчера вечеромъ, кончилъ сегодня утромъ. Мамаша велѣла Вамъ кланяться, а я забылъ это написать и запечаталъ письмо. Она очень на меня за это обидѣлась, вслѣдствіе чего я письмо распечаталъ и вписываю ея поклонъ. Масловы тоже разсердятся, если узнаютъ, что я Вамъ отъ нихъ не послалъ привѣтствій. Хорошо, что во время вспомнилъ. Итакъ, отъ мамаши и отъ нихъ поклонъ.

№ 353. Отъ С. И. Танѣева. П. И. Чайковскому.

15 Января 1878 г.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Симфонія Ваша [1]) получена, но я ее еще не видалъ. Она отдана переписчику. Постараюсь, если будетъ возможно, отъ него ее получить для просмотрѣнія.

Сегодня было квартетное собраніе. Моя соната прошла совсѣмъ не такъ плохо, какъ я ожидалъ. Меня вызывали и хлопали мнѣ очень усердно. Были лица, которыя мнѣ говорили, что

[1]) 4-я Симфонія.

моя игра имъ понравилась. Я надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ эта соната у меня пойдетъ хорошо: я буду продолжать ее учить. Очень радъ, что это все кончилось.

Сегодняшній вечеръ провелъ у Масловыхъ. У нихъ же была Софья Васильевна (Москвина), которая на нѣсколько времени пріѣхала сюда изъ Тамбова, гдѣ она окончательно поселилась. Мнѣ было очень пріятно ее увидать.

Примусь писать партитуру Andante. Я сказалъ Юргенсону, что буду передѣлывать Вашу симфонію, онъ Вамъ, кажется, уже писалъ объ этомъ.

Жду Вашего письма со дня на день, льщу себя надеждой прочесть въ немъ, что Вы ѣдете въ Парижъ, чему очень обрадуется

Искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

Мамаша кланяется.

№ 473. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Санъ-Ремо 24 Января 5 Февраля 1878 г.

Милый Сережа! Только сегодня отвѣчаю Вамъ на два Вашихъ письма. Я ѣздилъ на нѣсколько дней въ Ниццу, и эта поѣздка помѣшала мнѣ написать Вамъ во-время. Не буду больше препираться съ Вами на счетъ сценичности или несценичности „Онѣгина". Я бы могъ замѣтить, что Вы не совсѣмъ справедливо утверждаете, что характеры Татьяны и Ольги разъясняются не посредствомъ дѣйствія, а посредствомъ ихъ монологовъ и діалоговъ. Правда, дѣйствія ихъ очень просты, не театральны, обыденны, но все-таки каждая изъ нихъ дѣйствуетъ въ той мѣрѣ, на какую способна. Ольга, дѣвушка очень, въ сущности, безцвѣтная, поэтому ей и дѣйствовать приходится мало. Татьяна болѣе характерна, поэтому и дѣйствовать ей приходится больше. А, впрочемъ, я уже говорилъ Вамъ, что е с л и, какъ Вы утверждаете, о п е р а е с т ь д ѣ й с т в і е, а у меня въ „Онѣгинѣ" его нѣтъ, то я готовъ назвать Онѣгина не оперой, а чѣмъ хотите: сценами, сценическимъ представленіемъ, поэмой, чѣмъ Вамъ угодно. Мнѣ захотѣлось написать музыкальную иллюстрацію къ „Онѣгину", при этомъ я неизбѣжно долженъ былъ прибѣгнуть къ драматической формѣ и готовъ принять на себя всѣ послѣдствія пресловутаго непониманія сцены и неумѣнья выбирать сюжеты. Мнѣ кажется, что всѣ сценическія неудобства выкупаются прелестью Пушкинскаго стиха. Но по этому поводу у меня являются опасенія гораздо болѣе важныя, чѣмъ страхъ, что публика не будетъ трепетать отъ интереса узнать развязку дѣйствія. Я говорю про то святотатственное дерзновеніе, съ которымъ по неволѣ долженъ былъ къ многимъ стихамъ Пушкина прибавить или свои собственные или же мѣстами стихи Шиловскаго. Вотъ чего я боюсь, вотъ что меня смущаетъ. Про музыку

я Вамъ скажу, что если была когда-нибудь написана музыка съ искреннимъ увлеченіемъ, съ любовью къ сюжету и къ дѣйствующимъ лицамъ онаго, то это музыка къ „Онѣгину". Я таялъ и трепеталъ отъ невыразимаго наслажденія, когда писалъ ее. И если на слушателѣ будетъ отзываться хоть малѣйшая доля того, что я испытывалъ, сочиняя эту оперу, то я буду очень доволенъ и бо́льшаго мнѣ не нужно. Пусть „Онѣгинъ" будетъ очень скучнымъ представленіемъ съ тепло написанной музыкой—вотъ все, чего я желаю.

Не посылайте меня въ Парижъ, Сережа. Я люблю Парижъ не менѣе Васъ, но только тогда, когда я тамъ туристомъ, неимѣющимъ никакого дѣла ни до кого. Я очень тугъ на знакомство съ людьми вообще, а съ музыкантами въ особенности. А теперь въ такомъ настроеніи, что всякій новый человѣкъ внушаетъ мнѣ страхъ и наводитъ на меня непобѣдимую тоску. Я, впрочемъ, писалъ Вамъ объ этомъ. Еще я прибавлю, что Вы ошибаетесь, думая, что я живу одиноко; со мной находится братъ Модестъ, и мнѣ его общества совершенно достаточно. Быть можетъ, если обстоятельства позволятъ, и если я буду здоровѣе, чѣмъ теперь, то когда-нибудь исполню мое несостоявшееся прошлогоднее намѣреніе, т. е. взявши съ собой тысячи полторы рублей, поѣду въ Парижъ [ужъ конечно не во время выставки] и дамъ концертъ. Быть же оффиціальнымъ представителемъ русской музыки, притомъ лишеннымъ возможности что-либо организовать, какъ потому, что правительство не хочетъ давать на это никакихъ средствъ, такъ и потому, что я по природѣ своей не организаторъ вообще и не капельмейстеръ въ частности,—ни мало для меня не соблазнительно. Всѣ мои Московскіе друзья посылаютъ мнѣ выговоры за то, что упускаю случай сдѣлать себя извѣстнымъ въ Парижѣ. Они забываютъ, что, принявши на себя обязанности делегата отъ русской музыки вообще, я бы долженъ былъ пропагандировать всѣхъ, кромѣ себя, но могу ли я, неспособный, какъ Вамъ извѣстно, свой собственный товаръ лицомъ показывать,—пропагандировать русскую музыку, даже не имѣя денегъ въ своемъ распоряженіи. А главное, какъ я однажды Вамъ писалъ: я ищу свободы и покоя и больше ничего. Теперь поговоримъ о Васъ. Во первыхъ, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ буду ожидать Вашей симфоніи. Во вторыхъ, я хочу Вамъ сдѣлать выговоръ. Мнѣ очень не нравится, что Вы до сихъ поръ еще не пріобрѣли той доли самоувѣренности, на которую Вамъ даетъ право Вашъ талантъ и вся Ваша очень хорошо одаренная натура. Мнѣ кажется, что Вы слишкомъ долго считаетесь ученикомъ, нуждающимся въ указаніяхъ Руб. для того, чтобы въ квартетномъ собраніи сыграть сонату Бетховена. Вы уже давно восприняли отъ своего учителя все, что было нужно. Теперь пора Вамъ довольствоваться своей собственной критикой и играть не по Рубинштейновски, а по Танѣевски. Будьте наконецъ самимъ собой и полагайтесь тверже на свои

силы. Мнѣ не нравится, что ужъ сыгравши удачно сонату публично, Вы мнѣ пишете: „Я надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ эта соната пойдетъ у меня хорошо“. Это звучитъ по ученически. Сколько Вамъ нужно времени, чтобы наконецъ вызубрить эту сонату? Вообще, для виртуоза, да, кажется, и для всякаго художника нужна самоувѣренность, разумѣется, до извѣстной степени. Вы ужъ слишкомъ скромны; поднимите голову повыше, если хотите, чтобы передъ Вами кланялись и отступали. Иначе всякая дрянь и всякая моська вообразитъ на основаніи Вашей преувеличенной скромности, что Вы и въ самомъ дѣлѣ немного стоите. Я это говорю Вамъ съ тѣмъ большимъ правомъ, что самъ много теряю отъ недовѣрія къ себѣ. Смѣлость города беретъ. А если смѣлость вооружена талантомъ и знаніемъ, то она должна завоевать цѣлый міръ.

Вашъ П. Ч.

Мамашѣ, Ивану Ильичу, [1]) всѣмъ Вашимъ и милымъ Масловымъ поклонъ.

№ 375. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Динабургъ 18 Марта 1878 г., 4-й часъ ночи.

Я на станціи. Жду поѣзда въ Ригу, гдѣ сегодня даю концертъ. Программа:

Отдѣленіе I-е.

Прелюдія и фуга (органная) A-moll—Баха.
4 Nachtstücke.... Шумана.
Ноктюрнъ E-dur.
Impromptu fis-dur.
4-я баллада f-moll. Шопена.

Отдѣленіе 2-е.

Соната ор. 57 Бетховена.
Риголетто.
Вальсъ Шуберта. Листа.
Пестскій карнавалъ.

Неудобно то, что я пріѣзжаю за нѣсколько часовъ до концерта и, не отдохнувъ съ дороги, принужденъ буду играть. Письмо, въ которомъ увѣдомляли о днѣ моего концерта, залежалось на почтѣ, оттого я и выѣхалъ такъ поздно. Но зато я могъ присутствовать на петербургскомъ концертѣ Николая Григорьевича. Онъ игралъ удивительно хорошо. Вашъ концертъ прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Хотя оркестръ былъ не особенно хорошъ, (балетный, потому—что въ этотъ день была назначена опера, дирижировалъ вмѣсто Направника Давыдовъ), хотя было нѣсколько „сомнительныхъ“ мѣстъ, но Николай Григорьевичъ такъ

[1]) Отецъ С. И-ча.

хорошо игралъ, что незнающій концерта наизусть, врядъ ли замѣтилъ ошибки оркестра; что мнѣ особенно понравилось у Николая Гр.; это какъ онъ игралъ средину andantino: съ начала до конца pp, безъ всякихъ оттѣнковъ, оркестру велѣлъ играть также: эффектъ выходилъ удивительный. Проходя по залѣ, слышалъ, что въ публикѣ хвалили Вашъ концертъ. Кюи говоритъ, что ни одно Ваше сочиненіе ему такъ не нравится, какъ концертъ: „не особенно глубоко, но свѣжесть вдохновенія необычайная". Находитъ, что 3-хъ вальсовъ много: довольно 2-хъ.

Ларошу концертъ „съ каждымъ разомъ больше и больше нравится". За 5 дней передъ тѣмъ играли въ Петербургѣ Франческу. Играли хорошо; мнѣ кажется, интродукцію взяли слишкомъ скоро, ну да я могу ошибиться, я въ Москвѣ ее не слыхалъ, не знаю какой темпъ Вы сами хотѣли. Публика была въ восторгѣ: вызывали Направника множество разъ, поднесли ему корзину съ букетами, которые онъ разбросалъ оркестру. Отзывы музыкантовъ: Кюи нравится больше всего интродукція. Мало нравится начало разсказа: похоже на русскую пѣсню, что сюда нейдетъ. Находитъ превосходнымъ всю дальнѣйшую музыку разсказа, преимущественно, гдѣ начинаются синкопы. [1]).

Направнику очень нравится, находитъ только, что слишкомъ длинно: 25 мин. для симфонической поэмы много.

Ларошу передъ концертомъ я игралъ Франческу по партитурѣ. Ему не нравится, что похоже на Листа, онъ находитъ, что симфоническія поэмы не Вашъ жанръ. Я думаю, что онъ говоритъ это только потому, что не любитъ всякую программную музыку. Послѣ концерта спрашивалъ: будетъ онъ хвалить или бранить Франческу. Отвѣчалъ: скорѣе хвалить.

Корсакову не нравятся темы, все же вмѣстѣ взятое очень нравится.

Давыдовъ находитъ, что Франческа есть лучшее произведеніе не только Ваше, но и всей современной музыки.

Я пробылъ въ Петербургѣ недѣли двѣ. Видѣлъ въ первый разъ Юдиѳь Сѣрова. Часто видѣлъ погибающаго отъ Панаевой [2]) Анатолія Ильича. Мы съ нимъ вмѣстѣ гуляли, ходили къ Ларошу, ѣздили на извозчикѣ, завтракали.

Бессель огорченъ. Его маленькій музыкальный листочекъ пересталъ существовать: мало подписчиковъ. Онъ просилъ Музык. Общество гарантировать ему 200 подписчиковъ, но ему въ этомъ отказали. Такимъ образомъ останавливается распространеніе музыкальнаго дѣла въ Россіи, перестаетъ возбуждаться въ публикѣ интересъ къ музыкальному искусству. „Напримѣръ, въ моемъ журналѣ, говоритъ онъ, печатались всѣ афиши концертовъ. Такимъ образомъ, человѣкъ, живущій въ Саратовѣ, зналъ,

[1]) Кюи и другіе находятъ, что нѣкоторыя мѣста написаны подъ вліяніемъ Нибелунговъ.

[2]) Превосходная пѣвица, ученица Віардо, впослѣдствіи вышедшая замужъ за племянника П. И-ча, Г. П. Карцова.

что играется въ Петербургѣ; это возбуждало въ немъ охоту къ музыкѣ".

Теперь этого ничего не будетъ!!

„Правъ я или нѣтъ, это рѣшитъ потомство," говоритъ Вас. Вас., „это дѣло я представляю на судъ исторіи".

Ворочусь къ Москвѣ и къ Вашей 4-й симфоніи, о которой я Вамъ еще не писалъ, въ чемъ прошу у Васъ прощенія.

Несмотря на то, что въ ней есть превосходныя мѣста, она мнѣ нравится меньше другихъ сочиненій, напр. Франчески.

Перечисляю откровенно все то, что мнѣ въ ней не нравится. 1) I-я часть несоразмѣрно длинна сравнительно съ остальными частями; она имѣетъ видъ симфонической поэмы, къ которой случайно присочинили три части и сдѣлали изъ этого симфонію. Трубныя фанфары, составляющія интродукцію, и потомъ появляющіяся отъ времени до времени, перемѣны темпа во второй темѣ, все это заставляетъ думать, что это музыка программная. Впрочемъ я очень люблю эту часть. Кажется, слишкомъ много повторяется ритмъ , что дѣлаетъ ее нѣсколько утомительною.

Andante премилое (средняя тема мнѣ не особенно нравится).

Скерцо удивительное и звучитъ отлично. Не люблю въ немъ тріо, похожее на балетный танецъ.

Николаю Григорьевичу всего больше нравится финалъ, съ чѣмъ я не могу согласиться. Зная какъ Вы обработали „Журавля", зная что Вы можете сдѣлать изъ русской темы, варіаціи на „во полѣ береза стояла" кажутся мало значительными и мало интересными. .

Одинъ недостатокъ этой симфоніи, съ которымъ я никогда не помирюсь, это, что въ каждой части есть что-нибудь, что напоминаетъ балетную музыку: средина въ Andante, тріо въ скерцо, нѣчто вродѣ марша въ финалѣ. При слушаніи симфоніи, помимо моей воли мнѣ представляется Г-жа Собѣщанская или Гиллертъ 2-й, что меня приводитъ въ дурное расположеніе духа и мѣшаетъ наслаждаться многочисленными красотами этой симфоніи:

Вотъ мое откровенное мнѣніе объ этой симфоніи.

Можетъ быть оно выражено въ слишкомъ рѣзкой формѣ, но Вы на меня на это не сердитесь. Нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ эта симфонія не „вполнѣ" нравится. Не будь Онѣгина, который присылался одновременно съ нею, очень вѣроятно, что я бы былъ въ полномъ восторгѣ отъ симфоніи. Виноваты Вы. Виноваты въ томъ, что сочинили такую оперу, послѣ которой все, что хотите, будетъ казаться гораздо менѣе интереснымъ, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть. Онѣгинъ доставилъ мнѣ столько наслажденія, я провелъ столько пріятныхъ минутъ, разсматривая его партитуру, что совершенно неспособенъ найти въ его музыкѣ хоть какой-нибудь недостатокъ. Чудная опера! И вы еще можете говорить, что хотите перестать писать. Да Вамъ теперь болѣе,

чѣмъ когда либо, надо писать. Вы такъ хорошо никогда не писали. Пользуйтесь тѣмъ, что Вы достигли такого совершенства.

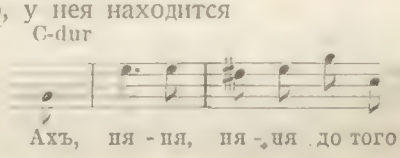
Все, что написано чернилами, написано въ Ригѣ 22 Марта. Мой концертъ состоялся въ воскресенье (онъ б. отложенъ на день), публики было человѣкъ 40, чистаго убытку 10 руб. Рецензіи были помѣщены въ 3-хъ рижскихъ газетахъ. Очень сочувственно отозвались о моей игрѣ. Завтра даю 2-й Концертъ и ѣду въ Митаву, оттуда въ Петербургъ, а оттуда въ Ревель и Дерптъ.

Я Вамъ послалъ въ Санъ-Ремо партитуру первой части моей симфоніи. Не пропала ли она?

Передѣлка Вашей симфоніи пріостановилась по случаю моихъ поѣздокъ. Мнѣ надо дня четыре поработать надъ первою частью, чтобы привести ее въ окончательный видъ.

Я сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ клавираусцугѣ 1-го акта Онѣгина. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы Вы пріѣхали въ Россію до того, какъ это все будетъ напечатано, и сами бы все пересмотрѣли.

Въ дуэтѣ Татьяны съ няней, гдѣ она проситъ ее отослать Онѣгину письмо, у нея находится



Татьяна поетъ re♯, а весь квартетъ, удваивая, играетъ re naturel. Что вѣрно?

До скораго свиданія, мой дорогой Петръ Ильичъ.

С. Танѣевъ.

Мнѣ эта ѣзда по разнымъ городамъ очень нравится и я превосходно себя чувствую.

№ 567. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Clarens. 27 Марта. 8 Апрѣля 1878 г.

Милый Сережа! Съ величайшимъ интересомъ и удовольствіемъ прочелъ письмо Ваше. Въ отвѣтъ на него мнѣ слѣдовало бы теперь же послать Вамъ обстоятельную критику Вашей партитуры, но я откладываю это на нѣсколько дней. Я получилъ ее недѣли двѣ тому назадъ, какъ разъ въ то время, когда началъ писать скрипичный концертъ, к-рый теперь тороплюсь окончить, чтобы къ моему отъѣзду, который состоится на будущей недѣлѣ, онъ былъ вполнѣ готовъ. Я нѣсколько разъ уже игралъ Вашу симфонію, но не рѣшаюсь еще высказать Вамъ рѣшительное мнѣніе о ней. Какъ только сбуду съ плечъ концертъ, то исключительно предамся ей и тогда напишу Вамъ подробно мое мнѣніе.

Напрасно Вы предполагаете, что въ Вашемъ отзывѣ о моей

4-й симфоніи есть что-нибудь рѣзкое. Это просто откровенное Ваше мнѣніе, и я Вамъ очень благодаренъ за сообщеніе его. Я нуждаюсь именно въ мнѣніи, а не дифирамбѣ. Тѣмъ не менѣе многое въ немъ меня очень удивило. Я рѣшительно не понимаю, что Вы называете балетной музыкой и почему Вы съ ней не можете помириться. Подразумѣваете ли Вы подъ балетной музыкой всякую веселую и съ плясовымъ темпомъ мелодію? Но въ такомъ случаѣ Вы не должны мириться съ большинствомъ симфоній Бетховена, въ которыхъ таковыя на каждомъ шагу встрѣчаются. Хотите ли Вы сказать, что тріо въ моемъ скерцо написано въ стилѣ Минкуса, Гербера и Пуньи? Но этого, мнѣ кажется, оно не заслуживаетъ. Вообще же я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ въ выраженіи „балетная музыка" можетъ заключаться что-либо порицательное. Вѣдь балетная музыка не всегда же дурна, бываетъ и хорошая (укажу на Sylvia-Делиба). А когда она хорошая, то не все ли равно, танцуетъ ли подъ нее Собѣщанская или не танцуетъ? Мнѣ остается, слѣдовательно, предположить, что ненравящіяся Вамъ балетныя мѣста симфоніи не нравятся Вамъ не потому, что они балетны, а потому что они плохи. Вы, можетъ быть, совершенно правы, но я все таки не постигаю, почему въ симфоніи не можетъ эпизодически появиться плясовая мелодія, хотя бы съ преднамѣреннымъ оттѣнкомъ площадного, грубаго комизма. Я опять ссылаюсь на Бетховена, который не разъ прибѣгалъ къ этому эффекту. Затѣмъ я еще прибавлю, что напрасно ломаю себѣ голову, чтобы понять, что Вы нашли балетнаго въ средней части andante. Это для меня чистая загадка. Что касается Вашего замѣчанія, что моя симфонія программна, то я съ этимъ вполнѣ согласенъ. Я не вижу только, почему Вы считаете это недостаткомъ. Я боюсь противоположнаго, т. е. я не хотѣлъ бы, чтобы изъ-подъ моего пера являлись симфоническія произведенія, ничего не выражающія и состоящія изъ пустой игры въ аккорды, темпы и модуляціи. Симфонія моя, разумѣется, программна, но программа эта такова, что формулировать ее словами нѣтъ никакой возможности, это возбудило бы насмѣшки и показалось бы комично. Но не этимъ ли и должна быть симфонія, т. е. самая лирическая изъ всѣхъ музыкальныхъ формъ? Не должна ли она выражать все то, для чего нѣтъ словъ, но что просится изъ души и что хочетъ быть высказано? Впрочемъ я признаюсь Вамъ: я въ своей наивности воображалъ, что мысль этой симфоніи очень понятна, что въ общихъ чертахъ смыслъ ея доступенъ и безъ программы. И, пожалуйста, не думайте, что я хочу порисоваться передъ Вами глубиною чувствъ и величіемъ мысли, недоступной слову. Никакой новой мысли я не стремился высказать. Въ сущности моя симфонія есть подражаніе пятой Бетховена, т. е. я подражалъ не музыкальнымъ ея мыслямъ, но основной идеѣ. Какъ Вы думаете, есть программа въ 5-ой симфоніи? Не только есть, но тутъ и спору быть не можетъ

относительно того, что она стремится выразить. Приблизительно то-же лежитъ въ основѣ и моей симфоніи, и если Вы меня не поняли, то изъ этого слѣдуетъ только, что я не Бетховенъ, въ чемъ я никогда и не сомнѣвался. Еще я прибавлю, что нѣтъ ни одной строчки въ этой симфоніи, т. е. въ моей, которая не была бы мной прочувствована и не служила бы отголоскомъ искреннихъ движеній души. Исключеніе составляетъ развѣ середина первой части, въ которой есть натяжки, швы, подклейки, словомъ,—дѣланность. Я знаю, что Вы смѣетесь, читая эти строки. Вѣдь Вы скептикъ и насмѣшникъ. Вы, кажется, несмотря на всю Вашу любовь къ музыкѣ, не вѣрите, что можно сочинять въ силу внутренней необходимости высказаться. Но подождите, придетъ и Вашъ чередъ когда-нибудь и можетъ быть скоро, начнете писать не потому, что отъ Васъ этого требуютъ другіе, а потому что Вы сами этого захотите. И только тогда на роскошную почву Вашего таланта (я выражаюсь нѣсколько велерѣчиво, но вѣрно) падутъ сѣмена, изъ которыхъ вырастутъ великолѣпные плоды. А покамѣстъ Ваша почва ожидаетъ сѣятеля. Впрочемъ, я объ этомъ буду писать Вамъ въ слѣдующемъ письмѣ. Чудныя есть подробности въ Вашей партитурѣ, но не достаетъ.... впрочемъ я опять забѣгаю впередъ Хочу въ слѣдующемъ письмѣ говорить исключительно про Васъ

Очень мнѣ было интересно узнать мнѣніе про „Франческу“. Кюи не самъ выдумалъ, что первая тема похожа на русскую пѣснь. Это я ему сказалъ въ прошломъ году. Не скажи я этого, онъ бы и не замѣтилъ. Замѣчаніе, что я писалъ подъ впечатлѣніемъ „Нибелунговъ“ очень вѣрно. Я это самъ чувствовалъ во время работы. Если я не ошибаюсь, это особенно замѣтно въ интродукціи. Не странно ли, что я подчинился вліянію художественнаго произведенія, которое въ общемъ мнѣ весьма антипатично?

Много перемѣнилось во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я Вамъ написалъ, что не надѣюсь заниматься сочинительствомъ. Бѣсъ авторства неожиданнымъ образомъ обуялъ меня сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Пожалуйста, Сережа, не усматривайте въ моемъ заступничествѣ за симфонію маленькое неудовольствіе. Я конечно желалъ бы, чтобы все, что я пишу, Вамъ нравилось, но я вполнѣ доволенъ тѣмъ сочувствіемъ, которое Вы всегда мнѣ выражали. Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ, что Онѣгинъ Вамъ нравится. Я очень, очень дорожу Вашимъ мнѣніемъ, и чѣмъ Вы, откровеннѣе будете его высказывать, тѣмъ оно будетъ болѣе цѣнно. Итакъ благодарю Васъ отъ всей души и, пожалуйста, не бойтесь рѣзкости. Мнѣ нужно отъ Васъ именно рѣзко выраженной правды, благопріятной или неблагопріятной—это все равно.

Вашъ П. Ч.

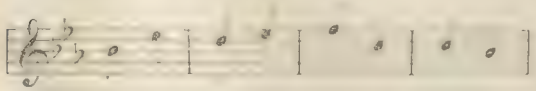
Вашимъ и Масловымъ шлю поклоны.

№ 577. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Clarens. 4/16 Апрѣля 1878 г.

Теперь я могу безъ преувеличенія сказать, что знаю Вашу симфонію вполнѣ основательно. Я ее много разъ игралъ, много разсматривалъ партитуру и скажу Вамъ, что это одна изъ тѣхъ вещей, которыя очень много выигрываютъ отъ ближайшаго знакомства. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно первой темы; вторая характернѣе, красивѣе, но все же не первоклассная достоинства. Впрочемъ, я спѣшу оговориться. Въ обоихъ этихъ темахъ нѣтъ той обаятельности, которая прельщаетъ съ перваго взгляда. Это нисколько не значитъ однако же, чтобы онѣ были пошлы, негодны. Къ нимъ можно присмотрѣться и полюбить ихъ. Это случилось по крайней мѣрѣ со мной. Въ настоящую минуту я сильно вошелъ во вкусъ 2-ой темы и каждый разъ, когда она послѣ перваго изложенія появляется терціей выше, я испытываю очень пріятное ощущеніе. Во всякомъ случаѣ я не вижу ни въ ней, ни въ первой того недостатка, который Вы находите, т. е. что онѣ коротки. Краткость нисколько не недостатокъ, если мысль вполнѣ высказана. У Моцарта и у Бетховена на каждомъ шагу встрѣчаются короткія и тѣмъ не менѣе чудныя темы, напр: Моц.

или Бетх.



и т. д. Что касается темы интродукціи, хорошо мнѣ знакомой уже давно, то я теперь, какъ и тогда, нахожу ее превосходной и мелодической, въ особенности по мелодической красивости. Одна эта тема достаточна, чтобы служить доказательствомъ большой талантливости автора. Вотъ что я могу сказать относительно темъ. Поговорю теперь о формѣ. Въ общемъ она весьма удовлетворительна. Это уже не ученическая работа, состоящая изъ кусочковъ, на живую нитку сшитыхъ. Въ ней нѣтъ неподготовленныхъ переходовъ и неестественныхъ модуляцій. Въ главной партіи ходъ, непосредственно слѣдующій за первыми восьмью тактами, немножко переполненъ модуляціями и вообще нѣсколько натянутъ. Послѣ восьми тактовъ B-dur, на 9-мъ уже оказывается ces-moll, на 10-мъ D-dur, на 13—G-moll и т. д. Это слишкомъ пестро для allegro, не успѣваешь услѣдить за всѣми переходами. Возвращеніе къ темѣ послѣ этого хода съ синкопической фигурой въ валторнахъ очень красиво, но я сомнѣваюсь, чтобы эта фигура

могла рѣзко выдѣлиться изъ массы оркестра. Впрочемъ, это недостатокъ инструментовки, о которой рѣчь будетъ впереди. Заключеніе главной партіи мнѣ черезвычайно нравится. Вся средняя часть въ высшей степени интересна, хотя я не могу не замѣтить, что Вы повторяете себя. Она напоминаетъ Вашу среднюю часть въ первой симфоніи: то-же появленіе въ каноническомъ порядкѣ кусочковъ темъ въ мѣдныхъ инструментахъ, та же игра въ соединеніе всѣхъ темъ вмѣстѣ, то же обиліе курьезныхъ деталей, болѣе красивыхъ для зрѣнія, чѣмъ для слуха, ибо не всегда голоса выдѣляются другъ отъ друга съ достаточнымъ рельефомъ. Вся педаль на As передъ концомъ превосходна, но, къ сожалѣнію, недоразвита. По моему, необходимо было, чтобы тріоли, которыя у васъ въ волторнахъ, перешли бы наконецъ въ трубы и во всѣ деревянные инструменты, а верхній голосъ играли бы всѣ струнные. Вообще это поистинѣ превосходное мѣсто пьесы пропадаетъ вслѣдствіе недостаточности развитія и слабой инструментовки. Здѣсь такое мѣсто, гдѣ инструментовка не только средство, но и цѣль. Необходимость довести фанфарную мысль до ея настоящаго выразителя, т. е. трубъ, должна была заставить Васъ удлинить, обогатить и развить весь ходъ. Заставить въ такомъ мѣстѣ трубу помогать скрипкѣ—очень грубая ошибка противъ инструментовки. Впрочемъ я опять забѣгаю впередъ. Конецъ превосходенъ и чрезвычайно эффектенъ. Я каждый разъ съ любовью и восторгомъ останавливаюсь на этомъ чудномъ появленіи темы интродукціи, особенно когда трубы играютъ тему въ B-dur. Вы сдѣлали несомнѣнный успѣхъ въ инструментовкѣ, хотя это все таки Ваша слабая сторона. Мѣдные играютъ слишкомъ часто и много. Вступленіе ихъ рѣдко производитъ эффектъ, такъ какъ понемножку они появляются безпрестанно и назойливо суются повсюду во всѣ темы, во всѣ ходы, во всѣ имитаціи и контрапункты. Вообще Ваша инструментовка недостаточно блестяща и характерна. Выдѣляются группы другъ отъ друга рѣдко. Инструментовка эта часто напоминаетъ Шумана. Но ничего ученически непоправимаго въ ней нѣтъ. Это скорѣе недостатокъ натуры Вашей, чѣмъ умѣлости. Я всегда замѣчалъ въ Васъ этотъ недостатокъ и нахожу, что успѣхи Ваши велики, но Вамъ предстоитъ обратить особенное вниманіе на него, чтобы окончательно отъ него освободиться. Вообще же, я нахожу, что Вы никакимъ образомъ не должны бросать эту первую часть. Очень немного нужно въ ней доразвить и додѣлать, чтобы она была вполнѣ достойна быть игранной гдѣ бы то ни было. Не смущайтесь тѣмъ, что при исполненіи на репетиціи она никому не нравилась. Если есть вещь, которую сразу нельзя хорошо сыграть, то это именно она. Пока всякій играющій не будетъ имѣть яснаго понятія объ относительномъ понятіи каждой фразы въ общемъ, она не будетъ звучать хорошо. Для того, чтобы музыкантъ зналъ, что имѣетъ первостепенное значеніе и что не должно выдѣляться изъ фона,—нужно

нѣсколько репетицій. Я бы желалъ знать, что бы сказали, еслибъ первую часть симфоніи, положимъ, Брамса сыграли бы только одинъ разъ на репетиціи? Кому бы она понравилась? Между тѣмъ, симфонія эта произвела большую сенсацію во всей Германіи. Итакъ, Сережа, пишите дальше и неизмѣнно докончите всю симфонію. Если первая часть ея не будетъ феноменально геніальнымъ произведеніемъ, то это, во всякомъ случаѣ, вещь очень хорошая, очень интересная и очень талантливая. Она никогда не будетъ особенно увлекательно дѣйствовать на слушателя, потому что она была и написана безъ особаго увлеченія. Вы ее состряпали изъ старыхъ темъ, искусственно приложенныхъ другъ къ другу. Только то можетъ увлекать, что сочинено. Вы же, по Вашему собственному выраженію, придумываете. У Васъ есть богатая почва для творчества, но сѣмена еще нѣсколько незрѣлы. Это придетъ само собой. А покамѣстъ достаточно и того, что есть. Еще я хотѣлъ Вамъ сдѣлать одно замѣчаніе. Вы слишкомъ небрежно ставите штрихи смычковыхъ инструментовъ. Такъ нельзя писать или, по крайней мѣрѣ, это очень дурно отразится на общемъ впечатлѣніи.

Я ѣду на дняхъ въ Россію. Партитуру Вашу Вамъ доставитъ братъ Анатолій, съ которымъ я проведу двѣ недѣли у сестры, и который послѣ Святой мимоѣздомъ будетъ въ Москвѣ. Адресъ мой: Фаст. ж. д., ст. Каменка. Пишите мнѣ, голубчикъ.

П. Ч.

635. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 12 Іюля 1878 г.

Добрѣйшій Сергѣй Ив.! Не ждите меня, я не пріѣду въ Селище [1]) по тысячѣ причинъ, изъ которыхъ не скажу Вамъ ни одной, ибо это для Васъ ни мало не интересно. Пожалуйста, извините меня, но поставленъ въ невозможность исполнить свое обѣщаніе, о чемъ весьма сожалѣю.

Весьма радъ, что Вы кончили симфонію. У меня гора съ плечъ свалилась. Вы не повѣрите, какъ мнѣ совѣстно, что я навязалъ Вамъ эту скучную работу, отвлекшую Васъ отъ собственныхъ Вашихъ занятій. Такъ какъ ранѣе осени мы съ Вами не увидимся, то попрошу Васъ, С. И., послать симфонію къ Юргенсону изъ Селища. При корректурахъ, пора которыхъ настанетъ никакъ не ранѣе осени, мы будемъ имѣть возможность проигрывать и измѣнять подробности, если только въ этомъ представится надобность, что весьма сомнительно. Юрг. писалъ мнѣ, что Руб. устраиваетъ въ Парижѣ русскіе концерты, и что Вы въ нихъ участвуете. Правда ли это? Если „да“, то очень радъ и желаю Вамъ всякаго успѣха.

[1]) Имѣніе Масловыхъ.

Прощайте, Сергѣй Ивановичъ, и не сердитесь на меня. Маслопъ всѣмъ низко кланяюсь.

Вашъ П. Ч.

Благодарю Васъ отъ всего сердца за симфонію. Я очень, очень цѣню Вашу дружескую услугу.

№ 685. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

28 Сентября 1878 г.

Милый Сережа! Н. Г. сказалъ мнѣ вчера, что фортепьянный классъ, который онъ Вамъ предлагаетъ, есть ни что иное, какъ предлогъ Вамъ проникнуть въ консерваторію такъ, чтобы никто не догадался, что Вы предназначаетесь для замѣны меня. Онъ желаетъ, чтобы никто покамѣстъ не зналъ о предстоящемъ моемъ выходѣ. Какъ только я уйду, фп. уроки Ваши прекратятся. Вы будете покамѣстъ давать ихъ въ количествѣ лишь двухъ часовъ въ недѣлю; поэтому я весьма прошу Васъ согласиться и на фп. уроки. Не долго Вамъ придется возиться съ ними. Мысль Н. Г. совершенно согласна съ моей. Я уйду отсюда совершенно незамѣтно, т. е. уѣду какъ бы по семейнымъ дѣламъ въ деревню, а оттуда уже напишу, что по болѣзни пріѣхать не могу. Такимъ образомъ, дабы никто не догадался о цѣли Вашего появленія въ сонмищѣ консерваторскихъ преподавателей, весьма хорошо, если Вы на время поскучаете за фп. уроками. Въ разговорѣ съ Р. не обнаруживайте, что Вамъ извѣстно мое предположеніе улетучиться. Боже мой, какую безконечную felicit'y я запою, когда настанетъ день моего исчезновенія, и какую громадную услугу Вы оказываете мнѣ!

Вашъ П. Ч.

№ 789. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Clarens. 4/16 Января 1879 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Мнѣ до сихъ поръ ничего не было извѣстно о представленіи „Онѣгина“, но сегодня я получилъ № „Голоса“, въ которомъ есть фельетонъ Ларошa, и изъ него я узналъ кое-что и, между прочимъ, въ высшей степени мнѣ пріятное извѣстіе, что Вы управляли оркестромъ. Я тотчасъ же преисполнился въ отношеніи Васъ, во первыхъ, чувствами благодарности, а во вторыхъ,—чувствомъ стыда. Въ самомъ дѣлѣ, съ моей стороны было безсовѣстно не исполнить даннаго обѣщанія писать Вамъ, хотя и Вы тоже хороши! Хоть бы единую строчку! Вамъ, вѣроятно, въ общихъ чертахъ извѣстно, что я дѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Проживъ мѣсяцъ во Флоренціи, я отправился въ Парижъ съ намѣреніемъ тамъ остаться мѣсяца полтора или два, но оказалось, что не хватило финансовъ; я убоялся и пріѣхалъ сюда. Здѣсь, во первыхъ, очень дешево, а, во вторыхъ, очень тихо. Я живу, какъ въ прошломъ году, въ

Pension Richelieu. Наиболѣе выдающаяся черта здѣшняго образа жизни состоитъ въ томъ, что въ часъ пополудни раздается оглушительный звонъ къ обѣду. Я схожу тотчасъ къ table d'hôte, на которомъ открытъ лишь одинъ мой кувертъ, ибо, кромѣ меня, никто здѣсь не живетъ,—и обѣдаю solo. Мнѣ очень нравится, что все-таки звонятъ, какъ бы утѣшая себя воображаемыми пенсіонерами, имѣющими принять участіе въ table d'hôte.

Занимаюсь довольно усердно, хотя занятія мои потерпѣли сильную помѣху вслѣдствіе казуса, случившагося съ моей черновой сюитой. Я ее оставилъ въ Петербургѣ, и братъ долженъ былъ мнѣ прислать ее во Флоренцію, но получилъ я ее только сегодня совершенно неожиданно, и привыкши уже считать ее погибшею. Теперь я началъ оперу на сюжетъ „Орлеанской Дѣвы". Кстати, при Васъ давали въ Парижѣ провалившуюся оперу Mermet „Jeanne d'Arc"? Если—да, и если Вы ее видѣли, то что Вы о ней скажете? Я въ Парижѣ былъ очень несчастливъ на музыку. При мнѣ не было ни одного интереснаго концерта. Въ оперѣ я слышалъ „Поліэвкта" Гуно и скажу Вамъ, что хуже этой оперы я никогда ничего не слышалъ. Даже „Гроза" Кашперова интереснѣе,—она хоть забавна иногда по наивности пріемовъ автора. Въ „Поліэвктѣ" 5 ужасныхъ дѣйствій, въ которыхъ ни одно мѣсто не можетъ выдѣлиться изъ общаго убійственно плоскаго и безколоритнаго фона. За симъ, рѣшительно ничего интереснаго сообщить Вамъ не имѣю.

Меня страхъ какъ интересуетъ, какъ Вы живете. Пожалуйста, голубчикъ, напишите мнѣ про Ваши консерваторскія занятія. Надоѣли ли они Вамъ и сильно ли утомляютъ? Пишете ли Вы? Успѣваете ли достаточно играть? Не измѣнилось ли что-нибудь относительно Вашей приватной обстановки? Не переѣхали ли Вы на отдѣльную квартиру? Какъ здоровье Вашихъ? Что Масловы? Я былъ бы Вамъ несказанно благодаренъ, если-бъ Вы мнѣ отвѣтили на эти вопросы, а также написали бы что-нибудь о представленіи „Онѣгина". Воображаю, какъ онъ Вамъ надоѣлъ?

До свиданья. Жму крѣпко руку, продирижировавшую моего „Онѣгина".

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1067. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Римъ $\frac{\text{31 Декабря}}{\text{12 Января.}}$ 1879. [1]

Адресъ: Roma. Via S. Nicola di Tolentino.
Hotel Costanzi.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Позвольте отнять у Васъ четверть

[1] Здѣсь несомнѣнно Петръ Ильичъ проявилъ свою разсѣянность. Принявъ 31 Декабря за старый стиль, исчислилъ, что по новому это будетъ 12 Января. Отвѣтное письмо Танѣева помѣчено 28 Декабря 1879: стало-быть письмо не могло быть написано 31-го. Правильность же помѣты Танѣева ясна изъ отвѣта на него П. И-ча, помѣченнаго 4 Января.

часа и попросить Васъ написать мнѣ коротенькое письмецо по поводу слѣдующаго обстоятельства.

Юргенсонъ пишетъ мнѣ, что сюита моя показалась Н. Г. Р. до того трудной, что онъ находитъ почти невозможнымъ ея исполненіе. Для меня это очень непріятный сюрпризъ, ибо, за исключеніемъ скерцо, я воображалъ себѣ, что сюита эта вовсе не трудна. Меня это крайне огорчаетъ, раздражаетъ, просто приводитъ въ отчаяніе. Чѣмъ больше я стараюсь быть простымъ и легкимъ,—тѣмъ менѣе удачны мои старанія. Потрудитесь спросить у Н. Г., въ чемъ именно онъ находитъ особенную трудность сюиты, и напишите мнѣ объ этомъ, только объ этомъ, это займетъ у Васъ не болѣе четверти часа.

Чтобы не вызвать Васъ на обстоятельное и подробное письмо, ограничиваюсь этими нѣсколькими строками. Передайте мои дружескія привѣтствія всѣмъ нашимъ. Какъ Ваше здоровье, Ваши занятія и расположеніе духа?

Вашъ П. Чайковскій.

Матушкѣ Вашей и Масловымъ усердно кланяюсь.

№ 666. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 28 Декабря 1879 г.

Сейчасъ получилъ Ваше письмо, мой милый Петръ Ильичъ, и спѣшу на него отвѣтить. Вполнѣ заслуживаю тѣхъ строкъ, въ которыхъ Вы нѣсколько язвительно просите меня написать т о л ь к о о Вашемъ порученіи, ни о чемъ больше. Сознаю, что этого заслуживаю; тѣмъ болѣе благодаренъ Вамъ за письмо.

Но, обратимся къ дѣлу. Я повидался съ Николаемъ Григорьевичемъ, и онъ по партитурѣ показалъ мнѣ все то, что считаетъ въ сюитѣ неудобнымъ. Сказанное имъ можетъ быть резюмировано такимъ образомъ:

I. Юргенсонъ нѣсколько преувеличилъ, написавъ Вамъ, что исполнять сюиту п о ч т и н е в о з м о ж н о. Ник. Гр. находитъ, что исполнять ее только т р у д н о. Нашъ оркестръ былъ затрудненъ ея исполненіемъ. Оркестрамъ, какіе находятся въ маленькихъ городахъ Германіи, будетъ очень мудрено съ ней справиться.

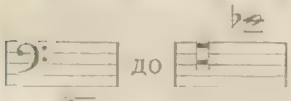
II. Трудности этой сюиты сосредоточены въ партіяхъ духовыхъ инструментовъ, въ деревянныхъ особенно. Эти трудности заключаются въ слѣдующемъ:

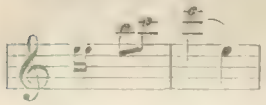
A) М а л о п а у з ъ. Деревяннымъ инструментамъ приходится играть очень долго безъ передышки. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они только удваиваютъ квартетъ (напр. въ фугѣ), это не составляетъ большого неудобства. Они могутъ всегда сдѣлать себѣ небольшую паузу, и это не будетъ замѣтно. Другое дѣло въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они совершенно открыты. Напр., во вновь прибавленной части есть мѣсто для трехъ флейтъ, гдѣ онѣ играютъ н е п р е р ы в н о въ продолженіе 22 тактовъ тріолями.

B. Т р у д н ы е п а с с а ж и. Очень часто деревянные инстру-

менты имѣютъ такіе пассажи, для исполненія которыхъ требуются виртуозы. Напр., въ andante необыкновенно труденъ переходъ ко второй темѣ (гобой съ кларнетомъ, во 2-й разъ флейта съ кларнетомъ) [тріоли шестнадцатыми]. На всѣхъ репетиціяхъ и въ концертѣ это мѣсто прошло очень плохо, несмотря на то, что нѣкоторые исполнители (кажется, Циммерманъ и Медеръ) брали партіи на домъ и учили. Это мѣсто такъ трудно, что нѣтъ никакой возможности заставить исполнять тѣ оттѣнки, которые показаны, такъ заняты музыканты тѣмъ, чтобы попасть на требуемыя ноты (особенно трудныя двойныя бемоли въ кларнетѣ).

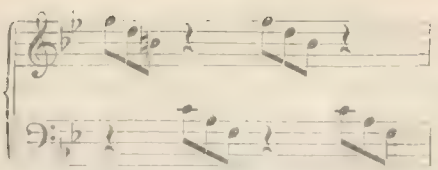
C. Слишкомъ великъ діапазонъ каждаго деревяннаго инструмента. Напр. 1-й фаготъ привыкъ играть въ теноровомъ регистрѣ, тогда какъ 2-й на низкихъ нотахъ. Привыкли къ этому какъ музыканты, такъ и сами инструменты: на 1-мъ фаготѣ низкія ноты нѣсколько фальшивы, потому что онѣ не обыграны, то же самое относительно высокихъ нотъ второго фагота. Между тѣмъ сюита начинается унисономъ двухъ фаготовъ, исполняющихъ мелодію, обнимающую собою почти весь діапазонъ фагота, и простирающагося отъ

 до Въ маршѣ гобой имѣетъ слѣдующія ноты:

 на первой репетиціи Медеръ сыгралъ такъ:

Когда Ник. Гр. спросилъ, отчего онъ не играетъ такъ, какъ написано, то онъ отвѣчалъ, что онъ можетъ это сыграть, но что это портитъ его губы, ибо слишкомъ высоко; что французскіе гобоисты могутъ играть такія ноты, но что у нихъ иные мундштуки, болѣе тонкіе и способные производить высокіе звуки, что онъ можетъ взять такой мундштукъ, но что отъ этого пострадаютъ низкія и среднія ноты, которыя при такомъ мундштукѣ выходятъ хуже.

D. Трудные ритмы, дѣлающіе исполненіе неувѣреннымъ. Часто отсутствіе того, что нѣмцы называютъ Anhaltspunkt; говоря по—русски, отсутствіе нотъ на сильныхъ частяхъ такта, напр. (въ скерцо) такой ритмъ: послѣднія ноты находятся на второй четверти, на третьей четверти пауза. Вслѣдствіе этого весьма трудно сыграть эти ноты въ тактъ, всегда онѣ выходятъ нѣсколько скомканно: Также слѣдующее мѣсто:



Вообще все скерцо требуетъ виртуознаго исполненія, котораго невозможно требовать отъ большинства оркестровъ.

Е. Нѣкоторыя мѣста звучатъ очевидно не такъ, какъ Вы это имѣли въ виду. Напр., въ началѣ скерцо, когда вступаютъ деревянные инструменты, они дѣлаютъ модуляцію въ B-dur:

На доминантъ-аккордѣ у Васъ написано ff, между тѣмъ этимъ аккордъ совершенно не выдѣляется, и модуляція дѣлается незамѣтною.

Въ этомъ же скерцо (въ тріо) есть ходъ, оканчивающійся фаготами и контрабасами. Обиліе хроматическихъ аккордовъ и трудность сыграть ясно на духовыхъ инструментахъ все, что у нихъ находится, дѣлаетъ то, что это мѣсто звучитъ совершенно непонятно и представляется какъ бы массой фальшивыхъ нотъ.

И такъ, всѣ трудности состоятъ въ томъ, что деревянные инструменты разсматриваются не какъ группа, не какъ инструменты, помогающіе квартету, а какъ группа, стоящая на ряду съ квартетомъ, и причемъ нерѣдко упускается изъ вида то, что дух. инструментамъ нуженъ частый отдыхъ. На репетиціяхъ музыканты жаловались на усталость.

Вотъ сущность того, что передалъ мнѣ Николай Григорьевичъ. Онъ просилъ меня также написать, что публика очень хорошо приняла сюиту, что маршъ былъ повторенъ два раза и что, по мнѣнію всѣхъ нашихъ музыкантовъ, самая совершенная часть этой сюиты есть несомнѣнно фуга.

Исполнивъ порученіе, перехожу ко второй, добавочной части письма. Начну съ концертовъ Музыкальнаго общества, которыхъ было семь. Кромѣ сюиты, ничего особенно интереснаго въ послѣднихъ концертахъ исполнено не было; развѣ Манфредъ Шумана, ну да это не новость. Въ прежнихъ концертахъ особенно интересно было исполненіе премилыхъ танцевъ Гольдмарка изъ Королевы Савской. По моему мнѣнію, Гольдмаркъ самый талантливый изъ современныхъ нѣмцевъ (я Вагнера не знаю). Прошлый годъ играли его симфонію, которая доставила мнѣ большое удовольствіе. Прозрачность мыслей, простота, изящество и оркестръ, похожій звукомъ на оркестръ старыхъ классическихъ нѣмцевъ, все это было мнѣ въ высшей степени пріятно. Я ожидалъ встрѣтить все это и въ танцахъ, которые, напротивъ того, оказались въ современно-Вагнеровскомъ вкусѣ, инструментованные по всѣмъ

новѣйшимъ правиламъ. Это не мѣшаетъ имъ быть весьма милыми. Кажется, больше ничего интереснаго не было. Упомяну о совершенно заслуженномъ успѣхѣ, который имѣлъ Пабстъ, [1]) превосходно сыгравшій концертъ Сенъ-Санса, и о той мистификаціи, жертвой которой сдѣлалось Музыкальное Общество, выписавшее для участія въ концертахъ скрипача Брассена (братъ піаниста), вообразивъ, что онъ умѣетъ играть на скрипкѣ. Никогда въ Музыкальномъ Обществѣ не раздавались болѣе позорные звуки, чѣмъ тѣ, которые выпускалъ изъ своей скрипки Брассенъ. Вмѣсто того, чтобы его прогнать послѣ симфоническаго концерта, его допустили еще въ квартетное собраніе, гдѣ онъ исковеркалъ сонату Шумана и квартетъ Бетховена.

Консерваторскіе профессора нѣсколько разъ собирались устраивать вечера для разыгрыванія нововышедшихъ музыкальныхъ произведеній. Въ прежнее время собирались у Николая Григорьевича, кажется у Васъ, но все это не надолго; по прошествіи нѣкотораго времени эти вечера, по разнымъ причинамъ, прекращались. Благодаря моимъ стараніямъ, эти вечера возобновились. Мы собираемся въ консерваторіи 2 раза въ мѣсяцъ, по воскресеньямъ, и занимаемся музыкой. Послѣ музыки желающіе могутъ идти къ Карлу Карловичу ужинать. Для того, чтобы не вводили Карла Карловича въ расходъ, каждый ужинающій по прошествіи года платитъ ему по рублю за ужинъ. До сихъ поръ мы собирались 3 раза. На одномъ изъ вечеровъ я игралъ Ваши 12 пьесъ для ф.п., посвященныхъ Модесту Ильичу. Каждый разъ играемъ по нѣсколько тріо, разъ была исполнена Миллеромъ церковная кантата Баха — для одного тенора, и т. д. Предполагаю, что въ слѣдующій разъ Милорадовичъ споетъ другую Кантату, съ аккомпаниментомъ струннаго квартета и трубы, которую кто-нибудь будетъ изображать на фортепіано.

Карлъ Карловичъ придумалъ къ именинамъ Николая Григорьевича сюрпризъ. Онъ долженъ былъ состоять въ слѣдующемъ. Монаршею милостью намъ дозволено имѣть свойственные нашему званію мундиры. Карлъ Карловичъ долженъ былъ купить золоченыя пуговицы, которыя преподаватели консерваторіи должны были пришить на свои фраки и явиться въ 8 часовъ утра къ Николаю Григорьевичу для того, чтобы спѣть ему нарочно для этого случая приготовленный хоръ, сочиненіе коего было поручено мнѣ. Слова для этого хора были отысканы Карломъ Карловичемъ совмѣстно съ Самаринымъ. [2]) Они остановились на стихотвореніи, которое школьники поютъ своимъ начальникамъ:

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь ты начальникомъ вѣчно,“

[1]) Павелъ Августовичъ Пабстъ, прекрасный піанистъ и композиторъ, профессоръ Моск. Консерваторіи. Скончался въ Москвѣ въ 1897 году.

[2]) Знаменитый актеръ Малаго Театра, бывшій профессоромъ сц. искусства въ Моск. Консерваторіи.

„Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца."

Музыку я написалъ (соло и хоръ съ аккомпаниментомъ струннаго квартета), но сюрпризъ не состоялся: Николай Григорьевичъ уѣхалъ изъ Москвы.

Въ продолженіе всѣхъ праздниковъ (съ которыми, кстати, Васъ поздравляю) я сижу дома и занимаюсь сочиненіемъ; бросилъ даже играть на фортепіано. Сочиняю тріо для струнныхъ инструментовъ, о началѣ котораго я Вамъ говорилъ, когда Вы пріѣзжали въ Москву. Надѣюсь къ новому году его кончить. Когда кончу, попрошу нашихъ профессоровъ его сыграть и пошлю Вамъ партитуру съ просьбой всѣ Ваши замѣчанія написать на ней и притомъ ч е р н и л а м и. Я храню благоговѣйно одну партитуру, на которой Вы написали свои замѣчанія. Думаю, что Вы мнѣ въ этомъ не откажете.

Мнѣ, наконецъ, удалось сочинить скерцо въ обращенномъ контрапунктѣ, которое и находится въ этомъ тріо. Мнѣ сочиненіе теперь не стоитъ такихъ усилій, какъ прежде. Я пріучился не терять безплодно время, что со мной бывало прежде, когда я къ сочиненному одному такту пріискивалъ другой, потомъ третій и т. д. Мнѣ случайно попалось одно нѣмецкое сочиненіе, гдѣ было описано, какъ Бетховенъ писалъ свои эскизы, и былъ приведенъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ этихъ эскизовъ. Бетховенъ не писалъ сочиненіе подрядъ, а кусочками и записывалъ все, что ему приходило въ голову. Въ этомъ я стараюсь ему теперь подражать. Я завелъ книгу и въ продолженіе часа или двухъ записывалъ безъ разбора все, что приходитъ въ голову и что можетъ имѣть какое-нибудь отношеніе къ тому сочиненію, которымъ я занятъ въ данный моментъ. Это имѣетъ то преимущество, что дастъ возможность работать разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ сочиненія, избавляетъ отъ труда размышлять относительно каждой мысли, пригодна она или нѣтъ, сохраняетъ тѣ мысли, которыя могли сперва показаться негодными, но которыя могутъ пригодиться, будучи помѣщены въ свое время и т. д. Однимъ словомъ, я разомъ могу увидать все, что въ моей головѣ проходило въ теченіе долгаго времени, и уже эти готовые матеріалы располагать въ той или другой послѣдовательности.

Мнѣ представляется, что въ вышеупомянутомъ тріо я сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ формѣ, что разработка темъ лучше, чѣмъ въ моихъ предыдущихъ твореніяхъ, плавности больше. Но, можетъ быть, ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ буду ожидать отъ Васъ откровеннаго разбора.

Въ настоящее время нахожусь у Масловыхъ, которымъ о Вашемъ письмѣ еще не говорилъ. Сейчасъ его имъ покажу; вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ листы, на которыхъ я Вамъ написалъ это письмо, чтобы похвалиться передъ ними длинотою того письма, которое я Вамъ написалъ. Они меня такъ часто и, къ сожалѣнію, такъ справедливо упрекаютъ въ томъ, что я Вамъ не пишу.

У насъ на святкахъ затѣвается маскарадъ. Я буду наряженъ китайцемъ, Ѳедоръ Ивановичъ французскимъ дворяниномъ временъ Людовика XIII, братъ Владиміръ Ивановичъ кардиналомъ Ришелье, и т. д. Костюмы изготовляются подъ высшимъ надзоромъ Варвары Ивановны (Вы, вѣроятно, помните, что у Ѳедора Ивановича три сестры: Варвара, Анна и Софья Ивановна—Катерины Ивановны нѣтъ—).

До свиданья, милый Петръ Ильичъ. Не полѣнитесь потратить ¼ часа, чтобы написать мнѣ грѣшному нѣсколько строкъ, въ которыхъ бы заключались хотя самыя краткія свѣдѣнія о Васъ, о томъ, что Вы дѣлаете, что намѣреваетесь дѣлать, какъ себя чувствуете и т. п.

Остаюсь вѣчный Вашъ.

С. Танѣевъ.

P. S. Пообѣдавъ у Масловыхъ, отправился съ ними домой, гдѣ елка. Слѣдующій за этимъ листъ заключаетъ въ себѣ письма Масловыхъ, написанныя у насъ послѣ вышеупомянутой елки.

№ 1070. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Римъ. 4/16 Января 1880 г.

Получилъ Ваше письмо, милый Сережа, и несказанно Вамъ за него благодаренъ. Напрасно Вы усмотрѣли гдѣ-то въ моихъ выраженіяхъ „язвительность". Я никогда не думалъ обижаться на то, что Вы не пишете мнѣ. По себѣ знаю, какъ противно писать, когда есть дѣло, а у Васъ, я знаю, праздныхъ минутъ немного. И только иногда грущу, не имѣя долго никакихъ извѣстій изъ Москвы, и мнѣ непріятно бываетъ подолгу терять Васъ изъ виду. Если Вы будете хоть кратко, но изрѣдка мнѣ рапортовать о Вашемъ житьѣ-бытьѣ, то это—все, что мнѣ нужно. Объясненія Ник. Григ. ни мало не удовлетворили меня. По всему вижу, что, какъ это иногда бываетъ съ нимъ, на него нашло дурное расположеніе духа и обрушилось на сюиту. Никто въ мірѣ не докажетъ мнѣ, что флейты не могутъ 22 такта сряду дѣлать тріолеты въ скоромъ темпѣ. Да онѣ и безъ всякаго труда 200 тактовъ могутъ валять подобные пассажи. Очень наивно было бы думать, что это должно дѣлаться безъ передышки. Передышкамъ мѣсто есть; самъ на флейтѣ чуточку играю и говорю это съ полнымъ убѣжденіемъ. Трудность—понятіе относительное: для ученика 1-го года консерваторскаго курса это не только трудно, но и невозможно; а для обыкновеннаго хорошаго оркестроваго музыканта это нетрудно. Впрочемъ, я далекъ отъ претензіи умѣть писать легко; я знаю, что всѣ мои инструментовки всегда страдали относительной трудностью, но согласитесь, Сергѣй Ивановичъ, что сюита есть сущая игрушка въ сравненіи съ „Франческой", даже съ 4-ой симфоніей, по поводу которыхъ Н. Г. и не думалъ жаловаться на особую труд-

ность. Вообще, всѣ замѣчанія Н. Г. таковы, что если бы они были основательны, то мнѣ положительно слѣдуетъ отказаться писать. Какъ! десять лѣтъ сряду я преподавалъ въ консерваторіи инструментовку (положимъ, неважно,—однако-же такъ, что не особенно компрометировалъ себя) и послѣ этого, еще черезъ два года, мнѣ дѣлаютъ такія замѣчанія, какія можетъ заслужить только плохой ученикъ. Что-нибудь одно: или я никогда ни бельмеса не смыслилъ въ оркестрѣ, или критика моей сюиты составляетъ pendant къ положительному заявленію Н. Г., сдѣланному въ 1875 г. о концертѣ, что будто бы его невозможно играть. Однако-жъ, то, что было невозможно въ 1875 году, сдѣлалось совершенно возможно въ 1878 г..... Впрочемъ, у меня есть еще одно объясненіе. Г. Мёдеръ былъ не въ духѣ, что съ нимъ бываетъ, и это отозвалось на Н. Г. Мнѣ очень нравится, что высокія ноты портятъ г. Мёдеру губы!!!! Очень жаль, что эти драгоцѣнныя губки, съ которыхъ г-жа Мёдеръ срывала такъ много поцѣлуевъ, навѣки пострадали отъ того, что ему пришлось сыграть 2-хъ чертное mi. Однако-же это не помѣшаетъ мнѣ и впредь, если окажется нужнымъ, портить священныя Мёдеровскія губы высокими нотами, которыя всякій другой гобоистъ и безъ всякаго особаго французскаго мундштука играетъ совершенно свободно.

Но довольно о несчастной сюитѣ. Можете не говорить Н. Г. о моемъ отвѣтѣ на его замѣчанія. Такъ какъ, въ концѣ концовъ, она была исполнена хорошо, то мнѣ остается только быть ему благодарнымъ, а вѣдь разубѣдить его было бы тщетной попыткой. Меня нисколько не удивитъ, если черезъ три года онъ поставитъ эту же сюиту, какъ примѣръ легкости.

Теперь скажу Вамъ кое-что о себѣ. Во первыхъ, у меня сегодня болятъ зубы: я, можетъ быть, отъ этого выразился довольно рѣзко о критикѣ Н. Гр. Вообще же, я пользуюсь вожделѣннымъ здоровьемъ. Римъ не совсѣмъ подходящее для меня мѣстопребываніе. Онъ слишкомъ шуменъ, слишкомъ роскошенъ историческими и художественными богатствами; въ немъ нельзя жить тихо и незамѣтно въ своей норкѣ: безпрестанно приходится выползать, и я даже не могъ здѣсь скрыть своего инкогнито. Нашлись господа и госпожи, усиленно навязывавшіеся ко мнѣ на знакомство.—Тѣмъ не менѣе, провожу время хорошо, благодаря обществу брата Модеста.

Климатъ удивительный.

Занятія мои слѣдующія:

1) Концертъ для фп. у меня давно уже готовъ вчернѣ; я кончилъ его еще въ Парижѣ.

2) Въ настоящее время я занятъ передѣлкой 2-ой симфоніи. Первую часть я написалъ новую, за исключеніемъ интродукціи, которая осталась по старому. Первая тема allegro—другая, а прежняя часть вышла теперь сжатая, коротенькая и нетрудная. Если къ чему идетъ эпитетъ невозможности, такъ это къ пер-

вой части въ ея прежнемъ видѣ. Боже мой, какъ это трудно, шумно, безсвязно, безтолково! Andante осталось безъ измѣненія. Скерцо радикально передѣлано. Финалъ получилъ огромную купюру. —Все это уже почти совсѣмъ готово. Теперь представляется вопросъ: какъ выручить эту несчастную симфонію отъ Бесселя? Онъ 7 лѣтъ сряду надувалъ меня, увѣряя, что партитура печатается. Положимъ, благодаря его обману, я могъ теперь передѣлать вновь симфонію; но кто мнѣ поручится, что онъ напечатаетъ въ новомъ видѣ 4-хъ ручное переложеніе, а также партитуру и голоса? Я написалъ ему письмо, отвѣтъ на которое еще не получилъ. Но сдѣлаю все возможное, чтобы вырвать ее изъ рукъ его.

Передайте отъ меня самую теплую благодарность Варварѣ Павловнѣ, а также Масловымъ за ихъ милыя приписки. Какъ мнѣ захотѣлось, читая ихъ, очутиться на нѣсколько часовъ въ ихъ миломъ обществѣ, съ Вами и съ матушкой Вашей.

Буду съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидать Вашего trio. Я останусь здѣсь еще нѣсколько времени; если переѣду, то адресъ мой будетъ у Юргенсона.

Хочу написать итальянскую сюиту изъ народныхъ мелодій.

Обнимаю Васъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1168. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 29 Мая 1880 г.

Милый Сережа! Когда я сдѣлалъ инструментовку моего итальянскаго каприччіо (я изъ фантазіи перекрестилъ эту вещь въ каприччіо), то во мнѣ возгорѣлось горячее желаніе, чтобы какъ можно скорѣе вещь эта была награвирована, какъ въ видѣ партитуры и голосовъ, такъ и въ видѣ переложенія на 4 руки. Мнѣ невыразимо хотѣлось, чтобы переложеніе было сдѣлано Вами, но такъ какъ для этого потребовалось бы сначала снять копію съ партитуры, а потомъ доставить ее къ Вамъ заграницу, за симъ еще, Богъ знаетъ, когда бы Вы имѣли возможность исполнить работу,—то я задумался и результатомъ вышло то, что поспѣшилъ сдѣлать переложеніе самъ. Конечно, оно вышло не такъ хорошо, какъ если бы Вы его сдѣлали, но зато теперь я увѣренъ, что къ будущему сезону все будетъ готово, и можно будетъ мое каприччіо исполнить. Ужасно боюсь, что Вы немножко будете сердиться на меня за то, что я—то умоляю Васъ переложить мою дребедень, то самъ поспѣшаю это исполнить и, такимъ образомъ, какъ бы недостаточно почтительно отношусь къ Вамъ и недостаточно цѣню готовность Вашу помочь мнѣ. Но вся штука въ томъ, что нужно скорѣе, скорѣе и скорѣе.

Пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ, зайдите, если будетъ время, къ Юргенсону и посмотрите мою работу, при чемъ, разумѣется,

уполномочиваю Васъ перечеркивать сколько угодно. Я старался сдѣлать какъ можно проще и удобоисполнимѣе.

Что Вы дѣлаете, голубчикъ? Не напишете ли хоть два словечка въ отвѣтъ на этотъ вопросъ?

Передайте мой поклонъ Варварѣ Павловнѣ, Масловымъ, Владимиру Ивановичу и т. д.

№ 765. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Ипоръ. 17 Іюля нов. стиля 1880 г.

Милый Петръ Ильичъ. Я собирался остаться въ Парижѣ дней пять, не болѣе, а пробылъ цѣлыхъ семнадцать. Мнѣ очень хотѣлось увидѣть національный праздникъ, который происходилъ 14 числа; я очень доволенъ, что его увидалъ. Въ этотъ день я былъ на ногахъ по крайней мѣрѣ 12 или 13 часовъ, видѣлъ все, что можно было видѣть. Днемъ весь городъ былъ убранъ флагами, цвѣтными фонарями, гирляндами изъ зелени. Всѣ украшенія были сдѣланы съ большимъ вкусомъ и большою изобрѣтательностью, на что французы такъ способны. Вечеромъ—роскошная иллюминація. Гирлянды бѣлыхъ фанарей, внутри которыхъ горѣлъ газъ, шли въ нѣсколько рядовъ вокругъ площадей: place de la Concorde и place de la Republique; фонтаны освѣщались электрическими солнцами и бенгальскими огнями; въ саду Тюильери большая аллея (не менѣе $^1/_2$ версты длиною) была окаймлена газовой декораціей, изображавшей непрерывный рядъ колоннъ. Однимъ словомъ, все было свѣтло, радостно и роскошно. Бездна народу; всѣ веселы, городовыхъ нѣтъ; шумъ невѣроятный; при всемъ томъ большой порядокъ. Вечеромъ было два безплатныхъ концерта Колонна и Паделу; пять фейрверковъ и множество баловъ на улицахъ, преимущественно на маленькихъ: выстроены эстрады, играетъ военная музыка, желающіе могутъ танцовать. Ѣзда по Парижу въ теченіе всего вечера была запрещена: ни одной кареты, ни одного омнибуса. Толпы стали расходиться къ часу ночи.

Я пробылъ 15 число въ Парижѣ, вчера, 16-го, переѣхалъ въ Ипоръ, гдѣ и останусь все лѣто. Вотъ мой адресъ:

France. Seine inférieure. Ipport (par Fécamp). Hôtel Tongard, № 8.

Жду отъ Васъ письма. Что дѣлаете? написали ли что-нибудь новое и что именно?

Да, кстати, я остался лишній день въ Парижѣ (15 числа) исключительно съ цѣлью проиграть Онѣгина моему хорошему знакомому, ученику Сенъ Санса—d'Indy. Съ 10 часовъ утра до 5 часовъ по полудни (съ исключеніемъ времени, употребленнаго на завтракъ) я ему игралъ Онѣгина, переводя передъ началомъ каждаго номера послѣдующій текстъ и по временамъ переводя духъ (минутъ по пять). Сколько я могъ замѣтить, онъ былъ увлеченъ Вашей чудной музыкой. Собирается выписать себѣ клавираусцугъ. Про многія мѣста говорилъ съ восторгомъ.

№ 1215. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

21 Іюля 1880 г.

Милый Сережа! получилъ вчера вечеромъ Ваше милое письмо и крайне былъ обрадованъ онымъ. Жаль только, что Вы ничего мнѣ не пишете о Вашемъ Ипорскомъ образѣ жизни. Какъ Вы справляетесь съ одиночествомъ? тяготитесь имъ или наслаждаетесь? Или Вы тамъ кого-нибудь видите?

Я вотъ уже три недѣли живу въ маленькомъ имѣніи зятя моего брата, въ абсолютномъ одиночествѣ или, лучше сказать, въ обществѣ съ чудной, неисчерпаемой въ своихъ рессурсахъ товаркой,—матерью-природой. Скажу Вамъ, что чѣмъ дѣлаюсь старше, тѣмъ больше растетъ и укрѣпляется во мнѣ восторженная любовь къ вышеупомянутой моей товаркѣ. И странно, что нигдѣ, какъ именно въ Россіи, среди скромной сельской обстановки я такъ не наслаждаюсь ей! Люблю Швейцарію и Италію, но какъ-то совсѣмъ иначе: почти какъ красиво написанныя декораціи, а не какъ живую природу. Я по истинѣ блаженствовалъ бы здѣсь, если бъ моя принадлежность къ человѣческому обществу и сопряженныя съ этой высокой честью пакости не давали себя чувствовать и здѣсь. Никуда не убѣжишь отъ стадной жизни. Какъ ни бейся, а все-таки нужно быть овцой стада и пріобщаться къ его каверзамъ,—или же нужно совсѣмъ не жить, чего я однако же не желаю, ибо многое въ жизни все-таки крайне привлекательно. Притомъ же, умереть всегда успѣешь.

Все лѣто это было посвящено корректированію оперы, и творилъ я очень мало, а именно лишь нѣсколько вокальныхъ маленькихъ піесъ, какъ то: романсовъ и дуэтовъ. Корректуру наконецъ кончилъ, и на дняхъ вся она отослана къ Юргенсону. Не поручусь, что ошибокъ вовсе не будетъ, но надѣюсь, что ихъ будетъ такъ мало, что едва замѣтно.

Жизнь здѣсь веду совершенно буколическую, т. е. брожу и странствую непрестанно, немало читаю, немало играю. Проигрывалъ на дняхъ одну изъ любимѣйшихъ моихъ вещей „Carmen“ Bizet и снова воспламенился восхищеніемъ. Если-бъ я умѣлъ что-нибудь серьезно написать, то съ наслажденіемъ занялся бы статьей, въ коей доказалъ бы, что „Carmen“, несмотря на скромныя претензіи автора, (это для Opéra Comique, а не для Grand Opéra написано)—есть одно изъ самыхъ выдающихся лирическихъ произведеній нашей эпохи. Мнѣ кажется, что эпоха наша отличается стремленіемъ композиторовъ не къ великому и грандіозному, а къ хорошенькому и пикантному. Что такое, напр., новая русская школа, какъ не фантастическій культъ всего пріятнаго, вкуснаго? (очень характеристическое выраженіе!) Прежде сочиняли, творили, теперь подбираютъ, изобрѣтаютъ разныя вкусныя комбинаціи. Идея перестала быть цѣлою: она средство, поводъ къ изобрѣтенію того или другого гармоническаго или оркестроваго эффекта. Если провести мою мысль до

послѣдней крайности, то можно доказать, что эпигонами золотого вѣка музыки были: Мендельсонъ, Шопенъ, Шуманъ, Глинка, Мейербееръ, но что они уже (вмѣстѣ съ Берліозомъ) представляютъ переходъ къ періоду вкусной, а не хорошей музыки. Теперь же только вкусное и пишется, и въ сущности даже Вагнеръ и Листъ суть жрецы вкусной музыки. И вотъ въ такое-то время высоко даровитый французъ написалъ вещь, въ которой хорошенькое, вкусное, пикантное, пряное льется вдохновеннымъ потокомъ. Французъ этотъ отдаетъ дань испорченности вѣка, но оставаясь художникомъ, а не дѣлаясь на подобіе нашимъ г.г. Кюи и С° какой-то музыкальной кухаркой.

Кромѣ болтовни въ фельетонномъ духѣ я не могу ничего писать: не хватаетъ пороху.

Познакомился съ неизвѣстной мнѣ дотолѣ вещью Massenet „Marie Magdeleine". Сначала мнѣ показалось очень смѣлой мыслью заставить Христа пѣть арію и дуэты съ Магдалиной, и потому началъ проигрывать съ предубѣжденіемъ. Но вскорѣ оно разсѣялось. Тамъ есть отличныя вещи, а дуэтъ Христа съ Магдалиной маленькій chef-d'oeuvre. Достаньте и проиграйте. Вообще, по моему, французамъ суждено въ непродолжительномъ будущемъ стать во главѣ музыкальнаго движенія.

Теперь, Сережа, потѣшу Васъ. Вмѣстѣ съ Вашимъ письмомъ пришло ко мнѣ письмо отъ нѣкоего г. Симакова съ приложеніемъ либретто, которое онъ предлагаетъ мнѣ положить на музыку. Письмо при семъ прилагаю (съ просьбой возвратить мнѣ его), а либретто, этотъ литературный алмазъ, покажу Вамъ при свиданіи въ Москвѣ.—Виноватъ,—нельзя отдѣлить письмо отъ либретто, а потому довольствуйтесь краткимъ изложеніемъ содержанія. Г. Симаковъ пишетъ, что у нихъ въ деревнѣ есть домашній театръ, что имъ надоѣли водевили, что они задумали завести домашнюю оперу, и съ этой цѣлью онъ сочинилъ либретто и проситъ меня, какъ „геніальнаго музыканта", снабдить оное музыкой. Опера называется „Саша и Ваня". Сюжетъ въ томъ, что Ваня, деревенскій подкидышъ, влюбленъ въ барышню Сашу. У Саши мать, помѣщица-вдова. Ваня съ Сашей сходятся на rendez-vous и говорятъ такими стихами между собой:

САША.

Я теперь не сомневаюсь (sic)
Въ твоей прекраснѣйшей душѣ.
Прійдешь... [1]) я тебѣ признаюсь
Душа моя твердила мнѣ:
Что другъ мой любитъ не меня
А казну моей мамаши.
И что любовь будто твоя
Въ лицѣ горничной Наташи...

[1]) прежде-якъ.

ВАНЯ.

Воздадимъ хвалу мы Богу
Притомъ попросимъ, чтобы Онъ
Помогалъ хоть понемногу
Мамашу брать твою въ полонъ... и т. д.

Ихъ застаетъ помѣщица и на просьбу позволить обвѣнчаться говоритъ:

ВДОВА.

Ахъ ты хамское отродье,
Зачѣмъ ты къ дочери пришелъ?
Ахъ свинья ты породья
Иди прочь отсюда, оселъ!

Послѣ этого Саша немедленно бросается въ колодезь, а вслѣдъ за нею Ваня. Является хоръ. Помѣщица проситъ ихъ вытащить. Крестьяне лѣзутъ и вытаскиваютъ. При этомъ поется слѣдующее:

ВДОВА.

Въ колодезь сей ввалилась дочь
Съ ней одинъ еще крестьянинъ
Скорѣй ей надобно помочь
Можетъ быть и откачаемъ.

ХОРЪ.

Возьмемъ дружно, покачаемъ
Черезъ что она должна ожить.

ВДОВА. (Фаддею, полѣзшему въ колодезь).

Не мучай насъ скажи скорѣй
А то вѣдь это просто срамъ
Ну что-жъ, досталъ ли что ты тамъ
Что ты молчишь тамъ, братъ Фаддей?

ХОРЪ. (таща изъ колодца).

Ну! возьмитесь подружнѣе
Младую барышню тащить.

ВДОВА.

Ну-же братцы поскорѣе!
О, если-бъ Богъ далъ ей ожить!

Потомъ ихъ откачиваютъ и послѣ сего, разумѣется, вдова соглашается на ихъ бракъ.

ВАНЯ и САША. (очнувшись вмѣстѣ).

О Боже мой, какъ тяжко мнѣ
Голова болить (sic) ужасно,
Мнѣ снилось гадкое во снѣ.

Фу! и вспомнить про то страшно.
Отъ всей души благодарю
За твое на бракъ согласье,
Поступокъ мой не ставъ въ вину
Онъ послужитъ намъ на счастье.

ХОРЪ.

Хвала Богу! обошлося
Все какъ лучше нельзя быть
И подкидышу пришлося
Черезъ случай сей богато жить.

Не правда ли, Сережа, хорошо? Вѣдь не выдумаешь, ради шутки, ничего подобнаго.

Прощайте! пишите!

П. Чайковскій.

№ —. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Ипоръ. 6 Августа новаго стиля 1880 года.
25 Іюля.

Милый Петръ Ильичъ. Сейчасъ, возвратясь съ прогулки, нашелъ Ваше письмо и сейчасъ же сажусь Вамъ отвѣчать. Все, что Вы мнѣ пишете, за немногими исключеніями я бы могъ Вамъ написать: со всѣмъ соглашаюсь. Начну съ природы. Подобно Вамъ искренно способенъ наслаждаться лѣтомъ лѣсами, полями, рѣками во всякое время дня и ночи. Подобно Вамъ нахожу, что милѣе, прелестнѣе для сихъ наслажденій нѣтъ страны другой, кромѣ нашей скромной и невѣроятно обширной Россіи. Я научаюсь ее цѣнить въ отдаленіи. Отправляясь гулять здѣсь, въ Ипорѣ, я прихожу въ негодованіе, безпрестанно натыкаясь на прелестные chalets, на изящныя фермы, служащія предметомъ восхищенія для всѣхъ, пріѣзжающихъ сюда на лѣто купальщиковъ. На дняхъ я былъ обрадованъ, отыскавъ чудный сосновый, старый лѣсъ, и провелъ въ немъ почти цѣлый день (Ипоръ славится своими лѣсами, которые дѣйствительно превосходны). Этотъ лѣсъ принадлежитъ какимъ-то богатымъ наслѣдникамъ обширнаго имѣнія, которые ссорятся и не могутъ своихъ имѣній подѣлить. Я благословлялъ судьбу, даровавшую имъ сварливый и неуживчивый характеръ, ибо, благодаря этому обстоятельству, никто изъ нихъ не живетъ, и сей лѣсъ не отгороженъ заборомъ и не входитъ въ составъ „propriété“, что часто случается съ хорошими лѣсами, на которые скромному путешественнику приходится смотрѣть сквозь рѣшетку. Я льстилъ себя надеждою, что кромѣ меня никто не знаетъ тропинку къ этому лѣсу. Вдругъ вчера—цѣлыя толпы гуляющихъ, приходящихъ, уходящихъ и вновь приходящихъ. Къ довершенію всего, какое-то семейство, повидимому имѣющее на эту мѣстность какія то „права“, пришло и стало выбирать мѣсто, гдѣ бы дѣтямъ

можно было бы играть въ какую-то игру. Я ушелъ глубоко оскорбленный и отправился искать уединенной части лѣса. Найти не нашелъ, но все это на такомъ незначительномъ пространствѣ: забудешь, пройдешь 10 минутъ въ одномъ направленіи и уткнешься въ chalet. Нѣтъ, только въ одной русской деревнѣ можно дышать на свободѣ. Итакъ, подобно Вамъ я питаю самую нѣжную любовь къ природѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется намъ въ нашихъ деревняхъ.

Перехожу къ обществу людей. Занимая въ немъ мѣсто несравненно скромнѣйшее, чѣмъ Вы, я не осужденъ испытывать сопряженныя съ высокимъ положеніемъ неудобства. Оперъ не пишу, корректуръ не дѣлаю, славы не имѣю, да еслибъ и имѣлъ, то, во всякомъ бы случаѣ, она меня не тяготила. Слава даетъ людямъ чувствовать, что въ нихъ, въ самихъ нихъ, присутствуетъ сила, а нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ чувствовать въ себѣ силу. Полагаю, что Вы немного лицемѣрите, увѣряя, что она слава Васъ отягощаетъ (я вспоминаю Ваши разсказы о Петербургскомъ пребываніи). Цицеронъ говоритъ совершенно справедливо, что стремленіе къ славѣ есть „удѣлъ душъ благородныхъ. Философы, наиболѣе противъ нея ратующіе, никогда не забываютъ выставлять на сочиненіи свою фамилію". Что до меня касается, то я получаю очень много удовольствія отъ общества людей, что не мѣшаетъ мнѣ, по временамъ, желать быть одинокимъ.

Теперь о музыкѣ. Пріѣхавъ въ Парижъ, я увидался со своими друзьями музыкантами, кои суть: Форэ, очень талантливый ученикъ Сенъ-Санса; d'Indy,—котораго пьесы играются у Паделу и Бенуа, котораго увертюру тоже играли у Паделу и который объ Васъ написалъ рядъ статей въ музыкальной газетѣ;—два послѣдніе—ученики Цезаря Франка, музыканта пожилыхъ лѣтъ, пользующагося очень большою и совершенно заслуженною репутаціею (между прочимъ онъ профессоръ консерваторіи). Въ музыкѣ моихъ вышеупомянутыхъ друзей меня поразило одно общее свойство, которое мнѣ до сихъ поръ такъ не бросалось ясно въ глаза. Именно: гамма перестаетъ имѣть семь нотъ, а заключаетъ въ себѣ цѣлыхъ двѣнадцать и не только въ мелодіяхъ, но въ гармоніи. Тональности нѣтъ; правило одно: послѣ всякаго аккорда можно взять всякій другой, какой бы гаммѣ онъ не принадлежалъ. Вся изобрѣтательность обращается въ эту сторону: найти такое послѣдованіе аккордовъ, какого до сихъ поръ ни у кого не было. Въ сущности между ними и нашими петербуржцами нѣтъ никакой разницы, кромѣ той, что французъ сдѣлаетъ вещь изящную, а нашъ русскій грубую и неотесанную. Музыка въ Европѣ мельчаетъ. Ничего, соотвѣтствующаго высокимъ стремленіямъ человѣка. Въ теперешней европейской музыкѣ въ совершенствѣ выражается характеръ людей ее пишущихъ, людей утонченныхъ, изящныхъ, нѣсколько слабыхъ, привыкшихъ или стремящихся къ удобной, комфортабель-

7321

ной жизни, любящихъ все пикантное. Какіе люди, такая и музыка. Но надо быть точнымъ въ выраженіяхъ. Нельзя говорить: наше время такое, наша музыка такова—это не вѣрно, говорите: музыка западныхъ народовъ переживетъ такое время—это будетъ вѣрно. Но не распространяйте этого на насъ. На западѣ музыка въ теченіи тысячилѣтія идетъ своею дорогой, и теперешнее ея положеніе необходимо слѣдуетъ изъ предыдущаго. Ея музыканты фатально увлекаются на тотъ путь, которымъ слѣдуютъ. Классическій вѣкъ ея прошелъ, она впадаетъ въ манерность, въ мелочность. Мы, послѣдніе пришельцы цивилизаціи, находимся совершенно внѣ движенія европейской музыки и лишь искусственымъ образомъ помѣщаемъ себя, по желанію, или въ начало этого движенія, или въ середину, или въ конецъ. Это у Русскихъ случалось со всѣми зачинавшимися искусствами. Державинъ писалъ греческія оды. Аполлонъ, музы и граціи переѣхали въ Россію. Жуковскій и Карамзинъ пресерьезно воображали себя нѣмцами, одаренными самою нѣмецкою сентиментальностью. Ивановъ поѣхалъ писать свою картину въ Италію и сюжетъ задумалъ общеевропейскій и модели для него поѣхалъ брать въ Европу. Что можетъ быть комичнѣе петербужскихъ музыкантовъ, намѣренно смѣшавшихъ наши пѣсни съ самыми новѣйшими ухищреніями гармоніи и сдѣлавшихъ изъ этого цѣлую теорію. Наша ошибка заключается въ томъ, что мы охотно становимся въ конецъ европейскаго движенія. Не надо забывать, что прочно только то, что корнями своими гнѣздится въ народѣ. У западныхъ народовъ каждое искусство прежде, чѣмъ слиться въ общее русло, было національнымъ. Это общее правило, отъ котораго не уйдешь. Нидерландцы писали свои сочиненія на народныя пѣсни; грегоріанскія мелодіи, на которыхъ основаны сочиненія итальянцевъ XVI столѣтія, были прежде народными мелодіями; Бахъ создалъ нѣмецкую музыку изъ хорала, опять народная мелодія. Тѣ изъ средневѣковыхъ писателей, которые, желая быть общеевропейскими, писали по латыни, забывъ свой собственный языкъ, не создали ничего прочнаго. Когда же другіе начали писать на своемъ языкѣ и съ теченіемъ времени довели его до высокой степени развитія, тогда только сдѣлалось возможнымъ появленіе дѣйствительно общечеловѣческихъ твореній, какъ, напр., Фауста Гёте, трагедій Шекспира и т. п. Грубый, грязный и страдающій народъ безсознательно копитъ матеріалы для созданій, удовлетворяющихъ высшимъ потребностямъ человѣческаго духа. Мнѣ было весьма пріятно услышать на Пушкинскомъ празникѣ подробность его біографіи, дотолѣ мнѣ неизвѣстную, именно: подъ конецъ жизни онъ записывалъ народныя выраженія, прислушивался, какъ говоритъ народъ. „Надо учиться русскому языку у просфиренъ“,—его подлинныя слова. Эти слова мы должны помнить и обращать свои взоры къ народу. При этомъ условіи знакомство съ европейскимъ искусствомъ окажетъ намъ неоцѣнимую услугу, такую же, какую оно оказало Пушкину, Тургеневу.

Однако пора перестать, а то никогда не кончишь. Я чувствую нѣкоторое удовольствіе, когда сажусь писать письма: это мнѣ замѣняетъ обычный разговоръ, который здѣсь вести не съ кѣмъ. Скажу два слова о моемъ здѣшнемъ пребываніи. Я Вамъ ничего объ немъ не написалъ исключительно потому, что, сколько мнѣ помнится, послалъ Вамъ предыдущее письмо тотчасъ по пріѣздѣ сюда; потому, естественно, ничего не могъ написать о своемъ пребываніи здѣсь. Вотъ моя здѣшняя жизнь. Ложусь рано; сплю много. При свѣчахъ стараюсь не читать, такъ что случалось лечь спать въ началѣ 9-го часа (я въ Москвѣ еще простудилъ вѣки, и вслѣдствіе этого иногда болятъ глаза). Встаю часовъ въ $^1/_2$ седьмого. Немного читаю, или немного сочиняю. Въ $^1/_2$ восьмого приносятъ мнѣ чашку шоколату, послѣ поглощенія которой вскорѣ иду купаться. Море отъ меня въ двухъ шагахъ и изъ моей комнаты (весьма небольшой) его видно. Купаюсь и иду пройтись. При этомъ или хожу немного и возвращаюсь сочинять или же хожу до самаго завтрака, который протекаетъ въ $^1/_2$ 12-го. Послѣ завтрака аккуратно иду гулять. Возвращаюсь за часъ до обѣда и немного читаю. Иногда во время прогулки сочиняю. Обѣдаю въ $^1/_2$ 7-го. Обѣдъ длится долго, особенно послѣднее время, ибо много обѣдающихъ. Послѣ обѣда ничего не дѣлаю и вскорѣ ложусь спать. Чувствую себя превосходно. Одно, что меня огорчаетъ, это крапивная лихорадка, которая сегодня показалась второй разъ. Я ходилъ гулять довольно далеко, въ Etretat, и по дорогѣ у меня явилась крапивная лихорадка. Воротясь, я не пошелъ обѣдать, и найдя Ваше письмо, сталъ писать отвѣтъ и вотъ теперь безъ $^1/_4$ 10 часовъ. Сейчасъ буду пить бѣлое вино съ теплой водою и вытрусь саломъ, чтобы пропотѣть ночью и, по возможности, выздоровѣть. Уединеніе мнѣ только пріятно. Одно, что меня тяготитъ, какъ я уже сказалъ выше, это, что, на самомъ дѣлѣ, уединенія слишкомъ мало. Я бы предпочелъ прожить лѣто въ русской деревнѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось на недѣлю заѣхать къ Масловымъ, передъ 26 Августа, срокъ, въ который мнѣ бы хотѣлось быть въ Москвѣ для моихъ консерваторскихъ дѣлъ. Не исполните ли Вы наконецъ свое обѣщаніе? не пріѣдете ли около того времени въ Селище? Какъ бы было хорошо намъ съ Вами увидаться!!

Сообщу Вамъ двѣ новости: п е р в а я, Ѳедоръ Ивановичъ генералъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. В т о р а я, болѣе для него радостная: онъ получилъ давно желаемое мѣсто члена судебной палаты.

Въ Вашемъ письмѣ Вы мнѣ прилагаете стихи Г-на Симакова (ужъ не ученикъ ли мой?..). Я въ своемъ приложу Вамъ мои, которые я послалъ Ѳедору Ивановичу послѣ полученія письма отъ Варвары Ивановны, гдѣ было приложено стихотвореніе, которое Ѳедоръ Ивановичъ поднесъ своей кузинѣ въ день ея именинъ. (Надо Вамъ замѣтить, что Ѳедоръ Ивановичъ имѣетъ другое имя, Крючкотворъ).

Письмо отъ Эхидона [1]) къ Крючкотвору.

Далекій другъ. Въ восторгѣ я.
Сейчасъ прочелъ твое твореньe.
Какая живости струя,
Какая сила вдохновенья.
И какъ удаченъ словъ наборъ.
Всѣ рифмы такъ легки, богаты,
О, несравненный Крючкотворъ.
О, членъ Судебныя Палаты!.

Недавно я послалъ въ Селище окончаніе давно начатой поэмы. Оно заключало въ себѣ 148 стиховъ. Я писалъ его въ теченіе $1^1/_2$ дня. Что касается до моихъ музыкальныхъ сочиненій, то я стремлюсь къ сентябрю обогатить родъ скучный квартетомъ, долженствующимъ занять въ немъ не послѣднее мѣсто.

До свиданія, дорогой Петръ Ильичъ. Жду отъ Васъ письма. Мой адресъ: Hôtel de la Plage.

Что касается буквы „б“, то это есть французское „т“. Написанное такимъ образомъ оно понятнѣе, чѣмъ напис. Г. Въ послѣднемъ случаѣ легко французы смѣшивать съ буквой Г.

№ 1227. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 1 Августа 1880 г.

Милый Сережа! сейчасъ получилъ Ваше письмо и испытываю потребность поспорить съ Вами. Вы нѣсколько укололи меня, говоря, что я будто бы лицемѣрю, утверждая, что слава меня тяготитъ. Во 1-хъ, я этого не говорилъ, ибо слава моя такъ еще покамѣстъ легка, что никакой тягости отъ нея испытывать нельзя. Во 2-хъ, я вообще, смѣю думать, не лицемѣръ. Я сочиняю, т. е. посредствомъ музыкальнаго языка, изливаю свои настроенія и чувства и, разумѣется, мнѣ, какъ и всякому говорящему и имѣющему или претендующему имѣть, что сказать, нужно, чтобы меня слушали. И чѣмъ больше меня слушаютъ, тѣмъ мнѣ пріятнѣе. Въ этомъ смыслѣ, я, конечно, люблю славу и стремлюсь къ ней всей душой. Очень можетъ быть, что, описывая Вамъ мои петербургскія страданія, я, помимо своей воли, высказалъ то удовольствіе, которое мнѣ доставляетъ сознаніе, что меня начинаютъ слушать. Но изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы я любилъ проявленія славы, выражающіяся въ тѣхъ обѣдахъ, ужинахъ, музыкальныхъ вечерахъ, на которыхъ я страдалъ, какъ всегда страдаю во всякомъ чуждомъ мнѣ обществѣ. Если-бы я любилъ обращать вниманіе публики и общества на себя, на свой индивидуумъ,—то мнѣ бы ничего не стоило проводить всю мою жизнь въ обществахъ. Но вѣдь Вы, кажется, знаете, что я къ этому никогда не стремился, а, наоборотъ,

[1]) Эхидонъ Ивановичъ Невыпосимовъ—я.

вѣчно хлопочу о томъ, какъ-бы куда-нибудь зарыться и быть внѣ общества. Я хочу, желаю, люблю, чтобы интересовались моей музыкой, хвалили и любили бы ее, но я никогда не хлопоталъ о томъ, чтобы интересовались лично мной, моей внѣшностью, моимъ разговоромъ. Не подписывать свое имя на своихъ сочиненіяхъ, ради моей нелюдимости, было бы смѣшно и глупо, ибо чѣмъ же нибудь я долженъ отличить себя отъ другихъ, говорящихъ въ одно время со мной? Ну, я взялъ бы псевдонимъ, не все ли равно? Я хочу, чтобы мое имя, какое бы оно ни было— свое или заимствованное — было этикетомъ, отличающимъ мой товаръ отъ другихъ, и чтобы этикетъ этотъ цѣнился, имѣлъ бы на рынкѣ спросъ и извѣстность. Но что же въ этомъ общаго съ тѣмъ отвращеніемъ къ препровожденію времени въ обществѣ, которымъ я всегда страдалъ и всегда буду страдать? Если-бы я старался объяснить себѣ и Вамъ причины моего нелюдимства, то это повело бы меня слишкомъ далеко. Ограничусь констатированіемъ факта и просьбой не навязывать мнѣ того, чего я и не думалъ.

Я не совсѣмъ понимаю того обособленія русской музыки отъ европейской, которое Вы доказываете мнѣ, и нахожу въ словахъ Вашихъ кое-какія непослѣдовательности.

Если Вы признаете, что западные музыканты фатально увлекаются на свой теперешній путь, то и русская музыка тоже фатально идетъ вслѣдъ за ними, и противъ fatum'a ничего не подѣлаешь. Если я не ошибаюсь, въ письмѣ Вашемъ нужно читать не только строки, но и между строками. Изъ Вашихъ междустрочныхъ аргументовъ слѣдуетъ, кажется, вывести ту мысль, что мы ходимъ въ потемкахъ, а заря новаго солнца, долженствующаго озарить обособленность русской музыки, лишь занимается; вся будущность ея въ кропотливыхъ изысканіяхъ того Баха изъ окрестностей Пожарнаго Депо, [1]) который, посредствомъ безчисленнаго множества контрапунктовъ, фугъ и каноновъ на темы русскихъ пѣсенъ и православныхъ гласовъ, кладетъ основной камень будущаго величія русской музыки. Можетъ быть, оно такъ и есть, но я боюсь, Сергѣй Ивановичъ, чтобы нашъ Бахъ не былъ немножко славянофильствующимъ Донъ-Кихотомъ. Вѣдь исторію передѣлать нельзя, и ужъ если мы фатально попали, благодаря Петру Великому, въ хвостъ Европы, то такъ навсегда въ ней и останемся. Я очень цѣню богатство матеріала, который строитъ грязный и страдающій народъ, но мы, т. е. тѣ, которые этимъ матеріаломъ пользуемся, всегда будемъ разрабатывать его въ формахъ, заимствованныхъ изъ Европы, ибо, родившись русскими, мы въ то же время еще гораздо больше европейцы, и формы ихъ привиты и усвоены нами такъ сильно и глубоко, что, дабы оторваться отъ нихъ, нужно себя насиловать и напрягать, а изъ такого насилія и напряженія ничего художественнаго

[1]) Домъ родителей С. И. Танѣева находится въ Обуховскомъ переулкѣ, близъ Пожарнаго Депо на Пречистенкѣ.

произойти не можетъ. Гдѣ насиліе, тамъ нѣтъ вдохновенія, а гдѣ нѣтъ вдохновенія—нѣтъ искусства. Очень вѣроятно, что въ музыкѣ, какъ и въ наукѣ, мы ничего не скажемъ своего, но изъ этого только слѣдуетъ, что мы по природѣ или вслѣдствіе историческихъ условій лишены творческой силы. Во всякомъ случаѣ, едва ли мы исправимъ этотъ недостатокъ, возвращаясь къ старинѣ, да и ужъ больно далеко нужно идти, чтобы уйти отъ Европы. Пѣсни записаны людьми объевропеившимися и насильственно поддѣлывавшими мелодію подъ складъ мажорной или минорной гаммы, да даже и обиходные напѣвы напечатаны нотами въ це-фа-ут-номъ ключѣ... Ужъ и тутъ Европа давала себя чувствовать.

Вообще, Сережа, музыканту, по моему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ избѣгать лукавыхъ мудрствованій, а дѣлать такъ, какъ Богъ на душу кладетъ. Весь вопросъ въ томъ, много или мало онъ кладетъ на душу. Всѣ крайности, всѣ нелѣпости, всѣ сумбурныя звукоизверженія новой русской школы происходятъ отъ лукавыхъ мудрствованій.—Тетралогія Вагнера, этотъ грандіозный памятникъ артистическаго самообольщенія, есть тоже результатъ мудрствованія, хотя и болѣе глубокаго, чѣмъ наше. Я знаю, что Вы слишкомъ умны и серьезны для того, чтобы изъ Вашихъ попытокъ въ скучномъ родѣ Вы не извлекли какихъ-нибудь полезныхъ для Васъ и для насъ указаній и разъясненій. Можетъ быть, плодомъ всего этого будетъ какая-нибудь интересная монографія о русской музыкѣ. Но, признаюсь Вамъ, что я, не безъ сожалѣнія и грусти, вижу, какъ мало-по-малу Васъ заѣдаетъ рефлексія, и какъ дѣйствующій въ области творчества художникъ все болѣе и болѣе уступаетъ въ Васъ мѣсто кропотливому изыскателю музыкальныхъ премудростей. Быть можетъ, я ошибаюсь, и Вы вступили на свой настоящій путь. Ваши замыслы смѣлы и намѣренія достойны сочувствія, но не забывайте героя романа Сервантеса. Отъ общихъ разсужденій я неожиданно съѣхалъ на репримандъ. Извините, сорвалось съ языка.

Мнѣ очень хочется побывать въ Селищѣ, но ничего не обѣщаю, ибо завишу отъ многихъ обстоятельствъ. А хотѣлось бы повидаться съ Вами, да и съ милыми Масловыми. О повышеніи Фед. Ив. я зналъ уже прежде изъ газетъ. Когда напишете ему,—поздравьте отъ меня.

Если не будетъ лѣнь, напишите еще; браните сколько хотите и, пожалуйста, не заключайте изъ моихъ опроверженій, что я обидѣлся.

Стихи Ваши очень хороши. Авторъ либретто—не ученикъ Симакова.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 786. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Ипоръ. 18 Августа нов. ст. 1880 г.

Милый Петръ Ильичъ. Простите мнѣ нечаянно сорвавшееся съ языка слово „лицемѣрить“ и не сердитесь на меня. Въ Вашемъ первомъ письмѣ Вы писали, что живете совсѣмъ уединенно, но въ то же время часто испытываете непріятности отъ принадлежности къ человѣческому обществу. Очевидно, что я, отвѣчая Вамъ, имѣлъ въ виду нѣчто другое, а не то, что Вы хотѣли сказать. Принимая во вниманіе, что человѣкъ, живущій одинъ, не можетъ страдать ни отъ пребыванія среди чуждаго ему общества (ибо онъ живетъ одинъ), ни отъ обѣдовъ, ужиновъ и т. п., я вообразилъ, что этими словами Вы желали сказать, что Васъ тяготитъ поприще композитора, ибо именно въ этомъ видѣ я представлялъ Ваши сношенія съ людьми: заботы о печатаніи сочиненій, корректуры (о коихъ Вы дальше упоминаете.) Припомнивъ, что Вы одно время сами утверждали, что Вамъ надоѣло быть музыкантомъ, что Вы хотите бросить сочинять, я вообразилъ себѣ, что Вы опять стали думать, что поприще композитора Вамъ непріятно. Въ этомъ смыслѣ я понялъ слова Ваши. Что же касается до ужиновъ, торжественныхъ встрѣчъ и т. п., то я совершенно вѣрю тому, что это Васъ, какъ человѣка, непривыкшаго проводить время въ большомъ и мало знакомомъ обществѣ, стѣсняетъ и тяготитъ, хотя продолжаю думать, что даже и тутъ къ непріятному чувству должна присоединяться частица удовольствія, такъ какъ все это тѣсно связано съ тѣмъ, что Вашу музыку любятъ и цѣнятъ, т. е. съ такимъ обстоятельствомъ, которое, какъ Вы и сами это говорите, Вамъ пріятно.

Продолжаю слѣдовать порядку Вашего письма. Слово „фатальнo“. Относительно этого слова имѣю замѣтить слѣдующее. Въ основаніи европейскихъ музыкальныхъ формъ лежатъ народныя и церковныя мелодіи, изъ которыхъ эти формы выросли. Употреблю для поясненія моей мысли сравненіе, хотя банальное, но удобное. Европейскія мелодіи—зерно, изъ котораго выросло цѣлое дерево; наши—зерно, которое только пускаетъ ростки. Европейцамъ выбора нѣтъ: они могутъ только продолжать ростить свое дерево. У насъ выборъ есть: мы можемъ, съ одной стороны, способствовать росту европейскаго дерева, а съ другой воспитывать собственные ростки. Въ этомъ смыслѣ я и говорю, что Европейцы фатальнo увлекаются на свой теперешній путь: у нихъ одна дорога, а у насъ двѣ. По этимъ двумъ дорогамъ шелъ Глинка, по нимъ идете и Вы. Слушая Вашу музыку, иногда говоришь: это написано въ общеевропейскомъ характерѣ, а это—въ русскомъ. Этотъ русскій характеръ мы чувствуемъ, онъ вноситъ струю совершенно новую и оригинальную въ Ваши сочиненія и въ сочиненія Глинки, и моя мысль заключается въ томъ, что русскій оттѣнокъ въ музыкѣ съ теченіемъ времени будетъ получать все болѣе и болѣе опредѣленный

характеръ, и изъ него выработается стиль, существенно отличный отъ европейскаго. Я нисколько не проповѣдую отчужденія отъ Европы, напротивъ, мы должны у Европейцевъ учиться, что мы и дѣлаемъ.

Подхожу къ тому мѣсту Вашего письма, гдѣ Вы меня обзываете двумя обидными прозвищами: 1) Баха изъ окрестностей Пожарнаго Депо и 2) героемъ романа Сервантеса—Донъ Кихотомъ, щедро награждая ими за разсужденія, исключительно принадлежащія Вашему бойкому перу и выдаваемыя Вами за „вычитанныя между строкъ".

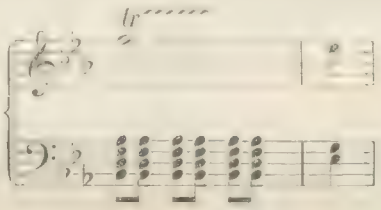
Все мое преступленіе заключается въ слѣдующемъ.

Кончивъ ученіе въ консерваторіи, я пожелалъ узнать нѣкоторыя вещи, бывшія дотолѣ мнѣ неизвѣстными. Началъ съ двойного контрапункта во всѣхъ интервалахъ и написалъ, кажется, 140 маленькихъ шестиголосныхъ задачъ, взявъ за Cantus firmus русскую пѣсню.

Вслѣдъ за этимъ, желая усвоить себѣ правила строгаго стиля, я написалъ въ церковныхъ ладахъ 32 небольшія фуги, не имѣющія никакого отношенія къ русскимъ пѣснямъ.

Нѣкоторое время занимался писаніемъ задачъ на мелодіи изъ церковныхъ сборниковъ и желалъ бы со временемъ дойти до того, чтобы быть въ состояніи на эти Cantus firm-ы написать нѣчто достаточно приличное, что бы можно было исполнять не какъ контрапунктическую задачу, но какъ композицію. Вотъ мои желанія въ этой области,—кажется, довольно скромныя? Зачѣмъ я все это дѣлаю? Просто, потому, что хочу сдѣлаться композиторомъ. Вмѣсто того, чтобы меня поощрять, Вы меня жалѣете. Вы грустите о томъ, что меня „мало по малу заѣдаетъ рефлексія", и „дѣйствующій въ области творчества художникъ все болѣе и болѣе уступаетъ во мнѣ мѣсто кропотливому изыскателю". Во первыхъ, я никогда не былъ „дѣйствующимъ въ области творчества художникомъ"; все, что я дѣлалъ, заключалось въ томъ, что я нагромождалъ увеличенные секстаккорды на чрезмѣрныя трезвучія, воображая, что пишу музыку. Во вторыхъ, относительно „кропотливаго изыскателя". Для того, чтобы что-нибудь основательно узнать, будь это гармонія, контрапунктъ или инструментовка, для всего нужна кропотливая и сухая работа, которая должна предшествовать художественному творчеству. Меня привлекаетъ изящество и закругленность моцартовскихъ формъ, свобода и цѣлесообразность баховскаго голосованія, я стараюсь проникнуть, насколько могу, въ тайны ихъ творчества, вижу, что они знали многое, чего я не знаю, стараюсь этому научиться,—все это нисколько не можетъ мѣшать мнѣ изсушить меня. Напротивъ. Если я имѣю какія-нибудь музыкальныя способности, то этимъ путемъ скорѣе ихъ разовью, чѣмъ убью. Я кончаю свой струнный квартетъ. Чтобы его написать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ теперь находится, я исписалъ 240 страницъ,—цѣлую книгу небольшого формата. Увѣряю Васъ,

что все время, пока я его писалъ, я изыскивалъ не то, что хитро и запутано, а напротивъ исключительно обращалъ вниманіе, чтобы то, что я пишу, было красиво, понятно, благозвучно. Въ видахъ этого я передѣлывалъ темы до тѣхъ поръ, пока онѣ мнѣ начинали нравиться. Не моя вина, если получится сочиненіе плохое,—значитъ, не хватило моихъ природныхъ способностей, я же съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ квартетѣ нѣтъ ничего русскаго (къ сожалѣнію), что въ немъ попадаются итальянскія каденціи и даже заключенія съ древнею Моцартовскою трелью, напримѣръ:



Такъ мало я думаю о томъ, чтобы представлять въ своихъ сочиненіяхъ образцы какого-то до меня не выдуманнаго стиля, создавать новую, неслыханную музыку. Но, повторяю, русскія мелодіи должны быть положены въ основу музыкальнаго образованія. Думаю, что придетъ время, когда въ консерваторіяхъ не станутъ слѣпо учить тому, чему учатъ въ Лейпцигѣ или въ Берлинѣ, а поймутъ, что намъ нечего писать контрапункты на грегоріанскіе C. F-сы, что у насъ иныя задачи, чѣмъ у нѣмцевъ или французовъ, что нельзя забывать о существованіи русскихъ пѣсенъ, что надо примѣняться къ тѣмъ обстоятельствамъ, среди которыхъ находишься.

Вотъ все, что я могу сказать въ отвѣтъ на Ваше письмо. Я здѣсь останусь съ недѣлю и затѣмъ проѣду въ Парижъ, остановясь на день въ Руанѣ. Ваше письмо я получилъ здѣсь черезъ 12 дней послѣ того, какъ послалъ свое. Такъ какъ я въ Парижѣ думаю остаться дня четыре, не болѣе, то опасаюсь Васъ просить мнѣ туда написать. Впрочемъ, если Вы не полѣнитесь это сдѣлать сейчасъ же, то напишите въ Парижъ Boulevard S-t Germain, 86, Hôtel Watel. Въ случаѣ, если я оттуда уѣду, не дождавшись Вашего письма, то скажу, чтобы мнѣ его переслали въ Россію, къ Масловымъ.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ.

Искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

Ипоръ. 19 Августа нов. стиля.

Милый Петръ Ильичъ. Я только что отправилъ Вамъ письмо и принимаюсь за новое, содержащее нѣкоторыя добавленія къ тому, о чемъ у насъ идетъ рѣчь. Вотъ эти добавленія.

I. Задача, будь это контрапунктическая, гармоническая или иная, не относится къ области художественныхъ произведеній и сама по себѣ не имѣетъ никакого значенія въ искусствѣ.

II. Новыя формы только тогда получаютъ живучесть, а, слѣдвоательно, и значеніе для искусства, когда онѣ не изысканы насильственнымъ путемъ, а вылились непосредственно изъ внутренняго чувства художника, одушевленныя тѣмъ, что мы называемъ вдохновеніемъ.

III. То обстоятельство, что я по окончаніи консерваторскаго ученія принялся снова писать школьныя задачи, скорѣе свидѣтельствуетъ о сознаніи своихъ недостатковъ, чѣмъ о желаніи совершить какіе-то смѣшные подвиги.

IV. Безъ вдохновенія нѣтъ творчества. Но не надо забывать, что въ моменты творчества человѣческій мозгъ не создаетъ нѣчто совершенно новое, а только комбинируетъ то, что въ немъ уже есть, что онъ пріобрѣлъ путемъ привычки. Отсюда необходимость образованія, какъ пособія творчеству. Тутъ можетъ имѣть большое значеніе, къ чему пріучилъ себя человѣкъ. Игра Рубинштейновъ въ минуту вдохновенія тоже творчество. Между тѣмъ, какое громадное значеніе имѣютъ для этой игры тѣ механическія упражненія, которыя дѣлали эти пальцы, тѣ гаммы, которыя они твердили.

V. Если цѣлое поколѣніе или даже нѣсколько поколѣній музыкантовъ будутъ механически упражняться въ задачахъ на русскія пѣсни, то это, несомнѣнно, окажетъ вліяніе на то, что они будутъ творить какъ художники.

VI. Мысль писать контрапунктическія задачи на пѣсни вовсе мнѣ не принадлежитъ. Объ этомъ толковали: Одоевскій, Ларошъ и, кажется, Сѣровъ.

VII. Мы ходимъ въ потемкахъ. Это совершенно вѣрно относительно того, что мы называемъ русскимъ стилемъ, русскою гармоніей. Лучшее тому доказательство есть то, что въ учебникѣ гармоніи, написанномъ нашимъ первымъ композиторомъ, нѣтъ ни одного слова о тѣхъ гармоническихъ послѣдованіяхъ, которыя часто придаютъ особенную прелесть его твореніямъ и которыя носятъ на себѣ отпечатокъ русскаго характера. Развѣ это не доказательство тому, что этотъ стиль не достаточно выяснился и еще не выработался въ стройную систему, подобную западной. Да, мы ходимъ въ потемкахъ.

VIII. Принимая во вниманіе, что русскій оттѣнокъ въ твореніяхъ русскихъ композиторовъ не достигъ полнаго и законченнаго развитія, и что музыка продолжаетъ идти, а не стоитъ на мѣстѣ, нѣтъ ничего нелѣпаго въ предположеніи, что онъ современемъ разовьется. Напротивъ, эта мысль необходимо слѣдуетъ изъ самого существа духа.

IX. Это не поворотъ назадъ, а прямой путь впередъ. Искусство двигаютъ впередъ творцы. То, что они создаютъ непосредственно и вдохновенно, то получаетъ жизнь, часто вѣчную.

X. Всякій истинно творящій русскій художникъ двигаетъ по этому пути искусство, ибо своими созданіями онъ способствуетъ уясненію національнаго характера, вноситъ новыя черты въ искусство.

XI. Я никогда не утверждалъ, что писаніе контрапунктовъ на пѣсни имѣетъ какое-то волшебное свойство превращать человѣка въ композитора, притомъ національнаго. Глинка ихъ не писалъ, Вы ихъ тоже не писали. Но то обстоятельство, что Вы родились въ Россіи, слышали пѣсни, жили среди той природы, которая имѣла вліяніе на складъ характера русскаго народа, эти и многія другія причины дѣлаютъ то, что Ваша музыка часто носитъ особый характеръ, непохожій на европейскій.

XII. Продолжаю утверждать, что писаніе контрапунктовъ превосходная подготовительная работа.

XIII. Не имѣя ни правъ, ни претензій помѣщать себя въ число вдохновенно творящихъ художниковъ, которые двигаютъ впередъ искусство, я смѣю думать, что то, что Вы прочли между строками моего письма, тамъ вовсе не находится.

XIV. Что касается до желанія сдѣлаться композиторомъ, то сознаюсь, что желаніе это имѣю и ничего въ немъ предосудительнаго не нахожу.

Искренно преданный С. Танѣевъ.

№ 1235. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 15 Августа 1880 г.

Оказывается теперь, что когда въ первомъ письмѣ моемъ Вы прочли мои сѣтованія на невозможность уйти, даже на время, отъ человѣческаго общества, то я напомнилъ Вамъ Хлестакова, жалующагося въ разговорѣ съ городничихой на отяготительныя послѣдствія своей знаменитости. Благодарю, не ожидалъ! Между тѣмъ дѣло очень просто. Существуетъ государственное учрежденіе, называемое почтой, очень часто берущее на себя задачу отравлять спокойствіе человѣка, убѣжавшаго отъ дрязгъ общественной жизни въ уединеніе на лонъ природы. Это-то учрежденіе и нарушило тогда счастливое теченіе моей одинокой жизни. А Вы прочли у меня между строками какую-то Хлестаковщину. Что бы Вы ни говорили, Сережа, а я лучше Васъ умѣю читать между строками. Правда, что мнѣ помогло воспоминаніе объ одной бесѣдѣ съ Вами въ Кокоревской гостиницѣ, когда Вы мнѣ говорили, что собираетесь, путемъ колоссальныхъ контрапунктическихъ работъ, найти какую-то особенную русскую гармонію, которой доселѣ еще не было. Я очень хорошо помню, какъ Вы доказывали тогда, что у насъ не было Баха, что нужно сдѣлать для русской музыки то, что сдѣлалъ и онъ и его предшественники, что Вы попытаетесь исполнить все то, что при нормальномъ развитіи исполнили бы нѣсколько столѣтій и нѣсколько десятковъ людей. Я не говорю, что это

были Ваши слова, но это была Ваша мысль, или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ неразумѣніи я такъ понялъ Васъ. Мысль Ваша мнѣ тогда показалась очень смѣлой; мнѣ нравился Вашъ юношескій задоръ, но я тогда же подумалъ, что въ сущности это чистѣйшая славянофильская теорія, примѣненная къ музыкѣ, а твердое намѣреніе Ваше добиться столь неисполнимыхъ, какъ мнѣ казалось, проектовъ я въ душѣ счелъ проявленіемъ Донъ-Кихотства. Отсюда обидное прозвище: славянофильствующій Донъ-Кихотъ, за которое прошу извинить меня.

Изъ Вашего теперешняго письма я вижу однако-жъ, что Вы уже значительно попятились и отступили отъ предположенной тогда цѣли. Если такъ, то тѣмъ лучше.

По поводу Вашего сравненія музыки съ деревомъ скажу Вамъ, что, продолжая заимствовать уподобленія изъ растительнаго царства, я бы сравнилъ европейскую музыку не съ деревомъ, а съ цѣлымъ садомъ, въ коемъ произрастаютъ деревья: французское, нѣмецкое, итальянское, венгерское, испанское, англійское, скандинавское, русское, польское и т. д. Почему Вы совершенно произвольно только русскимъ народнымъ элементамъ дозволяете быть отдѣльнымъ растительнымъ индивидуумомъ, а всѣ остальные заставляете соединиться въ одно дерево? Я этого совершенно не понимаю. По моему, европейская музыка есть сокровищница, въ которую всякая національность вноситъ что-нибудь свое на пользу общую. Каждый западно-европейскій композиторъ прежде всего или французъ, или нѣмецъ, или итальянецъ и т. д., а потомъ уже европеецъ. Въ Глинкѣ національность сказалась ровнехонько на столько-же, на сколько и въ Бетховенѣ, и въ Верди, и въ Гуно; если въ моихъ сочиненіяхъ Вы слышите русскіе отголоски, то въ соч. Massenet, Bizet на каждомъ шагу я обоняю специфическій французскій запахъ. Пусть нашему зерну суждено дать роскошное дерево, характеристически отдѣляющееся отъ своихъ сосѣдей,—тѣмъ лучше: мнѣ пріятно думать, что оно не будетъ такъ тщедушно, какъ англійское, такъ хило и безцвѣтно, какъ испанское, а напротивъ—сравнится по высотѣ и красотѣ съ нѣмецкимъ, итальянскимъ, французскимъ. Но какъ бы мы ни старались,—изъ европейскаго сада мы не уйдемъ, ибо наше зерно, волею судебъ, попало на почву, воздѣланную прежде насъ европейцами; корни оно пустило тамъ уже достаточно давно и глубоко, и теперь уже у насъ съ Вами не хватитъ силъ его оттуда вырвать. Вообще, желая отъ души, чтобы наша музыка была „сама по себѣ“, и чтобы русскія пѣсни внесли въ музыку новую струю, какъ это сдѣлали другія народныя пѣсни въ свое время,—я не люблю, когда преувеличиваютъ ихъ значеніе и хотятъ основать на нихъ не только какое-то самостоятельное искусство, но даже музыкальную науку. Не вижу никакой надобности учиться и учить иначе, чѣмъ это дѣлается въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, да и нельзя иначе, по причинамъ, достаточно выясненнымъ выше. Не спорю, что можно

усовершенствовать методъ преподаванія, но только методъ, а не принципъ.

Вообще, и въ творчествѣ и преподаваніи музыки мы должны стараться только объ одномъ: чтобы было хорошо, ни мало не думая о томъ, что мы русскіе и поэтому намъ нужно дѣлать что-то особенное, отличное отъ западно-европейскаго.

Вы пишете, что мнѣ нужно не жалѣть, а поощрять Васъ. Жалѣть мнѣ Васъ дѣйствительно нельзя, ибо при Вашемъ талантѣ и умѣ Вы во всякомъ случаѣ не безполезно тратите время; такіе люди, какъ Вы, даже заблуждаясь или сходя временно съ своего прямого пути, все-таки достигаютъ цѣли. Если Вамъ суждено быть творцомъ, то Вы имъ и будете, а если нѣтъ, то въ другой сферѣ принесете свѣтъ и пользу. Но я просто недоумѣваю въ виду настоящаго фазиса Вашего развитія. Когда Вы „нагромождали увеличен. секст. на черезмѣрныя трезвучія",—я твердо вѣрилъ, что въ Васъ есть самобытное творческое дарованіе; теперь оно куда-то отъ меня скрылось; пересталъ понимать Васъ. Тогда Вы, подобно всѣмъ юношамъ, талантъ которыхъ не созрѣлъ, оригинальничали, но въ нагроможденіяхъ Вашихъ я не могъ не усмотрѣть сильнаго, хотя не созрѣвшаго таланта. Теперь въ Вашихъ скучныхъ произведеніяхъ я вижу превосходнаго, ученаго музыканта, но въ этомъ океанѣ имитацій, каноновъ и всякихъ фокусовъ нѣтъ ни искры живого вдохновенія. Если квартетъ Вашъ отличается только тѣми, впрочемъ, замѣчательными достоинствами, которыя имѣются и въ тріо,—то я не буду обрадованъ. Пожалуйста, простите за всѣ эти откровенности; я, можетъ быть, ошибаюсь и все, что я говорю,—неосновательно, несправедливо, но, въ концѣ-концовъ, не могу не сказать, что Вы до крайности преувеличиваете Ваше яко-бы незнаніе и неумѣніе и что Вамъ не столько нужны безконечныя упражненія въ контрапунктическихъ фокусахъ, сколько попытки извлекать изъ нѣдръ Вашего таланта живой источникъ вдохновенія,—иначе сказать: писать, какъ Богъ на душу положитъ, а не какъ Васъ научаетъ измышленная Вами теорія.

Я разсчиталъ, что письмо къ Вамъ въ Парижъ не дойдетъ, и потому, погодя немного, буду адресовать его въ Селище.

№ 1237. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

17 Августа.

Прочитавъ все вышенаписанное, я было хотѣлъ разорвать это письмо. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему все это я Вамъ пишу и какъ бы пытаюсь поселить въ Васъ сомнѣнія въ себѣ и колебанія относительно избраннаго Вами пути. Между тѣмъ въ глубинѣ души я ни минуты никогда не сомнѣвался, что Вы, навѣрное, такъ или иначе будете крупной личностью въ сферѣ русской музыки. Почему я знаю?—можетъ быть, для достиженія цѣли своей Вамъ именно нужно дѣлать то, что Вы теперь дѣлаете. Изъ того, что

въ данную минуту я не понимаю Васъ, быть можетъ, слѣдуетъ, то заключеніе, что я лишенъ проницательности, а совсѣмъ не то, что Вамъ слѣдуетъ дѣлать что-то другое. Тѣмъ не менѣе пылъ моего полемическаго увлеченія еще не совсѣмъ улегся, а потому посылаю Вамъ и предыдущіе два листа. Я пробуду здѣсь до Ноября. Можно ли Вамъ на время прислать мнѣ Вашъ квартетъ? Очень бы интересно.

24 Августа.

Теперь уже не стоитъ посылать это письмо въ Селище. Адресую его прямо въ Москву. Мнѣ очень любопытно знать, какъ Вы окончили Ваше путешествіе и какъ вернулись въ Москву. Если напишете объ этомъ нѣсколько словъ, буду очень благодаренъ.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ, т. е. консерваторскимъ, а также Вашимъ роднымъ, начиная съ Варвары Павловны. Я написалъ 6 вокальныхъ дуэтовъ и 7 романсовъ. Они черезъ недѣлю будутъ у Юргенсона. Если просмотрите ихъ, то напишите, какъ Вамъ кажутся они въ сравненіи съ прежними вокальными сочиненіями.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1244. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 1 Сентября 1880 г.

Сергѣй Ивановичъ! У меня къ Вамъ покорнѣйшая и убѣдительнѣйшая просьба. Нужно Вамъ сказать, что я въ послѣднее время убиваюсь мыслью, что большинство моихъ прежнихъ сочиненій искажено плохими корректурами, но отчасти и плохими арранжементами. Съ этой цѣлью я рѣшился подвергнуть все исправленію, что написалъ. Но такъ какъ у меня не хватитъ терпѣнія, охоты и умѣнія исполнить мое намѣреніе безъ посторонней помощи, то я рѣшусь побезпокоить Васъ. Просьба моя состоитъ въ слѣдующемъ: Эдуардъ Лангеръ [1]) переложилъ на 4 руки мои симфоніи 1-ю, 3-ю, а также „Бурю“. Я осмѣливаюсь Васъ просить посвятить вечера два или три проигрыванію этихъ вещей вмѣстѣ съ Лангеромъ и исправленію всего того, что окажется неудобоисполнимымъ, а также отмѣчанію многочисленныхъ опечатокъ. Словомъ, прошу Васъ довести означенныя три вещи до того, чтобы Юргенсонъ, посредствомъ новыхъ изданій, могъ бы предложить публикѣ мои сочиненія въ совершенно приличномъ видѣ. Помнится, что въ 3-й симфоніи есть много мѣстъ, совершенно невозможныхъ для исполненія. Въ 1-й ихъ меньше, но есть тоже неудобства, напр. въ скерцо нужно послѣ тріо перевернуть назадъ нѣсколько страницъ, а потомъ для коды опять перевертывать и искать. А главное—масса опечатокъ.

Ради Бога не сердитесь за мою наглость! Не попросите ли

[1]) Э. Леопольдовичъ Лангеръ, органистъ, преподаватель элементарной теоріи въ Моск. Консерваторіи и пріятель П. И-ча.

Вы Кашкина присутствовать при этомъ и помогать Вамъ? Юргенсонъ дастъ Вамъ экземпляръ. Лангеру напишу.

Обнимаю Васъ

Вашъ П. Чайковскій.

№ 799. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Консерваторія. 4 Сентября 1880.

Какъ только переѣхалъ въ Москву, милый Петръ Ильичъ, такъ и пропала моя аккуратность относительно отвѣтовъ на письма. Въ Ипорѣ я отвѣчалъ немедленно на каждое полученное мною письмо. Здѣсь: вотъ уже пятый день какъ желаю Вамъ отвѣтить и все не соберусь. Пользуюсь ошибкой Карла Карловича, который написалъ въ расписаніи, что у меня сегодня классъ гармоніи, тогда какъ онъ завтра, и я принужденъ два часа дожидаться слѣдующаго урока. Эти два часа и употреблю на свой отвѣтъ.

Во первыхъ, благодарю судьбу за то, что Вы не разорвали Вашего письма и написали откровенное мнѣніе о моихъ скучныхъ произведеніяхъ. Соглашаюсь, что въ моемъ тріо нѣтъ вдохновенія; но сіе обстоятельство нисколько не указываетъ на то, что мой способъ писанія плохъ, и что контрапунктическія формы не могутъ служить выраженіемъ вдохновенныхъ мыслей. Стоитъ вспомнить опять-таки Баха и Моцарта, чтобы увидать ошибочность такого мнѣнія. Двойные и тройные контрапункты, обращенные контрапункты и т. д., все это въ изобиліи встрѣчается, напр., въ струнныхъ квартетахъ и квинтетахъ Моцарта. Между тѣмъ Моцартъ одинъ изъ самыхъ понятныхъ и общедоступныхъ композиторовъ и его контрапунктическая ученость часто только помогаетъ ему быть яснымъ. Ученость хороша только тогда, когда она приводитъ къ естественности и простотѣ. Сознаюсь, что я иногда увлекаюсь внѣшней стороной учености, но я увѣренъ, что это современемъ пройдетъ. Объясняется это только новостью для меня этого предмета. Точно также человѣкъ, который только что выучился гармоніи, находитъ удовольствіе въ сложныхъ и запутанныхъ гармоническихъ комбинаціяхъ. Однимъ словомъ: мои сочиненія могутъ быть плохи, но путь, которымъ я иду, вѣрный; двигаясь по немъ, я только пріобрѣтаю въ свое распоряженіе лишнія средства для выраженія моихъ будущихъ вдохновенныхъ мыслей, если таковыя когда-нибудь у меня явятся. Я страстно желаю дождаться того момента, когда Вы въ моихъ будущихъ твореніяхъ откроете въ какомъ нибудь канонѣ присутствіе искры вдохновенія. Быть можетъ, мнѣ удастся этого дождаться и тогда у меня явится неопровержимое доказательство того, что контрапунктъ не пугаетъ человѣка, и что его бояться не слѣдуетъ.

Относительно музыкальныхъ деревьевъ, растущихъ въ европейскомъ саду, скажу слѣдующее. Вы выражаете желаніе, чтобы

наше „дерево“ сравнялось по высотѣ и красотѣ съ нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ. Сколько мнѣ извѣстно, это и суть тѣ деревья, зерно которыхъ есть народная пѣсня. Не смѣю утверждать положительно, но мнѣ помнится, что испанскія, англійскія и шведскія пѣсни не брались музыкантами въ основаніе ихъ контрапунктическихъ работъ. Во всякомъ случаѣ ни испанцы, ни англичане, ни шведы не имѣли у себя композиторовъ, соотвѣтствующихъ Жоскину, Палестринѣ и Баху. Указаніе Ваше на то, что деревья: нѣмецкое, французское и итальянское цвѣтущи, высоки и красивы, тогда какъ испанское и англійское хилы и тщедушны, кажется, только подтверждаетъ мои соображенія.

Я уѣхалъ изъ Ипора раньше, чѣмъ предполагалъ. Разъ во время прогулки я началъ разсчитывать, сколько времени мнѣ остается быть за границею. Оказалось, что вмѣсто недѣли, которую я думалъ пробыть еще въ Ипорѣ, мнѣ нужно уѣзжать на другой день. Я перепуталъ стили старый и новый и до того времени совершалъ свои разсчеты совсѣмъ на обумъ и строилъ предположенія, какъ я въ Парижѣ проживу нѣсколько дней, недѣлю у Масловыхъ, остановлюсь въ Вѣнѣ и т. п. Тогда какъ времени на самомъ дѣлѣ не хватало на все это. Возвратясь съ прогулки, я уложилъ вещи и на другой день рано утромъ уѣхалъ. На день остановился въ Руанѣ. Очень интересный городъ, съ многочисленными старинными церквями. На слѣдующій день отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ полтора дня, употребленные мною на исполненіе порученій покупокъ. Изъ Парижа поѣхалъ въ Вѣну, пробылъ день и былъ въ театрѣ, видѣлъ Фауста Гуно. Изъ Вѣны отправился въ Карачевъ и пробылъ у Масловыхъ дней пять. Въ это время немного простудился, получилъ лихорадку и потому не могъ въ Селищѣ совершать далекія прогулки. Потомъ вернулся въ Москву, выздоровѣлъ и чувствую себя прекрасно. Сегодня начинаю свои уроки въ Консерваторіи.

Въ моемъ квартетѣ есть нѣкоторыя мѣста недодѣланныя, я намѣревался его кончить у Масловыхъ, но по причинѣ лихорадки не могъ. Кончу его совсѣмъ, вѣроятно, черезъ недѣлю и тогда перешлю Вамъ. Мнѣ очень хочется его услыхать въ исполненіи и я заранѣе вкушаю это удовольствіе, сопровождаемое всегда страданіемъ, происходящимъ отъ слушанія сочиненія, которое исполняютъ въ первый разъ.

До свиданья, милый Петръ Ильичъ. Напишите мнѣ что-нибудь. Ваши вокальныя сочиненія еще не пришли къ Юргенсону, у котораго я былъ недавно.

Карлъ Карловичъ и Анна Константиновна Вамъ кланяются.

Искренно Вамъ преданный

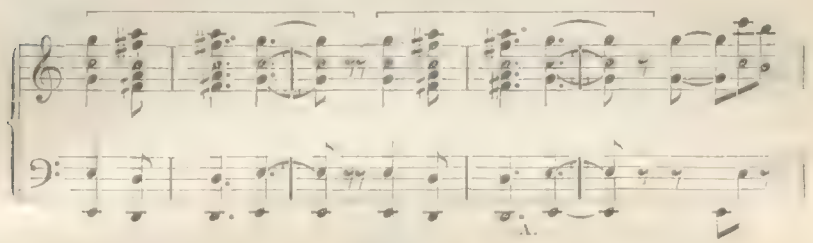
С. Танѣевъ.

P. S. Не пришлете ли мнѣ разрѣшенія на пріобрѣтеніе Іоанны до ея появленія въ продажѣ?

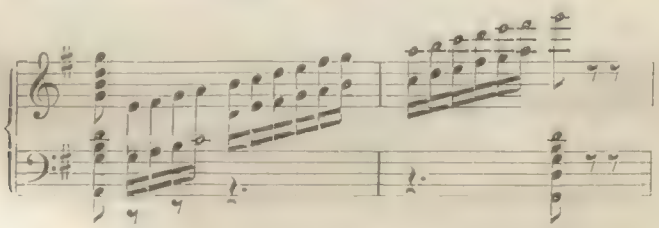
№ 876. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 1 Марта 1881 г.

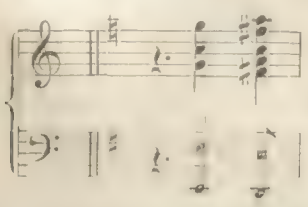
Милый Петръ Ильичъ. Дѣлая корректуру Вашей серенады, встрѣтилъ затрудненіе, за разрѣшеніемъ коего обращаюсь къ Вамъ. 1-е allegro начинается такъ:



На четвертомъ тактѣ поставлена литера А.
Послѣ заключительной партіи въ G-dur, (кончающейся такъ:),

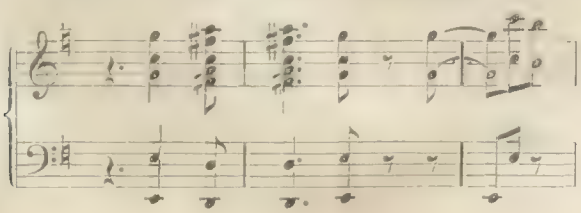


повторяется первая тема allegro,
причемъ у Васъ это написано слѣдующимъ образомъ:



Отъ А до Б 53 такта.

Такъ какъ литера А поставлена на 4-мъ тактѣ, а не на 2-мъ, то выходитъ, что при буквальномъ повтореніи первой темы она оказывается на два такта меньше, чѣмъ въ 1-й разъ, т. е. имѣетъ, вмѣсто прежняго вида, слѣдующій:



и т. д.

Что это ошибка, или это сдѣлано съ намѣреніемъ? Жду отъ Васъ отвѣта.

Вчера выѣхалъ отсюда Николай Григорьевичъ. Пожалуйста, напишите мнѣ, какъ онъ доѣхалъ и какъ себя чувствуетъ.

Въ консерваторіи идутъ приготовленія къ спектаклю. Я готовлюсь къ своему концерту, который произойдетъ на 5-й недѣлѣ въ воскресенье. Вотъ уже недѣля, какъ я ежедневно играю по 5½ и 6 часовъ, одинъ разъ игралъ 7. Это меня довольно сильно утомляетъ, такъ что потомъ не хочется думать о сочинительствѣ, и весьма вѣроятно, что я своей предполагавшейся увертюры не сочиню. А, можетъ быть, и сочиню.

Въ ожиданіи отъ Васъ извѣстія остаюсь глубоко Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1355. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Ницца. 10/22 Марта 1881 г.

Само собой разумѣется, что я букву А поставилъ не на мѣстѣ. Впрочемъ, ужъ если Вы насчетъ этого [illegible] минутку, усомниться, то стоило только посмотрѣть на партитуру, давно уже отпечатанную. Это было бы короче, чѣмъ писать въ Ниццу. Спасибо Вамъ, милый Сережа, за то, что Вы взяли на себя скучную корректуру.—Простите, что не успѣю Вамъ сегодня ничего написать. Впрочемъ, скоро увидимся. Про Н. Г. не знаю ничего; здѣсь его нѣтъ. Желаю Вамъ успѣшнаго концерта, если только таковой можетъ состояться послѣ происшествія 1-го марта.

Искренно любящій Васъ

П. Чайковскій.

Еще разъ спасибо за корректуру.

№ 1421. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 2 Іюня 1881 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! мнѣ доставило большое удовольствіе письмо Ваше. Я въ послѣдніе дни много о Васъ думалъ—и вотъ по какому поводу. Неподалеку отсюда живетъ нѣкто Шестоперовъ, а у этого есть сынъ, мальчикъ 9-ти лѣтъ, про котораго я давно уже слышалъ, что у него необыкновенныя музыкальныя способности. Наконецъ недавно собрался я къ нимъ и былъ не только не разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, но, напротивъ, совершенно изумленъ и восхищенъ этимъ мальчикомъ. Учился онъ кое-какъ, ничего кромѣ собственной музыки не слышалъ, а между тѣмъ игралъ со мной нѣсколько увертюръ и симфоній въ 4 руки такъ, какъ будто еще до появленія своего на этомъ свѣтѣ, гдѣ-то тамъ, прежде всего, понаслушался, понаигрался. Импровизируетъ прелестно, съ мо-

дуляціями, перемѣнами темъ, ходами и даже какъ-бы нѣсколько оформлено.—Ну, словомъ, талантъ сильный и несомнѣнный. Въ Августѣ родители переселяются въ Москву и хотятъ помѣстить мальчика въ лицей Каткова, но собираются и музыкальное образованіе дать ему солидное. И вотъ по этому поводу я и думалъ о Васъ. Мнѣ хочется Вамъ поручить этого мальчика. Всего болѣе я бы желалъ, разумѣется, чтобы Вы сами съ нимъ занимались, (я думаю одного раза въ недѣлю достаточно) и осмѣлюсь убѣдительно Васъ просить о томъ. Но если бы это оказалось невозможнымъ, въ виду Вашихъ сложныхъ консерваторскихъ обязанностей, то, по крайней мѣрѣ, пусть кто-нибудь занимается съ нимъ изъ учениць Вашихъ или учениковъ, но не иначе, какъ подъ Вашимъ наблюденіемъ. (Шестоперовы люди не бѣдные и платить могутъ и хотятъ). Во всякомъ случаѣ, я мальчика этого пошлю къ Вамъ и попрошу Васъ распорядиться насчетъ его музыкальныхъ занятій.

Замѣчательно то обстоятельство:—мальчикъ этотъ поразительно напоминаетъ мнѣ Васъ въ его возрастѣ: то-же выраженія лица, тотъ же складъ тѣла (нѣсколько рыхлый и лимфатическій), та же неестественная въ ребенкѣ чистоплотность, и даже самый музыкальный талантъ его весьма напоминаетъ Вашъ. Голубчикъ! не откажите мнѣ и согласитесь руководить его ученіемъ.

Про себя ничего не пишу. Все время я не въ духѣ по обстоятельствамъ семейнымъ. Занимаюсь переложеніемъ пѣснопѣній всенощной службы, но мало и, кажется, скверно. Впрочемъ, пользуюсь вожделѣннымъ здоровьемъ. Не прощаюсь съ Вами, а говорю—до свиданья,—ибо болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ скоромъ времени я побываю въ Селищѣ. Кланяйтесь Масловымъ и скажите и имъ: до свиданья въ Селищѣ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 930. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 2 Іюня 1881 г.

Милый Петръ Ильичъ. Очень радъ, что получилъ отъ Васъ письмо и еще болѣе радуюсь тому, что Вы хотите къ намъ пріѣхать, раздѣляя сію послѣднюю радость со всѣми обитателями захолустья, жаждующими Васъ здѣсь увидѣть. Ѳедоръ Ивановичъ пишетъ Вамъ особое письмо, въ которомъ подробно излагаетъ, какъ Вамъ ѣхать, гдѣ мѣнять вагоны, куда посылать телеграмму о высылкѣ лошадей и т. п.

Перехожу къ новому Моцарту, — Вашему сосѣду. Есть ли какая-нибудь возможность, учась у Каткова, гдѣ проходится полный гимназическій курсъ съ древними языками, получить не только „солидное", но хотя бы поверхностное музыкальное образованіе? Я $1^1/_2$ года пробылъ въ гимназіи, учась въ то же время въ консерваторіи, и отлично знаю, что соединить основатель-

ное изученіе наукъ съ основательнымъ изученіемъ искусствъ нѣтъ никакой возможности. При этихъ условіяхъ совершенно несущественно, буду ли я руководить его музыкальными занятіями или не буду, все равно, можно заранѣе предсказать, что изъ этого ничего не выйдетъ. [1]) А Вамъ бы слѣдовало, пользуясь тѣмъ, что родители мальчика навѣрное придаютъ особенное значеніе въ дѣлѣ музыки словамъ Вашимъ, посовѣтовать отдать его въ консерваторію. Такъ какъ они люди состоятельные, то пусть отдадутъ учиться одной музыкѣ, а для научныхъ предметовъ наймутъ домашняго учителя. Это удобно тѣмъ, что мальчику не придется терять много времени даромъ, сидя въ научныхъ классахъ по нѣсколько часовъ въ день, удобно также и потому, что не придется во время музыкальныхъ экзаменовъ имѣть еще научные. Сдать же окончательный консерваторскій экзаменъ изъ научныхъ предметовъ не представляетъ особенной трудности. Когда Вы пріѣдете, мы съ Вами переговоримъ, чѣмъ именно я могу быть полезенъ юному генію.

Кстати: самая фамилія этого мальчика какъ бы предвѣщаетъ, что онъ сдѣлается музыкантомъ. Слово „Шестоперовъ“ несомнѣнно сложное и состоитъ изъ двухъ словъ: „шесть“-„таперовъ“.

Во всякомъ случаѣ очень интересно увидать этого мальчика, и я буду ожидать его въ Москвѣ.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ. Ждемъ Васъ съ нетерпѣніемъ.

Остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 956. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 1 Іюля 1881 г.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ. Пишу немного, потому что сейчасъ ѣдутъ въ городъ. Симфонію кончилъ, но ее Вамъ не послалъ, потому что въ Москвѣ не съ кѣмъ было ее испробовать въ 4 руки, а Вы мнѣ говорили, что и въ Вашей деревнѣ нѣтъ достаточно опытныхъ піанистовъ. Разсчитываю на Ваше обѣщаніе пріѣхать въ Селище. Вотъ что надо сдѣлать, чтобы въ него попасть. Пріѣхавъ въ Орелъ, надо пересѣсть на Орловско-Витебскую жел. дор. и доѣхать до станціи К а р а ч е в ъ. Ѣзды до Карачева 3 часа. Существуютъ два поѣзда изъ Орла: 1) въ 2 часа ночи, 2) въ 4 часа дня.

За ч е т ы р е дня до Вашего пріѣзда въ К а р а ч е в ъ пошлите телеграмму слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Къ сожалѣнію, предсказаніе Сергѣя Ивановича оправдалось. Изъ геніально одареннаго мальчика „ничего не вышло“, и музыкальное дарованіе его поблекло очень рано.

„Орловская губернія, Карачевъ.
Марьѣ Андреевнѣ Лобановой.
Дайте знать немедленно въ Селище. Буду тогда-то.
Чайковскій."

Пріѣхавъ въ Карачевъ, Вы найдете на станціи кучера Масловыхъ и лошадей, на которыхъ и отправитесь къ намъ въ Селище, гдѣ Васъ всѣ будемъ ожидать.

Въ полной надеждѣ, что Вы насъ не обманете и свое обѣщаніе исполните, остаюсь Вамъ преданный

Сергѣй Танѣевъ.

Всѣ Масловы Вамъ посылаютъ привѣтствія.

№ 943. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 19 Іюля 1881 г.

Милый Петръ Ильичъ. Давно собирался Вамъ написать, но, по обыкновенію, лѣнился. Пока былъ въ Москвѣ, эта лѣнь находила полное оправданіе въ экзаменахъ—время, наиболѣе утомительное изъ всего консерваторскаго года: пробудешь день въ консерваторіи, вернешься поздно къ обѣду, а вечеромъ не хочется ничего дѣлать, не хочется даже писать писемъ. Я пріѣхалъ въ Селище съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, заѣхавъ предварительно въ Мценскій уѣздъ къ Тургеневу и проведя у него день. Съ тѣхъ поръ, какъ сюда пріѣхалъ, веду жизнь очень правильную. Поутру пью воды, прописанныя по моей просьбѣ докторомъ; воды, имѣющія свойства дѣлать человѣка худшимъ (болѣе худымъ [менѣе толстымъ]), чѣмъ онъ былъ прежде. Пія воды, въ то же время дѣлаю прогулки, послѣ послѣдняго стакана часовую прогулку, заканчиваемую купаньемъ. Возвратясь, пью чай и завтракаю вмѣстѣ съ начинающими мало по малу вставать—Масловыми. Послѣ сего около часу ничего не дѣлаю, ибо утомленъ, потомъ сажусь за фортепіано. Играю аккуратно пять часовъ въ день: вотъ уже четырнадцать дней, какъ мнѣ привезли фортепіано, и я ни разу не игралъ менѣе. Играю часто съ нѣкоторою досадою, думаешь: я бы въ это время писалъ тройные или четверные контрапункты, а вмѣсто этого приходится по двадцати разъ повторять какой-нибудь пассажъ изъ Листовской пьесы, чтобы сообщить ему элегантность и легкость, требуемую отъ фортепьяннаго виртуоза. Боже, думалъ ли я когда-нибудь, что мнѣ придется этимъ заниматься?! Между тѣмъ это необходимо въ виду моихъ будущихъ обязанностей. Мнѣ съ одной стороны это нравится: мысль, что я могу хорошо исполнять фортепьянныя пьесы и могу этому учить другихъ,—мнѣ пріятна. Но что меня смущаетъ, это что при усидчивыхъ занятіяхъ фортепіано, при хожденіи въ консерваторію, при 16-ти часовъ уроковъ въ недѣлю, мнѣ не останется времени на мои кропотливыя изысканія въ области сухой и без-

плодной, на мои творенія, которыми я до сихъ поръ, хотя изрѣдка, обогащалъ музыкальное искусство.

Наши консерваторскія новости Вамъ, вѣроятно, извѣстны. Директоромъ выбранъ Николай Альбертовичъ, [1]) которому тотчасъ по вступленіи въ новую должность пришлось исполнить весьма трудную задачу: отыскать дирижера и двухъ фортепьянныхъ профессоровъ, имѣющихъ имя, и привезти ихъ изъ Европы въ Москву, для чего онъ и уѣхалъ уже за границу. Клиндвортъ вышелъ изъ Консерваторіи по слѣдующей причинѣ: онъ желалъ дирижировать концертами, — на это дирекція соглашалась, но кромѣ того желалъ, чтобы Антонъ Рубинштейнъ не пріѣзжалъ на первые концерты, какъ онъ это обѣщалъ,—на это дирекція не согласилась, и Клиндвортъ ушелъ. Это очень непріятно. Клиндвортъ десять лѣтъ училъ, училъ хорошо и добросовѣстно занимался съ учениками. Но я бы охотно забылъ эту потерю, еслибы зналъ, что Петръ Ильичъ помнитъ свое обѣщаніе и когда-нибудь дѣйствительно возвратится въ консерваторію, гдѣ его всѣ такъ любятъ, и поддержитъ зданіе, которому, быть можетъ, грозитъ разрушеніе.

Чѣмъ Вы занимаетесь въ деревнѣ? Слышалъ отъ Юргенсона, что пересматриваете сочиненія Бортнянскаго? Написали ли что-нибудь? Жду отвѣты на всѣ сіи вопросы и остаюсь любящій Васъ

С. Танѣевъ.

Передайте мое почтеніе Вѣрѣ Львовнѣ. [2])

№ —. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 31 Іюля 1881 г.

Милый Петръ Ильичъ! Меня безпокоитъ Ваше долгое молчаніе. Мы съ Ѳедоромъ Ивановичемъ послали Вамъ письмо тотчасъ по полученіи Вашего и до сихъ поръ отъ Васъ не имѣемъ никакихъ извѣстій. Я такъ избалованъ аккуратностью, съ которой получаю отъ Васъ отвѣты на письма, что мнѣ все кажется, не случилось ли съ Вами что. Напишите, пожалуйста. Ѳедоръ Ивановичъ уѣхалъ въ Москву; я здѣсь пробуду до 20 Августа. Продолжаю вести правильный образъ жизни и много играю. Прекращеніе питья водъ дало мнѣ возможность посвятить утреннее время до чаю—сочинительству: хочется дописать струнный квартетъ. Въ настоящее время занимаюсь разработкой первой части и, по прежнему, пишу множество предварительныхъ эскизовъ, заключающихся въ канонахъ, имитаціяхъ, двойныхъ, тройныхъ и т. п. контрапунктовъ. Образецъ и предметъ подражанія—Моцартъ.

Я имѣю твердое намѣреніе написать нѣсколько размышле-

[1]) Губертъ.

[2]) В. Л. Давыдова, впослѣдствіи по мужу Римская-Корсакова, родная племянница П. И-ча.

ній по поводу интересующаго меня мѣста въ Вашемъ письмѣ, гдѣ Вы говорите, что начали дѣлать переложеніе изъ обихода; но вынужденъ отложить эти объясненія до слѣдующаго письма: слишкомъ поздно; пора ложиться спать, а завтра чуть свѣтъ ѣдутъ въ городъ. Не будете ли Вы такъ милы описать мнѣ поподробнѣе, какъ Вы принялись за эти переложенія, въ какомъ стилѣ ихъ дѣлали, въ гармоническомъ или контрапунктическомъ, куда помѣщали данный голосъ, какъ располагали текстъ, одновременно ли давали его исполнять всѣмъ голосамъ или нѣтъ и т. п. Буду ожидать скораго отвѣта.

Мы всѣ отчаялись увидѣть Васъ здѣсь, хотя Ваше долгое молчаніе сначала истолковывали такъ: онъ не пишетъ, значитъ, скоро пріѣдетъ. Увы! этого не случилось.

Остаюсь искренно Вамъ преданный и всей душою Васъ любящій

С. Танѣевъ.

№ 1447. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

5 Августа 1881 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Сообщаю Вамъ причины, почему я такъ долго ничего не давалъ о себѣ знать. У меня было рѣшено слѣдующимъ образомъ: 14 числа, вечеромъ, я долженъ былъ выѣхать въ Кіевъ, провести тамъ сутки, (дабы послушать Лаврскую вечерню), и оттуда прямымъ путемъ въ Карачевъ и Селище. Я хотѣлъ провести у Васъ ровно недѣлю, съѣздить по дѣлу въ Москву и вмѣстѣ съ братомъ Анатоліемъ, отпускъ котораго начинался съ конца Іюля, возвратиться въ Каменку. Случилось же такъ, что всѣ планы мои рушились: перваго числа утромъ я почувствовалъ ознобъ и лихорадочное состояніе, а къ вечеру у меня проявились всѣ характеристическіе признаки настоящаго дифтерита. Пришлось лечь и нѣсколько дней проваляться. Когда я могъ уже выѣхать,—было поздно, т. е. отпускъ Анатолія начался, и я долженъ былъ или вмѣстѣ съ нимъ провести какой-нибудь день у Васъ, или разставаться съ нимъ (а онъ, будучи очень ко мнѣ привязанъ, дорожитъ немногими днями, которые проводитъ со мной лѣтомъ) или же наконецъ вмѣстѣ съ нимъ пожить у Васъ, что по семейнымъ обстоятельствамъ нельзя было сдѣлать, такъ какъ его съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали здѣсь, въ Каменкѣ. Мнѣ было очень тяжело разстаться съ мечтой провести съ Вами въ Селищѣ нѣсколько дней; я все надѣялся и ждалъ разъясненія различныхъ обстоятельствъ, дабы найти возможность въ этомъ мѣсяцѣ побывать у Васъ, но сегодня получилъ Ваше письмо и вижу изъ него, что почти навѣрное въ Селище я не поѣду.—Именно только между 20 и 30-мъ Августа я могъ бы отсюда вырваться, а Вы 20-го уже уѣзжаете. Закончу эти объясненія тѣмъ, что въ теченіе всего этого лѣта свобода моя скована неладнымъ состоя-

ніемъ семейства, въ коемъ я живу. Сестра моя, совершенно больная, кое-какъ добралась до Карлсбада, воды котораго—единственное средство отъ ея болѣзни. Зять мой въ безпрестанныхъ разъѣздахъ, иногда продолжительныхъ. Между тѣмъ старшая моя племянница очень больна серьезной нервной болѣзнью, и присутствіе въ домѣ человѣка моихъ лѣтъ весьма часто бываетъ нужно. Теперь, напримѣръ, какъ бы я ни хотѣлъ съѣздить къ Вамъ, — не могу, ибо зять уѣхалъ помѣщать въ гимназію и устраивать въ Кіевъ сыновей своихъ. Напишите, пожалуйста, сколько времени Масловы остаются въ деревнѣ? Быть можетъ, я безъ Васъ къ нимъ заѣду въ половинѣ Сентября.

Вы спрашиваете насчетъ всенощной. Какъ всегда, я въ этомъ случаѣ повиновался скорѣе инстинкту, чѣмъ размышленіямъ и какимъ-нибудь предвзятымъ теоріямъ. Съ мелодіями обихода и ирмологіона я обращался довольно свободно, немножко à la Бортнянскій, т. е. ни мало не стѣснялся насильственнымъ укладываніемъ ихъ въ какой-либо ритмъ, иногда отступалъ, измѣнялъ, а мѣстами вовсе оставлялъ, давая волю собственнымъ измышленіямъ. Контрапунктическаго элемента вовсе или почти вовсе нѣтъ. Мелодія всегда въ верхнемъ голосѣ. Работа это показалась бы мнѣ довольно пріятной, если бы я не встрѣтилъ невѣроятныхъ затрудненій относительно послѣдованія самой службы всенощной. Въ службѣ этой есть пѣснопѣнія измѣняемыя и неизмѣняемыя (напр., великое славословіе, поліелей, предначальный псаломъ). Вотъ относительно измѣняемыхъ-то я и натолкнулся въ книгахъ, претендующихъ истолковывать и разъяснять службу (напр., въ письмахъ Беллюстина, въ Уст. Богослуж. Никольскаго и т. д.), на такой сумбуръ, такую недосягаемую премудрость, такой хаосъ, въ которомъ теряешься среди океана ирмосовъ, тропарей, кондаковъ, сѣдальновъ, каѳизмъ, катавасій, богородичныхъ, апостольныхъ, каноновъ, экзапостиларіевъ и т. д., что едва съ ума не сошелъ. Хотѣлъ я, напримѣръ, переложить 9 ирмосовъ какого-нибудь наиболѣе употребляемаго канона—и избралъ тотъ первый ирмосъ, который начинается словами: „Отверзу уста моя“, но прошло по крайней мѣрѣ два мѣсяца прежде, чѣмъ я отыскалъ эти ирмосы и то съ помощью Дм. Вас. Разумовскаго, [1]) которому пришлось писать по этому случаю. Нужно правду сказать: люди, работавшіе надъ обиходомъ и другими нотными книгами, были порядочно безтолковы и не держались никакой системы. Напр., въ поліелеѣ есть моментъ, когда поется ирмосъ: „Воскресеніе Христово видѣвши“. За весьма немногимъ исключеніемъ ирмосъ этотъ поется почти круглый годъ въ недѣли, т. е. въ воскресенія. Я долго не могъ найти его въ ирмологіонѣ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, ибо нотный ирмологіонъ соотвѣтствуетъ не нотному, а въ послѣднемъ онъ находится. Какъ Вы думаете, гдѣ я наконецъ нашелъ его? Въ Оби-

[1]) Профессоръ Московской Консерваторіи, протоіерей.

ходѣ, среди пасхальнаго канона. Непостижимо это для меня. Теперь мнѣ смѣшно вспомнить, до чего я мучился и терялся въ лабиринтѣ нашихъ богослужебныхъ книгъ. Всенощная моя начерно уже готова, но я еще нескоро примусь за переписку.— Вамъ извѣстно, что я принялъ на себя редакцію полнаго собранія Бортнянскаго. Невозможно было отказаться отъ средства заработать хорошія деньги, предложенныя Юргенсономъ. Но какъ я далекъ былъ отъ истины, вообразивъ себѣ, что это будетъ нѣсколько скучная, но легкая и кратковременная работа! Оказалось, что это займетъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ усидчиваго труда. Однихъ концертовъ 35. Да столько же двухорныхъ большихъ сочиненій, къ коимъ еще придется дѣлать аккомпанимент. Часто я здѣсь раскаиваюсь, что взялся за это дѣло, и браню бѣднаго Бортнянскаго. Будь его сочиненія хотя бы и не геніальны, но всегда интересны, то работа была бы занимательна, но, увы,—Бортнянскій былъ человѣкъ не бездарный и знатокъ хора,—но крайне бѣдный изобрѣтеніемъ, однообразный до тошноты, манерный, пошловатый, а главное, до такой степени далекій отъ пониманія настоящихъ потребностей нашей церковной музыки! Нечего дѣлать; приходится ежедневно проглядывать 2-3 его произведенія, а когда этотъ пересмотръ кончится, начнется возня съ корректурами. Невеселая перспектива!

Съ болью сердца думаю о судьбѣ консерваторіи. Иногда терзаюсь мыслью, что ограничиваюсь однимъ соболѣзнованіемъ платоническаго свойства, но, тѣмъ не менѣе, не могу еще покамѣстъ принести ей дѣйствительную помощь своимъ содѣйствіемъ. Я горячо люблю Моск. Конс., но только тогда, когда въ ней не нахожусь: какъ только я тамъ дѣйствующимъ лицомъ, я ее ненавижу, ибо ненавижу учительское дѣло, ненавижу прикованность къ мѣсту, ненавижу разныя грустныя московскія воспоминанія,—однимъ словомъ, въ Москвѣ я—воплощеніе ненависти, какая-то фурія, неспособная приносить пользы. Желаю и надѣюсь, что впослѣдствіи измѣнюсь, — но теперь еще не могу сдѣлаться Вашимъ сотоварищемъ.

Напишите мнѣ, милый Сережа, Ваши размышленія по поводу переложенія Обихода.

Крѣпко жму Вашу руку. Кланяйтесь милымъ Масловымъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 983. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 10 Августа 1881 г.

Милый Петръ Ильичъ! Радъ Вашему письму и не радъ тому, что не удалось здѣсь съ Вами свидѣться. Я давно мечталъ о томъ, чтобы провести нѣсколько времени съ Вами въ Селищѣ, главнымъ образомъ желая хорошенько потолковать о Вашихъ новыхъ церковныхъ сочиненіяхъ, что очень удобно на свободѣ, въ деревнѣ и неудобно въ Москвѣ, гдѣ у меня есть дѣло, и гдѣ

у Васъ занята каждая минута. Кромѣ того, думалъ, что Вамъ здѣсь будетъ пріятно находиться, и что Вы, проведя въ нынѣшнемъ году нѣсколько дней, въ будущемъ пріѣдете на болѣе продолжительное время, на что разсчитывали также и Масловы, которые продолжаютъ питать надежду Васъ увидѣть, такъ какъ они пробудутъ здѣсь до половины Октября. Что касается меня, то я скоро отсюда уѣду, чтобы до начала классовъ съѣздить во Владиміръ къ брату Павлу Ивановичу. Съ нетерпѣніемъ жду прибытія въ Москву, чтобы узнать результаты поѣздки Губерта за границу: кого-то онъ намъ привезъ. Изъ Вашего письма вижу, что Вы къ намъ не пріѣдете. Отчего? Вы ненавидите прикованность къ мѣсту. Признаюсь, что это мнѣ непонятно. Пропутешествовать годъ, два, три, очень пріятно, но въ концѣ концовъ надо же гдѣ-нибудь поселиться. Выбравъ мѣсто постояннаго жительства, Вы можете въ теченіи лѣта, во время отпуска среди зимы удовлетворять своему стремленію къ путешествіямъ и, проѣхавшись въ Италію, возвратиться въ Москву. Я очень вѣрю, что Вамъ было очень противно преподаваніе теоріи, но полагаю, что это происходило исключительно отъ того, что Вы имѣли слишкомъ много занятій; въ тѣ дни, когда у меня четыре часа подрядъ уроковъ, я начинаю чувствовать ненависть къ преподаванію и дѣлаюсь золъ, напротивъ того, въ дни, когда у меня по два часа уроковъ, я исполняю свои обязанности со рвеніемъ, съ удовольствіемъ, ненависти къ преподаванію не чувствую и золъ не становлюсь. Можетъ быть, съ Вами будетъ то же самое. Не берите на себя много уроковъ. Консерваторіи вовсе не нужно взваливать на Васъ непосильный трудъ. Намъ не столько нужно обиліе часовъ, въ которые Вы будете изъяснять ученикамъ таинства гармоніи, сколько нужно Васъ самихъ. Нужно для публики и для учениковъ. Вы не можете себѣ представить, какъ сильно дѣйствуетъ на ученика присутствіе въ консерваторіи композитора, который у него на виду пишетъ сочиненія, исполняемыя въ концертахъ, или присутствіе такого виртуоза, какимъ былъ Николай Григорьевичъ. Я это отлично знаю и самъ испыталъ, когда былъ ученикомъ. Пріѣзжайте въ Москву и приходите ежедневно часа на два въ консерваторію; вотъ все, что намъ отъ Васъ нужно, и чѣмъ Вы можете доказать дѣйствительное сочувствіе къ консерваторіи, не ограничивающееся соболѣзнованіями платоническаго свойства.

Перехожу къ церковному пѣнію. Разобраться въ хаосѣ нашихъ церковныхъ мелодій очень трудно. Есть указанія, которыя весьма могутъ быть полезны, въ книгѣ Потулова о церковномъ пѣніи. Всего же вѣрнѣе имѣть подъ рукой какого-нибудь регента въ родѣ нашихъ бывшихъ учениковъ: Войденова или Орлова, [1]) которые Вамъ могутъ объяснить, что когда пѣть, какую строчку можно въ пѣніи пропустить и т. п. Мнѣ кажется,

[1]) Впослѣдствіи директора Синодальнаго Училища въ Москвѣ.

что, предпринимая сочиненіе цѣлой службы, всенощной или обѣдни, слѣдуетъ ограничиться одними неизмѣняемыми пѣснопѣніями, совершенно выбросивъ всѣ измѣняемыя, изъ которыхъ затѣмъ составлять отдѣльныя коллекціи. Измѣняемыхъ пѣснопѣній такое огромное количество, что помѣстить ихъ во всенощную или обѣдню нѣтъ никакой возможности. Выкинувъ же ихъ вовсе, мы значительно облегчимъ себѣ трудъ. Во время обѣдни поются причастные стихи. Бахметьевъ издалъ ихъ всѣ (29 №№) въ отдѣльной коллекціи. Въ этомъ случаѣ его примѣръ заслуживаетъ подражанія.

Выскажу вкратцѣ соображенія о переложеніи обихода. Католическая и протестантская музыка представляютъ собою каждая нѣчто законченное и завершенное. Присматриваясь ближе къ тому, что дѣлали композиторы той и другой и какъ они довели до конца развитіе музыкальнаго стиля, мы можемъ научиться тому, что намъ дѣлать въ нашей церковной музыкѣ. Основаніемъ—католической цер. музыки служитъ грегоріанское пѣніе, основаніемъ протестанской — хоралъ. На этихъ основаніяхъ католич. и протест. церковь воздвигли величественныя зданія, мы на нашихъ церковныхъ мелодіяхъ ничего не воздвигли. Какъ поступали западные композиторы съ своими пѣснопѣніями и въ какихъ формахъ можетъ выражаться въ музыкѣ церковная мелодія? Самая элементарная форма обработки мелодіи можетъ быть названа гармоническою. Это — простая гармонизація; мелодія поручена одному голосу, остальные голоса ее сопровождаютъ, слова выговариваются всѣми одновременно. Примѣры такой обработки въ строгомъ стилѣ: псалмодіи, въ протестанской музыкѣ—гармонизованные хоралы (напр., тѣ, которые заканчиваютъ каждую кантату Баха). Если обратиться къ нашей церковной музыкѣ, то мы увидимъ, что у насъ такія элементарныя обработки уже существуютъ: Бортнянскій, Турчаниновъ, Потуловъ. Это, такъ сказать, первая ступень искусства (не съ исторической точки зрѣнія, а съ музыкальной), не представляющая никакого простора для художественнаго творчества, имѣющая мало музыкальнаго интереса; тѣмъ не менѣе безъ этой формы обойтись нельзя. Каждый разъ, какъ текстъ молитвы длиненъ, (что у насъ встрѣчается на каждомъ шагу) мы должны употреблять эту форму. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда текстъ отдѣльнаго пѣснопѣнія коротокъ, можно прибѣгнуть къ другому способу обработки, съ котораго начинается истинное искусство, богатство и безконечное разнообразіе формъ, просторъ для художественной мысли. Это есть область контрапунктической обработки мелодіи. Остановлюсь подольше на вопросѣ, что дѣлали католическіе композиторы въ этой области, ибо это къ нашей музыкѣ ближе, чѣмъ творенія протестантскія, разсчитанныя на аккомпаниментъ органа и заключающія въ себѣ много такого,

что не подходитъ къ хору, не имѣющему сопровожденія. Кромѣ того мелодіи грегоріанскія гораздо ближе къ нашимъ, чѣмъ мелодіи хораловъ съ ихъ раздѣленіями, съ ферматами на концахъ фразъ и т. п. Можно сказать, что существенной разницы между грегоріанскими и нашими мелодіями вовсе нѣтъ. Отсутствіе опредѣленнаго, симметрическаго ритма, такта, построеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ на діатоническихъ греческихъ гаммахъ дѣлаютъ сходство между ними полнымъ. Меня всегда интересовало узнать, въ какомъ видѣ является грегоріанскій напѣвъ, напр., въ сочиненіяхъ Палестрины, гдѣ проводится этотъ напѣвъ; гдѣ кончается церковная мелодія, гдѣ начинается свободное, ею не связанное сочиненіе? Отвѣта на это, полнаго техническаго разбора съ этой точки зрѣнія писателей строгаго стиля я никогда не встрѣчалъ. Въ прошломъ году я привезъ съ собою изъ Парижа сборники грегоріанскихъ пѣснопѣній и мнѣ удалось къ нѣкоторымъ сочиненіямъ подыскать данные голоса, тѣ мелодіи, которыя послужили композитору для сочиненія контрапунктическаго сочиненія. Вотъ нѣкоторыя формы, въ которыхъ обрабатывались данные голоса:

1). Данный голосъ, при контрапунктической обработкѣ, можетъ быть помѣщенъ въ одинъ изъ голосовъ (обыкновенно въ теноръ) длинными нотами, въ то время, какъ другіе голоса исполняютъ имитаціи, или имѣющія тематическое родство съ данной мелодіей или не имѣющія (примѣромъ можетъ служить месса Жоскина де-Пре [Homme armé]).

2). Данный голосъ раздѣляется на отдѣльныя фразы [по тексту] и на каждую изъ такихъ фразъ строится имитація. Ритмъ дан. гол. можетъ быть измѣняемъ. Имитаціи преимущественно съ сохраненіемъ интерваловъ темы: тону соотвѣтствуетъ тонъ, полутону—полутонъ. Каждый изъ голосовъ имѣетъ [во время имитаціи] начало отдѣльныхъ частей [фразъ] даннаго голоса, переходящее затѣмъ въ свободный контрапунктъ. Это, какъ кажется, слѣдуетъ считать формою, чаще другихъ встрѣчающейся. [Въ этихъ формахъ слова выговариваются не вмѣстѣ, а въ разбивку].

Въ протестантской музыкѣ высшая форма, въ которой выражается хоралъ, представляется въ безконечномъ разнообразіи въ кантатахъ Баха. Я не стану на ней останавливаться, такъ какъ она Вамъ вполнѣ знакома и кромѣ того она, по свойствамъ протестантской музыки, непримѣнима къ нашей церкви.

Въ концѣ концовъ дѣло сводится къ слѣдующему: наша церковная музыка находится на первой ступени развитія. Передъ ней—безконечная область богатыхъ формъ. Войдя въ эту область, наша музыка, подобно западно-европейской, можетъ дойти до высшей ступени развитія и выработать ей принадлежащій въ будущемъ стиль. Выработавъ этотъ стиль на основаніи церковн. мелодій, композиторы будутъ въ состояніи писать въ немъ сочиненія свободныя, уже не прибѣгая къ

церковнымъ мелодіямъ, подобно тому какъ мы это встрѣчаемъ у композиторовъ строгаго стиля и у нѣмецкихъ авторовъ. Пока этотъ стиль не выработался, всѣ свободно-написанныя сочиненія не могутъ имѣть важности, представляя изъ себя нѣчто внѣшнее по отношенію къ церковной музыкѣ, ни чѣмъ съ нею не связанное. Таковъ весь Бортнянскій въ своихъ свободныхъ сочиненіяхъ.

Далѣе. Благодаря тому, что мы имѣемъ передъ собою весь опытъ вѣковой мудрости европейскихъ музыкантовъ, наша задача упрощается чрезвычайно. Мало этого, мы прямо можемъ воспользоваться всѣмъ тѣмъ, до чего дошли творцы строгаго стиля, и приложить ихъ ученіе къ нашей музыкѣ, ибо основаніе, на которомъ они творили, совершенно сходно съ тѣмъ, которое мы имѣемъ подъ руками. Если Вы возьметесь за это дѣло серьезно и не побоитесь старыхъ, но вѣчныхъ формъ контрапункта, то можно надѣяться, что наша церковная музыка много подвинется впередъ по новому и интересному пути, который ей предстоитъ пройти.

Исписавъ два большихъ листа, я могу кончить свое писаніе, тѣмъ болѣе, что скоро 2 часа ночи. Если завтра до отправки въ городъ я успѣю встать, то приложу къ письму нотные примѣры для поясненія того, что мною было сказано.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ. Желаю Вамъ всего лучшаго и остаюсь искренно Вамъ преданный.

С. Танѣевъ.

P. S. Заѣзжайте въ Селище.

№ 1455. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 23 Августа 1881 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Вы говорите, что основаніе, на которомъ творили католическіе авторы, совершенно сходно съ основаніемъ будущей нашей церковной музыки. Если къ этому совершенно сходному основанію приложить ихъ же контрапунктическіе пріемы, какъ Вы это совѣтуете,—то, по моему, этимъ путемъ никакого самостоятельнаго стиля не добьешься. Если и содержаніе и формы одинаковы, то я рѣшительно не понимаю, о чемъ Вы хлопочете? лучше бы прямо сказать, что къ нашей церковной музыкѣ слащавый стиль Бортнянскаго идетъ, какъ корова къ сѣдлу, и что стиль Палестрины ей болѣе приличествуетъ. Съ этимъ я, пожалуй, согласенъ. Если суждено ей быть, то, въ силу рокового историческаго закона, она когда-нибудь и скажется. Стоитъ только появиться сильному и оригинальному таланту въ этой сферѣ и онъ укажетъ намъ или нашимъ потомкамъ путь къ самостоятельности. Ничего нѣтъ безплоднѣе, какъ исканіе оригинальности и самостоятельности. Геніальные творцы никогда объ этомъ не помышляютъ. Они ищутъ красоты,

а ужъ какая она: оригинальная или заимствованная—это откроется потомъ.

Что значитъ увлекаться теоріями! Вы хотите, чтобы я посвятилъ себя контрапунктическимъ обработкамъ обиходныхъ мелодій, имитаціямъ, фигураціямъ,—однимъ словомъ, превратился бы въ Жоскина-де-Пре. Но подумайте, Сергѣй Ивановичъ, могу ли я, по свойствамъ своей музыкальной организаціи, заниматься подобнымъ дѣломъ? Да если-бъ и занялся, то ничего бы, кромѣ сухихъ звукосочетаній, изъ сего бы не вышло. Вѣдь, чтобы писать, какъ Палестрина, и достигнуть того, чего онъ достигъ, нужно быть человѣкомъ его вѣка; нужно носить въ сердцѣ теплую наивную вѣру, нужно забыть весь ядъ, которымъ отравлена больная музыка нашего времени. Невозможно это! Вы знаете, что я болѣе, чѣмъ кто-либо, зараженъ этимъ ядомъ. Неужели Вы не помните гигантскую тоску, которую тщетно я старался превозмочь, когда Вы показывали мнѣ Ваши опыты обработки церковныхъ мелодій? Быть можетъ, я не доросъ до пониманія и сознанія истины Вашей теоріи. Быть можетъ, Вы и правы. Но въ такомъ случаѣ никто, кромѣ Васъ, не можетъ исполнить Вашей задачи. Если у Васъ нѣтъ теплой вѣры и дѣтственно-чистаго музыкальнаго чувства Палестрины, то взамѣнъ того у Васъ есть упорная вѣра въ Вашу доктрину. Вы же и должны примѣнять ее къ дѣлу.

25 Августа.

Хотѣлъ еще много написать Вамъ по этому поводу, но некогда. Я почти увѣренъ, что моя всенощная Вамъ не понравится. Рѣшительно не вижу въ ней ничего, что бы могло заслужить похвалы Вашей. Знаете, Сергѣй Ивановичъ, я, кажется, не только никогда больше хорошаго ничего не напишу, но, вообще, больше ничего не въ состояніи сочинить. На какой бы формѣ я ни остановился,—мнѣ ни одна изъ нихъ не по сердцу. Вездѣ есть масса необходимаго remplissage'а, вездѣ рутина, давно пріѣвшіеся пріемы, вездѣ условность, фальшь. Еслибъ я былъ молодъ, то можно было бы это (уже годовое) отвращеніе ко всякому сочинительству (всенощная не сочиненіе, а переложеніе) объяснить тѣмъ, что я собираюсь съ силами, что я внезапно открою какую-нибудь новую, свою тропинку. Но, увы, года даютъ себя знать. Творить наивно, подобно птицѣ пѣвчей, уже не могу, а на изобрѣтеніе новаго чего-нибудь пороху не хватаетъ. Говорю Вамъ это не для того, чтобы вызвать ободрительныя возраженія, а лишь указываю на фактъ. Да я не сожалѣю объ этомъ. Я на своемъ вѣку работалъ довольно безалаберно, но много и усталъ. Пора и на покой. Думалъ, было, приняться за оперу, у меня подъ руками порядочное либретто и я въ часы досуга уже написалъ 4 №№. То, въ недостаткѣ чего вѣчно упрекалъ меня Ц. Кюи,—совершилось, т. е. я сталъ „критически

къ себѣ относиться". И что-же? какъ только это началось, такъ тотчасъ же и закрылся клапанъ, изъ котораго, „не относясь критически", прежде я извлекалъ много музыки, хотя бы и посредственной. Такимъ образомъ, я, собственно говоря, не имѣю права жаловаться на Юргенсона, заподозрѣвшаго меня за Бортнянскаго. За неимѣніемъ другой работы и эта годится, чтобы наполнить время. Но я предпочелъ бы что-нибудь болѣе интересное,—однако-жъ отъ Вашихъ контрапунктовъ все-таки рѣшительно отказываюсь.

Но довольно обо мнѣ: поговоримъ о Васъ. Единственное мое утѣшеніе, когда я думаю о Москвѣ и нашей консерваторіи, единственный лучъ надежды—Вы. Пожалуйста, Сергѣй Ивановичъ, не будьте слишкомъ скромны, будьте совершенно увѣрены въ своихъ силахъ, а силы эти таковы, что Вы можете и должны понемногу занять мѣсто Н. Г., Вы обязаны сознавать это и прямо идти къ этой цѣли, ради блага всего осиротѣвшаго московскаго музыкальнаго дѣла. Не восклицайте про меня: „Хорошъ! читаетъ мнѣ наставленія, а самъ сидитъ гдѣ-то, сложа руки?..."— Я не могу покамѣстъ быть дѣятелемъ. Все равно, взявъ на себя какую-нибудь должность въ консерваторіи, я бы черезъ мѣсяцъ тайно убѣжалъ. Это не отъ того, чтобы я разлюбилъ Москву и московскую музыкальную среду. Скорѣе, напротивъ, я ихъ слишкомъ люблю и слишкомъ страдаю, сознавая свою совершенную безполезность дѣлу, которому преданъ. Быть тамъ только для виду—не хочу. А преподавать, какъ слѣдуетъ, хотя бы и одинъ часъ въ день, какъ Вы предлагаете, никогда не умѣлъ и не буду умѣть. Я неспособенъ чему-нибудь научить, ибо это нужно дѣлать, если не съ любовью, то съ терпѣніемъ, котораго во мнѣ нѣтъ. Раздражителенъ я сталъ до невозможности. Независимо отъ этого, находясь въ Москвѣ, я всегда испытывалъ цѣлую серію столь мучительныхъ чувствъ, объ которыхъ и приблизительнаго понятія дать Вамъ не могу. Это какая-то жгучая тоска о невозвратимости прошлаго, какое-то мучительное сожалѣніе безсмысленно прожитой молодости и многое, многое другое.... Иначе, какъ въ формѣ сидѣнія въ трактирѣ и питья водки, я и не представляю себѣ свою жизнь въ Москвѣ.

Ну, однимъ словомъ, не уговаривайте меня поступать въ консерваторію: это невозможно теперь. За будущее не ручаюсь. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ устану странствовать и захочется снова очутиться на прочномъ мѣстѣ въ Москвѣ. Вы же какъ бы созданы для того, чтобы поддержать дѣло Рубинштейна. Думаю, что и въ фортепьянномъ классѣ и въ директорскомъ кабинетѣ и за капельмейстерскимъ пультомъ,—вездѣ Вы должны замѣнить Н. Г.

Надѣюсь, что увижусь съ Вами въ концѣ Сентября или началѣ Октября.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1498. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

18 Ноября 1881 г.

Голубчикъ Сергѣй Ивановичъ! 1) Въ суетѣ отъѣзда я забылъ возвратить офицеру К. его рукопись; если онъ зайдетъ за ней, потрудитесь сказать ему, что я привезу ее въ воскресенье. Противъ печатанья я ничего не имѣю, но не могу вмѣшиваться въ дѣла Юргенсона, хотя скажу ему, что съ музыкальной стороны препятствій къ изданію не вижу. 2) Передъ отъѣздомъ я получилъ приглашеніе отъ Гольцева [1]) участвовать на юбилеѣ Успенскаго, [2]) но не могъ отвѣтить, ибо, во 1-хъ, забылъ, какъ зовутъ Гольцева, а, во 2-хъ, не зналъ, куда адресовать отвѣтъ. Если возможно, передайте при случаѣ непосредственно или посредственно Гольцеву, что по извѣстнымъ Вамъ причинамъ стремился въ деревню и остаться на цѣлыхъ два дня изъ-за обѣда не былъ въ состояніи. 3) Хотѣлъ написать С. И. Масловой восторженную благодарность за сумасводительные грибы, которые вчера уже кушалъ на здоровье, но опять-таки не могу вспомнить Малый Васильевскій или Малый Аѳанасьевскій переулокъ и чей домъ. Итакъ, при свиданіи скажите ей и, вообще, Масловымъ, что я полонъ благодарности.
4) Вы чудный, милый человѣкъ и великолѣпный піанистъ—и я ужасно люблю Васъ.

Вашъ П. Чайковскій.

Въ воскресенье буду.

№ 1153. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

9 Апрѣля 1882 г., Пятница.

Милый Петръ Ильичъ! Не приходите ко мнѣ завтра вечеромъ: я долженъ провести его въ консерваторіи въ засѣданіи совѣта, собирающагося для обсужденія выставочныхъ концертовъ. А лучше приходите къ намъ обѣдать въ воскресенье или въ понедѣльникъ, если это для Васъ удобно. Во всякомъ случаѣ напишите мнѣ записочку, когда зайдете, чтобы мнѣ опять не пришлось уйти изъ дому, какъ это случилось сегодня, о чемъ я искренно сожалѣю; черезъ $^1/_4$ часа послѣ Вашего ухода я вернулся съ прогулки.

Я къ Вамъ не шелъ по возвращеніи изъ Петербурга потому, что весь день, за исключеніемъ времени, идущаго на консерваторскіе уроки, посвящаю изученію Вашего концерта [3]) и никуда не выхожу. Игралъ сегодня 6 часовъ, вчера тоже 6, а разъ даже 8, чего со мной давно не случалось.

---

[1]) Викторъ Александровичъ Гольцевъ, профессоръ энциклопедіи права въ Моск. Университетѣ, публицистъ и редакторъ „Русской Мысли“.

[2]) Глѣбъ Успенскій.

[3]) Второго ф.п. концерта.

Много страданія причиняютъ мнѣ четыре страницы въ каденціи, гдѣ лѣвая рука съ правою по очереди берутъ аккорды: играть страшно трудно, и врядъ ли это хорошо будетъ звучать въ исполненіи: полагаю, что къ концу 2-й страницы слушатели утомятся, а къ концу 4-й выйдутъ изъ терпѣнія, что случается по временамъ и со мною во время ученія сего мѣста.

Со вчерашняго дня молю Бога, чтобы онъ продлилъ дни, посвящаемые Вами на передѣлку тріо. Ибо, если оно у Васъ будетъ скоро готово, то я принужденъ буду его играть у Фитценгагена въ частномъ концертѣ, чего мнѣ страшно не хочется дѣлать: придется бросить изученіе концерта и приняться за тріо, а мнѣ не хочется, уча концертъ, отвлекать себя посторонними дѣлами.

С. Танѣевъ.

Буду ждать извѣщенія, гдѣ и когда мы увидимся.

№ 1225. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 18 Іюня 1882 г.

Милый Петръ Ильичъ! Пишу Вамъ краткое письмо, въ надеждѣ скоро Васъ здѣсь увидать и при свиданіи подробно переговорить о музыкальныхъ происшествіяхъ послѣдняго времени. О Вашемъ концертѣ и о моемъ его исполненіи Вы, вѣроятно, уже имѣете свѣдѣнія: я его, послѣ Вашего отъѣзда изъ Москвы, много училъ и сыгралъ, насколько могъ, хорошо. Мнѣнія о немъ довольно различныя, но всѣ они сходятся въ томъ, что первая и вторая часть слишкомъ длинны. Случалось слышать такіе отзывы, что это одинъ изъ красивѣйшихъ концертовъ и очень блестящій въ исполненіи, и такіе, что первый концертъ слѣдуетъ предпочесть второму и т. п.; мало лицъ, одобряющихъ скрипку и віолончель с о л о во второй части: говорятъ, что въ ней фортепіано нечего дѣлать, съ чѣмъ, кажется, нельзя не согласиться; слишкомъ большой перевѣсъ на сторонѣ двухъ другихъ инструментовъ. Вообще же выходитъ, что этотъ концертъ весьма и весьма можно играть въ публикѣ.

Послѣднее время я былъ ужасно занятъ. Одновременно съ съ Вашимъ концертомъ начались экзамены, приходилось иногда по цѣлымъ днямъ просиживать въ консерваторіи, ко всему этому присоединилось сочиненіе увертюры, которую я благополучно окончилъ къ сроку. Пришлось работать почти безъ отдыха и три ночи не ложиться спать. Увертюрой я самъ дирижировалъ 13 Іюня въ концертѣ бывшихъ учениковъ нашей консерваторіи, который, благодаря солистамъ: Барцевичу, Калиновской и Зилоти вышелъ положительно блестящимъ. Особенно чудесно игралъ Барцевичъ, котораго надо поставить на ряду съ самыми выдающимися скрипачами. Зилоти безукоризненно исполнилъ пляску смерти, а Калиновская прелестно сыграла концертъ Рубинштейна.

Мнѣ очень хочется, чтобы Вы просмотрѣли мою увертюру, которую Вамъ не посылаю, потому что жду Васъ сюда. Ждутъ также и всѣ Масловы.

Остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1614. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Гранкино. 11 Іюля. 1882 г.

Сергѣй Ивановичъ! Я здѣсь, въ глуши малороссійской степи, раздѣляю одиночество брата Модеста, который былъ боленъ, выдержалъ операцію, да и до сихъ поръ еще не поправился. Рѣшительно не знаю, когда можно будетъ отсюда выбраться, ибо, кромѣ здоровья брата, удерживаютъ здѣсь дѣла, и потому ничего рѣшительно о посѣщеніи Селища не скажу Вамъ. Весьма можетъ статься, что во 2-й половинѣ сего мѣсяца попаду съ братомъ въ Москву и въ такомъ случаѣ, быть можетъ, изъ Москвы проѣду къ Вамъ,—но, ей Богу, вѣрнаго ничего не знаю. Въ случаѣ, если рѣшу поѣздку, то своевременно извѣщу, дабы мнѣ прислали лошадей. Не прошу Васъ писать мнѣ, ибо, покамѣстъ не разъяснятся вопросительные знаки, касающіеся ближайшаго будущаго,—не могу дать никакого адреса.

Кланяюсь всѣмъ Масловымъ.

Вашъ П. Чайковскій.

Простите за безалаберность письма. Премного благодаренъ за исполненіе концерта. Признаю охотно, что онъ страдаетъ длинnотою, и жалѣю, что тѣ люди, коимъ 2 года тому назадъ было ввѣрено критическое разсмотрѣніе его,—своевременно не указали этого недостатка. Они бы этимъ оказали мнѣ большую услугу, можетъ быть, даже бо́льшую, чѣмъ превосходное исполненіе этого концерта въ его настоящемъ, столь несовершенномъ видѣ. Тѣмъ не менѣе, mercі, mercі, mercі!

Сгораю нетерпѣніемъ и желаніемъ видѣть партитуру увертюры.

№ 1622. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 26 Іюля 1882 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! вчера я пріѣхалъ сюда въ Каменку вмѣстѣ съ больнымъ братомъ Модестомъ и нашелъ Ваше письмо. На предыдущее Ваше письмо я отвѣчалъ Вамъ, сколько помнится, кратко, но навѣрное отвѣчалъ и думаю, что Вы его получили уже послѣ написанія настоящаго письма.—Ужасно мнѣ не везетъ съ Селищемъ! Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, ужасно хотѣлось бы побывать тамъ, но вотъ уже третье лѣто,—что, по независящимъ отъ меня причинамъ, не могу этого сдѣлать. Теперь можно почти съ увѣренностью сказать, что и на этотъ разъ я не попаду къ Вамъ. Ей Богу, очень досадно. Ну, авось лѣтъ черезъ 20, когда

уже сдѣлаюсь окончательной руиной, появлюсь въ Масловскомъ пепелищѣ.

Вы спрашиваете, что я пишу? Довольно долго я ничего не писалъ, за неимѣніемъ охоты къ писанію; потомъ началъ понемногу продолжать музыку на либретто „Мазепа", сдѣланное Буренинымъ [1]) для Давыдова [2]) и полученное мною еще въ прошломъ году отъ сего послѣдняго. Пишу далеко не съ прежней легкостью, медленно, съ оглядкой, безъ восторговъ и увлеченій. Не знаю, что изъ всего этого выйдетъ.

Недавно я получилъ отъ Юргенсона по телеграфу извѣстіе, что въ Прагѣ дана „Орлеанская Дѣва" съ блестящимъ успѣхомъ. Я, было, страшно возгордился, но, пріѣхавши въ Каменку, встрѣтился съ лицомъ, присутствовавшимъ на 2-мъ представленіи оперы,—и гордость моя значительно поубавилась. Лицо это—сестра моя, которая, ѣдучи изъ Карлсбада сюда, заѣхала въ Прагу отдохнуть и случайно попала на представленіе оперы „Panna Orleansca". Оказалось, что театръ, на коемъ эта „Panna" блистаетъ своей дѣвственностью, есть ни что иное, какъ балагано-подобный, третье-степенный театрикъ съ мизерной обстановкой. Пѣвцы и пѣвицы старые, хоры и оркестръ недостаточны, декораціи жалкія,—но, тѣмъ не менѣе, судя по ея разсказу, по мѣрѣ силъ приложено много старанья, и если мнѣ нечѣмъ гордиться, то все-таки меня немножко трогаетъ и радуетъ эта чешская „Panna".

Получилъ, вмѣстѣ съ Вашимъ, два письма отъ бывшихъ московскихъ музикусовъ,—Котэка и Бродскаго. [3]) Оба объявляютъ, что приглашены въ Москву играть мой концертъ. Однако-жъ вижу изъ письма Юргенсона, что Котэкъ заблуждается: приглашенъ Бродскій и будетъ играть 8-го Августа. Очень бы хотѣлось его услышать, но врядъ ли поѣду. Терпѣть не могу, когда даже и лѣтомъ нужно испытывать авторскія заботы, страхи и волненія. 8-го Августа концертъ предполагается изъ однихъ моихъ твореній, и въ числѣ оныхъ, кромѣ Бродскаго съ скрипичнымъ концертомъ, предполагается увертюра, написанная къ выставкѣ. Все это мнѣ крайне интересно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и крайне для меня безпокойно, и врядъ ли я предпочту остаться здѣсь, вдали отъ мѣста, гдѣ въ теченіи 2-3 часовъ въ изобиліи будутъ литься звуки моего издѣлія. Еще еслибы можно было присутствовать тамъ никѣмъ не замѣченнымъ,—то, быть можетъ, я бы соблазнился.

Какъ мнѣ хотѣлось бы узнать Вашу увертюру! Если окажется, что я по обстоятельствамъ принужденъ буду остаться здѣсь

---

[1]) Извѣстный литературный критикъ. „Новаго Времени". В. Буренинъ.
[2]) К. Ю. Давыдовъ, знаменитый віолончелистъ и дир. С.ПБ. Консерваторіи.
[3]) Знаменитый нынѣ скрипачъ Адольфъ Бродскій съ 1875 по 1879 г. былъ преподавателемъ скрипки въ Моск. Консерваторіи. Теперь онъ директоръ College of Music въ Манчестерѣ.

надолго, то напишу Вамъ и попрошу прислать увертюру. Такъ ли я адресовалъ прошлое письмо? Не потому ли оно не дошло, что адресъ недостаточенъ, но въ такомъ случаѣ и это не дойдетъ? Господи! къ чему же я трачу время!!!

До свиданья, голубчикъ, Сергѣй Ивановичъ. Всѣмъ Масловымъ усердный поклонъ.

Вашъ П. Чайковскій.

Если письмо дойдетъ, отвѣчайте тотчасъ же.

№ 1234. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 30 Іюля 1882 г.

Добрѣйшій Петръ Ильичъ. Въ ожиданіи Вашего письма открываю нашу корреспонденцію на сей разъ обращеніемъ къ Вамъ съ просьбой. Нашъ общій другъ, Левенсонъ, будучи въ Байрейтѣ, познакомился съ издателемъ „Musikalische Wochenblatt“, Фришемъ, хорошо знакомымъ со многими изъ Вашихъ сочиненій. Фришъ предложилъ Левенсону, [1]) а Левенсонъ согласился написать Вашу краткую біографію, которая, вмѣстѣ съ Вашимъ портретомъ, должна украсить столбцы Wochenblatt'a. За содѣйствіемъ въ этомъ предпріятіи Л-ъ обратился ко мнѣ, на что я съ величайшимъ удовольствіемъ согласился. Между прочимъ, это содѣйствіе выражается въ томъ, что я обращаюсь въ настоящее время къ Вамъ съ просьбою, въ которой Вы, вѣроятно, не откажете. Именно: сообщите мнѣ отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1) мѣсто и время Вашего рожденія,
2) кто Ваши родители,
3) когда Вы переѣхали въ Петербургъ,
4) когда поступили въ училище Правовѣдѣнія,
5) — кончили курсъ,
6) — и куда поступили на службу,
7) кто Вашъ главный учитель композиціи,
8) когда поступили въ Петербургскую консерваторію и когда кончили курсъ.
9) Когда пріѣхали въ Москву и сдѣлались профессоромъ и когда покинули Московскую консерваторію,
10) какія Ваши первыя сочиненія.

Все это съ точнымъ обозначеніемъ годовъ.

Пожалуйста, не замедлите отвѣтомъ на эти вопросы. Если Вы еще не разсмотрѣли мою увертюру, то отложите ея разборъ до слѣдующаго письма, а біографію пришлите поскорѣе: Левенсонъ торопится.

Между 2-мъ и 3-мъ концертомъ послѣдней серіи я ѣздилъ въ деревню къ брату Павлу Ивановичу во Владимірскую губернію. Пробылъ у него 4 дня, причемъ совершилъ 2 поѣздки вер-

[1]) О. Я. Левенсонъ, музыкальный фельетонистъ „Русскихъ Вѣдомостей“ съ 1878 по 84 г.

хомъ, около 15 верстъ каждая, въ первый разъ на сибирской лошади, второй на заводской, получившей на выставкѣ медаль. Ободренный благополучнымъ исходомъ этихъ двухъ путешествій и тѣмъ, что ѣздилъ на хорошей лошади, я собираюсь будущій годъ пріѣхать къ Павлу Ивановичу съ спеціальною цѣлью изучать верховое искусство и такимъ образомъ увеличить число своихъ спеціальностей. Что же касается до теоріи музыки, которую я бы желалъ изъять изъ числа своихъ спеціальностей, то относительно ея мнѣ еще ничего не извѣстно: буду ли я ее преподавать или нѣтъ. Губертъ ѣздилъ въ Петербургъ и, не найдя тамъ учителя теоріи, отправился туда второй разъ: но, должно быть, и второй разъ никого не найдетъ.

Жду увѣдомленія и остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1237. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 1 Августа 1882 г.

Милый Петръ Ильичъ. Сейчасъ ѣдутъ лошади въ городъ и я имѣю пять минутъ свободныхъ, коими пользуюсь, чтобы Васъ увѣдомить о полученіи двухъ писемъ, за которыя очень Васъ благодарю. Одновременно съ Вашимъ послѣднимъ письмомъ получилъ извѣстія отъ Кашкина, сообщающаго также о концертѣ 8-го Августа. Вслѣдствіе этого концерта я долженъ покинуть Селище ранѣе времени, что мнѣ мало пріятно, ибо здѣсь погода чудная, и мы дѣлаемъ большія прогулки по чуднымъ, почти дѣвственнымъ лѣсамъ, гдѣ въ продолженіи цѣлаго дня пути часто не встрѣчаешь ни одного человѣка.

Несмотря на то, что мнѣ жаль покинуть деревню, куда по случаю концертовъ пришлось пріѣхать позже обыкновеннаго, я тѣмъ не менѣе утѣшаюсь мыслью, что попаду на концертъ изъ Вашихъ твореній.

Неужели Вы не пріѣдете? Черезъ 2 дня уѣзжаю въ Москву.

Масловы Вамъ кланяются и продолжаютъ сожалѣть о новой неудачѣ относительно Вашего сюда прибытія.

Прощайте, милый Петръ Ильичъ.

Искренно преданный

С. Танѣевъ.

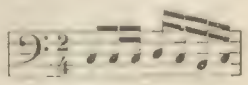
№ 1268. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 9 Сентября 1882 г.

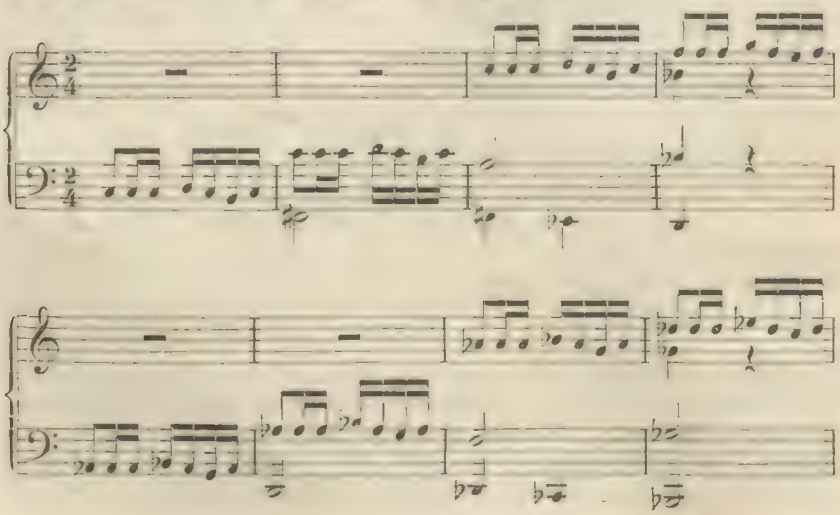
Сегодня получилъ Ваше письмо, милый Петръ Ильичъ, и тотчасъ списалъ и послалъ Левенсону находящіяся въ немъ біографическія свѣдѣнія, дабы онъ воспѣлъ Вамъ хвалу на нѣмецкомъ языкѣ. Ваше сообщеніе о томъ, что моя увертюра Вамъ нравится, радуетъ меня несказанно, главнымъ образомъ потому, что въ

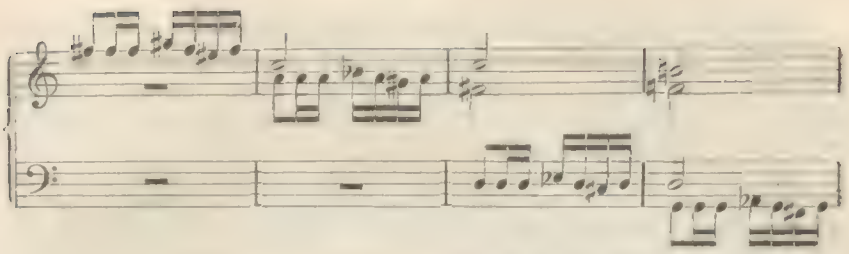
ней примѣнены тѣ самыя „кропотливыя изысканія“ и „сухія упражненія“, за которыя Вы меня не мало упрекали.

Симфонія Глазунова, какъ симфонія—нехороша; но какъ симфонія Глазунова, т. е. 18-ти лѣтняго юноши, учащагося музыкѣ только 2 года, занимающагося въ гимназіи, не играющаго ни на какомъ инструментѣ и проч. и проч.—конечно превосходна. Ея достоинства: хорошее голосоведеніе, вообще хорошее владѣніе гармоніей [исключая нѣкотораго однообразія въ модуляціяхъ, что, впрочемъ, скорѣе относится къ недостаткамъ формы, а не собственно модуляціи], отсутствіе страха передъ трезвучіемъ мажорнымъ и минорнымъ, а также передъ правильнымъ разрѣшеніемъ доминантаккорда, даже отсутствіе презрѣнія къ каденціи—качества рѣдкія у петербуржскаго музыканта. Недостатки—общіе съ учителями: неопытность въ формѣ, въ родѣ той, которую выказалъ Кюи въ своей тарантелѣ. [Напр., начало разработки состоитъ изъ многократнаго повторенія отдѣла тактовъ изъ 8 или изъ 12 съ модуляціей въ концѣ, каждый разъ оканчивающейся совершенно однимъ и тѣмъ же: остановка на доминантъ-аккордѣ, crescendo и разрѣшеніе доминантак. въ трезвучіе, что, будучи повторено нѣсколько разъ сряду, надоѣдаетъ весьма]; неумѣнье строить большіе періоды, а замѣна ихъ невыносимѣйшимъ пріемомъ петербургскихъ музыкантовъ—безконечнымъ и безтолковымъ повтореніемъ мотива изъ одного или двухъ тактовъ, изъ чего получается нѣчто назойливое, надоѣдливое и вызывающее въ слушателѣ не просто тоску, а тоску вмѣстѣ съ озлобленіемъ, что-то кропотливое и безсильное. Напр., вообразимъ себѣ такой мотивъ:



и представимъ его въ слѣдующей „обработкѣ“:





и т. д. до безконечности. Подобныя измышленія часто занимаютъ даже мѣсто темы, которой въ концѣ концовъ вовсе не оказывается. Бѣдность и однообразіе формъ—недостатокъ, общій петербургскимъ музыкантамъ. Да иначе и быть не можетъ. Всѣ инструментальныя формы возможны лишь только при существованіи каденцій: каденціи раздѣляютъ предложенія, періоды, отграничиваютъ темы. Между тѣмъ петербуржцы признаютъ каденцію за нѣчто пошлое, считая для себя унизительнымъ все то, что не ими выдумано. „Какая пошлость", говоритъ Кюи, „заканчивать музыкальную фразу; гораздо лучше не заканчивать фразы. Посмотрите на Каменнаго Гостя: въ немъ ни одна фраза не кончена, какъ хорошо!" Гдѣ нѣтъ окончаній, тамъ не могутъ существовать формы инструментальной музыки. Бѣдность и однообразіе формъ... Въ фельетонѣ, посвященномъ Мусоргскому, Кюи говоритъ: „Одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ нашей школы богатство и разнообразіе формъ".

До свиданія. Жду письма

С. Танѣевъ.

№ —. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Милый Петръ Ильичъ. Мою увертюру собираются сыграть еще разъ въ Музыкальномъ Обществѣ, а кромѣ того вчера Юргенсонъ получилъ письмо отъ Антона Григорьевича, который ее хочетъ просмотрѣть (желаніе очевидно вызвано тѣми чрезмѣрными похвалами, которыя Вы расточили въ письмѣ къ Антону Григорьевичу). Такъ какъ я собираюсь ее передѣлать, то мнѣ необходимо ее имѣть для того, чтобы успѣть до начала концертовъ привесть ее въ порядокъ. Поэтому и обращаюсь къ Вамъ съ просьбой выслать мнѣ ее поскорѣе по слѣдующему адресу:

Пречистенка, Обуховскій пер., домъ Танѣевой,

Пелагеѣ Васильевнѣ Чижовой [1]) (для того чтобы мнѣ самому не ходить на почту).

Начинаю учить Ваше тріо, которое, къ сожалѣнію, еще не напечатано, и буду его играть 18-го Октября. Приходится учить по рукописи, что не совсѣмъ удобно.

[1]) Нянюшка С. И-ча. Послѣ смерти его родителей слуга и лучшій его другъ.

Жду отъ Васъ письма съ разборомъ увертюры, если же Вы не успѣли ее подробно разсмотрѣть, то все-таки ее пришлите. Въ такомъ случаѣ я Васъ награжу ею еще разъ послѣ здѣшняго концерта, дабы получить отъ Васъ полное описаніе ея достоинствъ и недостатковъ.

До свиданія, надѣюсь скораго. Когда именно Вы проѣдете черезъ Москву и куда? Въ какомъ положеніи Мазепа, и не сочинили ли Вы еще чего нибудь?

Искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1663. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 8 Октября 1882 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! простите, ради Бога, что такъ долго не отсылалъ увертюры. Письмо Ваше пришло въ мое отсутствіе и пролежало нѣсколько дней въ ожиданіи меня (я былъ въ Кіевѣ), а потому и не могъ выслать ранѣе прошедшей субботы, 2-го Октября. Пресловутаго подробнаго критическаго анализа не успѣлъ написать по слѣдующимъ причинамъ: сначала я торопился окончить вчернѣ оперу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, написать 6 піесъ для фп., заказанныхъ Юргенсономъ. Я написалъ ихъ исключительно ради денегъ, каюсь въ этомъ и потому убѣдительно прошу Васъ не удивляться пустотѣ и дрянности ихъ и не открывать тайнаго стимула, подвигнувшаго меня къ написанію ихъ. А потомъ мнѣ пришлось переинструментировать нѣсколько №№ „Орлеанской Дѣвы“, вслѣдствіе неизбѣжной необходимости транспонировать партію дѣвы для меццо-сопрано. Сначала я думалъ, что мнѣ придется только указать, какъ и гдѣ переписать оркестровые голоса тономъ ниже,—но, получивъ указанія практичнаго и опытнаго Направника, увидѣлъ, что придется во многихъ мѣстахъ заново написать партитуру. Не могу Вамъ выразить, до чего тяжело вновь возиться съ вещью, уже давно сочиненною, и къ которой авторское чувство успѣло совершенно остынуть. Однако-жъ я все это сдѣлалъ и вчера отослалъ. Но теперь такъ усталъ, что даже письмо писать трудно. А критическій анализъ все-таки, вѣроятно, сдѣлаю и, по минованіи надобности, возьму опять у Васъ партитуру. Покамѣстъ же повторяю, что это очень плѣнительная вещь, хотя, кромѣ игры звуковъ, ничего въ ней нѣтъ. Она меня восхищаетъ подобно тому, какъ восхищаетъ увертюра въ „Волшебной флейтѣ“.

До свиданья.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1307. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 24 Октября 1882 г.

Милый Петръ Ильичъ! Ваше тріо было сыграно 18-го числа.

Я училъ его $3^1/_2$ недѣли и игралъ почти каждый день по шести часовъ. Давно собирался Вамъ написать письмо, въ которомъ хотѣлъ выразить свой восторгъ по поводу Вашей чудной композиціи: не помню, чтобы когда-нибудь испытывалъ больше удовольствія, уча новую пьесу, какъ въ эти три недѣли. Отзывы нашихъ рацензентовъ (Левенсона, Флерова и Кругликова [говорятъ, что подъ псевдонимомъ молодого музыканта „Современныхъ извѣстій“ скрывается Кругликовъ]) благопріятны. Флеровъ проводитъ параллель между Вашимъ тріо и книгою Немировича-Данченко о Скобелевѣ и находитъ, что эти двѣ вещи очень похожи одна на другую. Кругликовъ говоритъ, что гармонія, сопровождающая начальную тему, неинтересна, потому что представляетъ чередованіе тоническаго трезвучія съ септаккордомъ на второй ступени; также увѣряетъ, что въ вальсѣ совсѣмъ нельзя узнать тему варіацій. Левенсонъ недоволенъ разрозненностью содержанія, сходится съ Флеровымъ въ томъ, что за варіяціями съ сурдинами не слѣдовало бы помѣщать мазурки, находитъ въ контрастахъ слѣдующихъ одна за другой варіацій желаніе подражать Мейерберу и т. п. Довольно о нашихъ критикахъ. Большинство музыкантовъ въ восторгѣ отъ тріо. Публикѣ оно также понравилось. Ник. Альберт. (Губертъ) получилъ много писемъ, въ которыхъ просятъ это тріо повторить. Вѣроятно будетъ вслѣдствіе сего назначено экстренное квартетное собраніе, или же его исполнятъ въ концертѣ 11 марта.

Въ настоящее время я принимаюсь за нѣкоторыя измѣненія въ своей увертюрѣ и очень жалѣю, что не могу при этомъ пользоваться Вашими указаніями, за неимѣніемъ оныхъ. Главнымъ образомъ передѣлки относятся къ сокращенію средней части, при чемъ будутъ уничтожены нѣкоторыя контрапунктическія хитрости. Сочинять мнѣ совсѣмъ не приходится: очень устаю отъ игры на фортепіано. Отъ теоріи я освобожденъ, благодаря пріѣзду къ намъ Аренскаго, ученика Петербургской консерваторіи. Я съ нимъ очень подружился, захожу къ нему почти каждый день: премилый молодой человѣкъ и очень талантливый. У него есть напечатанныя 6 пьесъ въ формѣ каноновъ для ф.п.: прехорошенькія пьески написаны съ большимъ вкусомъ и изяществомъ. По поводу его я хочу обратиться къ Вамъ съ просьбой. Онъ сочиняетъ оперу „Воевода“ и, не имѣя либретто, пишетъ по подлинной драмѣ, что весьма неудобно. Не будете ли Вы такъ добры прислать Ваше либретто Воеводы? Такъ какъ Вы эту оперу уничтожили, и, вѣроятно, вновь писать никогда не будете, то, вѣрно, Вы не будете ничего имѣть противъ того, чтобы онъ воспользовался этимъ либретто. Если оно у Васъ, пожалуйста, пришлите его. Вы бы мнѣ этимъ сдѣлали большое одолженіе.

Въ какомъ положеніи Мазепа? Скоро ли мы будемъ наслаждаться этимъ твореніемъ? Когда пріѣдете въ Москву?

Не лѣнитесь мнѣ написать хоть очень маленькое письмецо; я такъ люблю получать Ваши письма и такъ рѣдко ихъ получаю!

Искренно Васъ любящій

С. Танѣевъ.

№ 1677. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 29 Октября 1882 года.

Спасибо Вамъ, милый Сергѣй Ивановичъ, за письмо Ваше. Ваше одобреніе моему trio доставило мнѣ большое, большое услажденіе. Вы въ моихъ глазахъ очень большой авторитетъ, и мое авторское самолюбіе столь же польщено Вашей похвалой, сколь нечувствительно къ газетнымъ отзывамъ, къ коимъ опытъ научилъ меня относиться съ философскимъ равнодушіемъ. Статью Флерова я читалъ. Не вѣрю, что кто-нибудь ему сообщилъ (изъ музыкантовъ), что варіаціи trio суть изображеніе изъ жизни Н. Г.; думаю, что эта блестящая мысль принадлежитъ ему самому. Но какъ это забавно! Написать музыку безъ всякихъ поползновеній что-нибудь изобразить—и вдругъ узнать, что она изображаетъ то или другое: это то же чувство, какое испыталъ bourgeois-gentilhomme Мольера, когда узналъ, что всю жизнь говорилъ прозой.

„Мазепа" подвигается черепашьими шагами, несмотря на то, что я работаю по нѣсколько часовъ каждый день. Ужъ не умѣю Вамъ объяснить, почему я такъ измѣнился въ этомъ отношеніи. Сначала я думалъ, что это вообще старческій упадокъ силъ, а теперь начинаю утѣшать себя мыслью, что я сталъ строже къ себѣ, менѣе самонадѣянъ и, можетъ быть, отъ этого вещь, которую въ прежнее время я бы оркестровалъ въ одинъ день, теперь оркеструю 3-4 дня. Мнѣ очень хочется не уѣхать изъ Каменки, прежде нежели кончу инструментовку 1-го дѣйствія. Я думалъ, что успѣю кончить ее въ этомъ мѣсяцѣ, но оказывается, что нужно еще по крайней мѣрѣ дней 15 работы. Но какъ только кончу, ѣду въ Москву.

Либретто „Воеводы" у меня нѣтъ, но у Петра Ивановича [1]) оно есть въ видѣ многихъ сотенъ экземпляровъ, гдѣ-нибудь гніющихъ, и ничего нѣтъ легче, какъ одинъ изъ нихъ достать. Но я долженъ предупредить Аренскаго насчетъ того, что въ этомъ либретто сдѣлалъ самъ Островскій. Этотъ добрѣйшій человѣкъ (я краснѣю, когда вспомню наглость, съ которой я обратился къ Островскому, и доброту, съ которой онъ отнесся ко мнѣ) написалъ мнѣ самъ 1-е дѣйствіе и 1-ю картину 2-го. Я приступилъ къ сочиненію, но, написавъ первое дѣйствіе, разочаровался въ сюжетѣ и написанной музыкѣ и рѣшилъ бросить сочиненіе, такъ что уже не безпокоилъ больше Островскаго. Но случилось, что пѣвица Меньшикова, нуждавшаяся въ новой оперѣ для бене-

[1]) Юргенсона.

фиса, упросила меня окончить оперу, и тогда я смастерилъ кое-какъ остальное (какъ либретто, такъ и музыку). Пишу это въ виду того, чтобы Аренскій, читая омерзительно, пошло, неумѣло и глупо мной самимъ написанную вторую половину либретто, не вообразилъ, что это Островскій такъ написалъ. Не касаясь сценичности содержанія, которое, по моему, недостаточно интересно, можно сказать, что 1-е дѣйствіе и первая половина 2-го написаны превосходно, и я очень совѣтую Аренскому цѣликомъ ими воспользоваться. Какъ я радъ, что отнынѣ я окончательно перестаю быть авторомъ „Воеводы“! Воспоминаніе объ этой оперѣ и еще объ „Опричникѣ“—точно воспоминанія о какихъ-то уголовныхъ преступленіяхъ, мной совершенныхъ.

Спасибо Вамъ, голубчикъ, за trio. Надѣюсь, по пріѣздѣ въ Москву, устроить частнымъ образомъ исполненіе его.—То-то буду радъ Васъ послушать!

Вашъ П. Чайковскій.

Напрасно Вы хотите исключить нѣкоторые контрапунктическіе фокусы въ увертюрѣ. Въ средней части можно было бы только исключить повторенія нѣкоторыхъ фокусовъ.

Кланяйтесь В. П., всѣмъ Вашимъ и Масловымъ.

№ 1325. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

30 Ноября 1882 г. вторникъ.

Милый Петръ Ильичъ! Воротясь изъ Петербурга, я съ удовольствіемъ услыхалъ, что Вы обѣщали придти къ намъ обѣдать сегодня (вторникъ), вслѣдствіе чего я позвалъ также Масловыхъ. Придя же къ Масловымъ, я услыхалъ отъ Варвары Ивановны, что Маковскій ей сказалъ, будто Вы обѣщали обѣдать въ этотъ день у Третьякова. [1]) Справедливо ли это послѣднее извѣстіе или нѣтъ? Жду отвѣта и не теряю еще надежды, что отвѣтъ получу для всѣхъ насъ пріятный, т. е. что Вы придете къ намъ къ 5-ти часамъ. Нарочно не пишу Вамъ про тріо, ибо желаю сообщить все лично при свиданіи съ Вами. Пожалуйста, пришлите съ подателемъ этой записки отвѣтъ.

Искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1336. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Декабрь 1882 г.

Милый Петръ Ильичъ. Недѣли двѣ назадъ я Вамъ послалъ отсюда письмо по адресу, полученному отъ Петра Ивановича. Будучи избалованъ Вами относительно аккуратнаго полученія

---

[1]) Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ, извѣстный меценатъ, дѣятельный директоръ Р. Музыкальнаго Общества и городской голова Москвы.

отъ Васъ отвѣтныхъ писемъ, я по причинѣ того, что теперь письма отъ Васъ долго нѣтъ, прихожу въ нѣкоторое безпокойство: получили ли Вы письмо, не уѣхали ли опять въ Каменку? На всякій случай адресую настоящее письмо въ Каменку.

Увидимъ ли Васъ здѣсь?

Что Вы пишете?

Я, съ своей стороны, пока ничего не пишу, а черезъ нѣсколько дней примусь за продолженіе своего второго квартета и думаю его кончить. Причина, почему я еще не принимался, пріѣхавъ въ деревню, за сочиненіе, есть та, что до сихъ поръ ежедневно переводилъ учебникъ формъ Буслера, который мы съ Кашкинымъ условились перевести пополамъ и напечатать. Мнѣ остается еще пять страницъ перевода (который я дѣлаю съ помощью Варвары Ивановны). Такъ какъ я въ то же время много упражняюсь на фортепіано, то до сихъ поръ совершенно не находилъ времени для сочиненія.

Напишите мнѣ что-нибудь, милый Петръ Ильичъ, я всегда съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ извѣстія.

Въ этомъ ожиданіи остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ —. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Добрѣйшій Петръ Ильичъ. Ждемъ Васъ завтра (въ субботу) обѣдать. Можетъ быть, Вы захватите тріо?

Не знаю, что мнѣ дѣлать съ Фитценхагеномъ. Для того, чтобы не вести противъ него тайную интригу и не поступать съ нимъ дурно, прося съ одной стороны Васъ увезти тріо, а съ другой ждать, пока Вы его увезете, ничего не говоря о семъ Фитценхагену, я ему сегодня прямо объяснилъ въ чемъ дѣло и просилъ избавить меня отъ участія въ концертѣ. Какъ и слѣдовало ожидать, Фитценхагенъ, нисколько не внемля тому, что мнѣ самому непріятно нарушать данное обѣщаніе и что если я это дѣлаю, то только вслѣдствіе крайней необходимости; что въ то время, когда я ему обѣщалъ участвовать въ концертѣ, я не принимался за сочиненіе, а что теперь мнѣ оказывается нужнымъ писать къ выставкѣ сочиненіе; что времени остается очень мало; что я дорожу каждымъ свободнымъ часомъ; несмотря на все это, онъ продолжаетъ настаивать и упрашивать, говоря,

а) что афиши напечатаны (это совершенная правда),

б) что будто бы мнѣ не надо учить тріо (что совершенная неправда, ибо если я могъ разбирать тріо у Юргенсона на квартирѣ, то это вовсе не значитъ, чтобы я могъ сыграть въ концертѣ).

Что мнѣ дѣлать съ Фитценхагеномъ?

Во всякомъ случаѣ, если Вы его увидите, то не скрывайте отъ

него, что тріо Вами окончательно передѣлано и не увозите этого тріо въ Каменку.

До свиданія до завтра.

С. Танѣевъ.

NB. Мы обѣдаемъ въ $5^1/_2$ часовъ.

№ 1349. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 20 Января 1883 г.

Милый Петръ Ильичъ. Пишу Вамъ краткое письмо, потому что не увѣренъ въ томъ, что Вы его получите: Вы должны скоро уѣхать изъ Парижа, и оно можетъ Васъ не застать. Вслѣдствіе этихъ соображеній я намѣревался написать Вамъ только тогда, когда Вы пріѣдете въ Римъ, но такъ какъ у меня есть до Васъ просьба, о которой слѣдуетъ сообщить немедленно, то я и пишу въ Парижъ на всякій случай. Вы неоднократно говорили, что для Васъ пріятна работа с р о ч н а я и что Вы особенно охотно пишете сочиненіе тогда, когда знаете, что оно кому-нибудь нужно и что его ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Такой случай представился: нужно сочиненіе и его будутъ ожидать съ нетерпѣніемъ.

Гржимали пришла въ голову мысль, которая меня весьма увлекаетъ: исполнить въ трехъ квартетныхъ собраніяхъ предстоящей серіи исключительно сочиненія русскихъ композиторовъ; что касается струнныхъ квартетовъ, то ихъ можно найти достаточное количество для трехъ концертовъ, но является въ высшей степени затруднительнымъ найти т р и камерныхъ сочиненія съ фортепіано; тріо Ваше не можетъ быть исполнено, такъ какъ оно будетъ играться въ концертѣ 11 Марта. Не согласитесь ли Вы, милый Петръ Ильичъ, въ свободное отъ занятій оперою время написать какое-нибудь камерное сочиненіе съ ф.п., напр., тріо, сонату для скрипки и ф.п., квартетъ или что-нибудь подобное? Вамъ это ничего не стоитъ, а между тѣмъ Вы бы всѣмъ намъ оказали огромную услугу. Квартетныя собранія будутъ въ Мартѣ, и Вы въ теченіи мѣсяца или $1^1/_2$ мѣсяца очень легко могли бы это сдѣлать. Согласитесь...

Искренно Васъ любящій

С. Танѣевъ.

№ 1727. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Парижъ. 2 Февраля 1883 г.

Милый другъ Сережа! спасибо за лестное предложеніе, но принужденъ отклонить его. Что я люблю заказы,—это правда; что я съ большимъ удовольствіемъ принялся бы за что-нибудь симфоническое или камерное (безъ фортепіано),—это тоже правда. Но справедливо также и то, что я безъ крайней необходимости не начинаю новаго, пока не кончилъ старое. Теперь у меня на плечахъ инструментовка оперы „Мазепа“, съ которой я очень

нескоро справлюсь, а пока не справлюсь,—не могу, тѣмъ болѣе исполнить Ваше желаніе, потому что считаю камерную музыку съ фортепьяно самою трудною и наименѣе соблазнительною отраслью сего искусства. Еще если-бъ я былъ совершенно покоенъ духомъ,—то, быть можетъ, нашлось бы силъ угодить Вамъ, но я въ Парижѣ теперь живу не ради того, что мнѣ этого хочется, а потому, что это нужно. Я состою при больной племянницѣ, пріѣхавшей лѣчиться у Шарко. Она очень больна, а тревогъ немало.

Инструментовка „Мазепы" идетъ черепашьимъ шагомъ. Въ 5 недѣль я едва успѣлъ инструментировать три пятыхъ одного дѣйствія. Дай Богъ къ лѣту окончить работу. Въ Италію я не поѣду на сей разъ. Если найдется свободная минуточка, напишите мнѣ сюда о томъ, что Вы сами дѣлаете, что у Васъ дома происходитъ, а также, вообще, о музыкальныхъ дѣлахъ Москвы. Я думаю, что Аренскій уступитъ мнѣ, по свойственной ему благодушной любезности, полчасика изъ всей суммы свободнаго времени, которое Вы жертвуете на алтарь дружбы. Кланяйтесь ему отъ меня. Будутъ ли исполнять его балладу? Началъ ли онъ писать? Доволенъ ли Кокоревской гостинницей?

Что Масловы? Что Вы пишете? А мнѣ все-таки придется оторваться отъ оперы ради превращенія „Славься" изъ роскошнаго опернаго финала въ куплеты. Меня просили это сдѣлать, и я обѣщалъ, еще бывши въ Москвѣ. Сегодня пытался приняться за эту работу, впрочемъ, очень незамысловатую.

Ничего здѣсь не слышалъ: не былъ ни въ одномъ концертѣ. Только „Свадьбу Фигаро" три раза прослушалъ въ „Opéra Comique" и упивался несказанною прелестью Моцарта.

Поклонъ В. П., Ел. Серг., Влад. Ив., Масловымъ и всѣмъ, вообще.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1392. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 2 Марта 1883 г.

Милый Петръ Ильичъ. Давно я собирался Вамъ писать, но до сихъ поръ не могъ этого сдѣлать по множеству причинъ, изъ которыхъ самая главная—моя собственная лѣнь. Буду писать Вамъ о разныхъ случившихся происшествіяхъ—не въ хронологическомъ порядкѣ, а, наоборотъ,—отъ настоящаго къ прошлому. Начну съ настоящаго. Вотъ уже 20 дней, какъ я не выхожу изъ Масловской квартиры. Случилось это такъ. 4-го Марта, послѣ консерваторскихъ уроковъ отправился я въ 1 часъ дня въ собраніе на репетицію концерта Зилоти, назначеннаго на 6-го Марта, которымъ я долженъ былъ дирижировать. Послѣ репетиціи зашелъ къ Масловымъ и почувствовалъ боль въ поясницѣ. Къ вечеру у меня сдѣлался сильный жаръ, позвали доктора и уложили меня въ постель. У меня оказалась: лихо-

радка, ревматизмъ въ боку и въ головѣ и подъ конецъ болѣзни какое-то подобіе вѣтренной оспы. Въ концертѣ Зилоти я дирижировать не могъ, въ концертѣ 11-го Марта въ память Николая Григорьевича, гдѣ я долженъ былъ играть Ваше тріо, также не могъ участвовать. Сегодня я вышелъ въ первый разъ изъ дому,—съѣздилъ въ каретѣ въ баню. Если завтра будетъ хорошая погода,—пойду погулять недалеко, а затѣмъ уже возобновлю свои посѣщенія консерваторіи. Въ настоящее время у насъ идетъ серія квартетныхъ собраній, составленныхъ исключительно изъ твореній русскихъ авторовъ и весьма мало (судя по разсказамъ) посѣщаемыхъ публикою. Къ послѣднему собранію, которое произойдетъ 28 Марта, я приготовилъ струнный квартетъ C-dur, начало коего Вамъ извѣстно. Кончилъ я послѣднюю часть только вчера вечеромъ, причемъ послѣдніе дней пять работалъ почти непрерывно съ утра до вечера. Дописывать его я сталъ еще на масляницѣ, но болѣзнь прервала мою работу. По моему мнѣнію, которое, впрочемъ, можетъ оказаться ошибочнымъ, этотъ квартетъ гораздо лучше перваго, какъ по формѣ и инструментовкѣ [въ первомъ квартетѣ почти все время инструменты играютъ въ одномъ среднемъ регистрѣ, что дѣлаетъ его въ высшей степени однообразнымъ по звуку], такъ и потому, что слушатели, какъ мнѣ кажется, будутъ испытывать меньшую тоску, чѣмъ та, которую испытываютъ, слушая первый квартетъ. Сегодня должна была быть первая репетиція, на которую я не могъ отправиться, и я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю какихъ-нибудь извѣстій объ ней. Вѣроятно, попаду на вторую и непремѣнно буду въ концертѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось представить это твореніе на Вашъ судъ. Когда Вы будете въ Москвѣ? Или не переслать ли мнѣ его заграницу? Впрочемъ, Вы теперь заняты Мазепою, и Вамъ конечно будетъ удобнѣе отложить разсмотрѣніе квартета до Вашего прибытія въ Москву. Съ большимъ удовольствіемъ слушалъ въ концертѣ Эрдмансдёрфера [1]) прелестный „гопакъ“ и жажду познакомиться съ остальными нумерами Мазепы.—О происшествіяхъ, бывшихъ въ послѣднее время въ консерваторіи, Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно. Ограничусь краткимъ перечнемъ оныхъ. Присутствіе Эрдмансдёрфера въ консерваторіи было источникомъ смутъ и безпорядковъ. Друзья его, опираясь на его авторитетъ, да и самъ Эрдмансдёрферъ позволяли себѣ слишкомъ много вольностей, особенно по отношенію къ Губерту, и не считали нужнымъ признавать его за директора. По возвращеніи своемъ изъ Крыма Губертъ, не являясь въ консерваторію, подалъ въ совѣтъ заявленіе о томъ, что онъ считаетъ нужнымъ удалить Эрдмансдёрфера изъ числа преподавателей консерваторіи, въ противномъ случаѣ онъ, Губертъ, подаетъ въ оставку. Многіе осуждали такой

[1]) Дирижеръ симфоническихъ концертовъ Р. Муз. Общ. въ Москвѣ (съ 1882 по 1889 г.).

поступокъ Губерта, я же его вполнѣ одобряю, ибо онъ сразу принудилъ разрѣшить такой вопросъ, который было необходимо рѣшить немедленно, въ противномъ случаѣ для консерваторіи могъ бы произойти большой вредъ. Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: возможно ли допустить въ консерваторію и въ художественный совѣтъ человѣка, который держитъ въ своихъ рукахъ концерты Музыкальнаго Общества, и отказъ котораго отъ управленія концертами можетъ принести убытки Музыкальному Обществу, а, слѣдовательно, подорвать существованіе консерваторіи, находящейся въ денежной зависимости отъ Музыкальнаго Общества. Такой человѣкъ, хотя бы онъ занималъ второстепенное мѣсто преподавателя, будетъ чѣмъ-то въ родѣ второго директора, но директора, не несущаго никакой отвѣтственности за свои поступки. Присутствіе въ консерваторіи такого человѣка, находящагося въ совершенно ненормальныхъ условіяхъ, вредно для консерваторіи. Дирекція всегда будетъ на его сторонѣ, и какой бы директоръ ни былъ въ консерваторіи, разъ что онъ не поладитъ съ Эрдмансдёрферомъ, его тотчасъ выживутъ, что и случилось съ Губертомъ. Губертъ могъ просто подать въ отставку и оставить такимъ образомъ консерваторію въ прежнемъ положеніи. Но своимъ заявленіемъ онъ заставилъ обратить вниманіе на это положеніе, причемъ онъ рисковалъ весьма многимъ: легко могло случиться, что художественный совѣтъ выскажется противъ Губерта, и что онъ такимъ образомъ окажется вынужденъ подать въ отставку по приговору своихъ сотоварищей. Несмотря на возможность подобнаго исхода дѣла, Губертъ не остановился подать свое заявленіе, и дѣйствія его съ этой стороны заслуживаютъ полнѣйшаго сочувствія. Большинствомъ 8 голосовъ противъ 5 Совѣтъ рѣшилъ удалить Эрдмансдёрфера изъ консерваторіи. Вслѣдъ за засѣданіемъ Совѣта послѣдовало засѣданіе двухъ директоровъ, Алексѣева [1]) и Юргенсона, которые не нашли возможнымъ присоединиться къ мнѣнію Совѣта на основаніи хозяйственныхъ соображеній [Директора все время находились въ заблужденіи относительно Эрдмансдёрфера: они неосновательно думали, что удаленіе Эрд. изъ консерваторіи должно неминуемо повлечь за собою его отказъ дирижировать концертами,—заблужденіе, которое тщательно поддерживалось друзьями Эрдмансдёрфера]. Вслѣдствіе разногласія между Совѣтомъ и Дирекціею рѣшеніе вопроса, по уставу Музык. Общ., должно было быть представлено Главной Дирекціи, вслѣдствіе чего протоколы были отправлены въ Петербургъ, куда поѣхалъ Юргенсонъ [онъ повезъ протоколы]. Въ Петербургѣ случилось нѣчто совсѣмъ неправдоподобное. Собралось засѣданіе Главной Дирекціи подъ предсѣдательствомъ Маркевича, [2]) замѣняющаго

[1]) Н. А. Алексѣевъ въ послѣдствіи извѣстный городской голова Москвы, убитый въ 1897 г.

[2]) Андрей Ник. Маркевичъ, сенаторъ, віолончелистъ, ученикъ и другъ К. Ю. Давыдова, вице-президентъ Р. Муз. Общества.

великаго князя въ его отсутствіи. И ни одинъ изъ членовъ Дирекціи, ни Юргенсонъ,—одинъ изъ двухъ Директоровъ, подписавшихъ свой протоколъ, повезшій его лично въ Петербургъ, не могли отыскать того §-фа, въ которомъ прямо говорится (кажется это § 56), что въ случаѣ разногласія между Совѣтомъ консерваторіи и мѣстною дирекціею дѣло рѣшается Главною Дирекціею. Произошло это оттого, что всѣ они вмѣсто того, чтобы взять уставъ Музыкальнаго Общества, взяли уставъ консерваторіи; отыскали въ немъ статью 56-ю и оказалось, что эта статья трактуетъ о томъ, сколько въ годъ должны платить вольнослушатели. Сконфуженный Юргенсонъ сталъ увѣрять, что въ Москвѣ онъ собственными глазами видѣлъ статью, на которую сдѣлана ссылка въ протоколѣ; ему дали книжку, предложили отыскать эту статью, чего онъ, разумѣется, не сумѣлъ сдѣлать. Догадаться же взять, вмѣсто устава консерваторіи, уставъ Музыкальнаго Общества никто не могъ. Порѣшили такъ, что въ Москвѣ Юргенсонъ, вѣроятно, видѣлъ какой-нибудь старый уставъ, и постановили въ противность, что это дѣло не можетъ быть рѣшено Главною Дирекціею, а что его нужно представить на рѣшеніе великаго князя. Маркевичъ, предсѣдатель этого собранія, не умѣвшій въ своемъ уставѣ отыскать двухъ строкъ, написалъ увѣщательное письмо профессорамъ Московской Консерваторіи, исполненное весьма многихъ пошлостей, гдѣ было между прочимъ сказано, что онъ надѣется, что г.г. профессора будутъ себя вести прекрасно и не допустятъ его, Маркевича, о г о р ч и т ь (подлинное выраженіе) великаго князя извѣстіемъ о томъ, что происходитъ въ консерваторіи. Губертъ, поѣхавшій въ Петербургъ вскорѣ послѣ Юргенсона, подалъ въ отставку, которая была принята. Узнали объ этомъ въ консерваторіи и написали письмо Антону Григорьевичу, на которомъ подписалось 20 человѣкъ профессоровъ, музыкальныхъ преподавателей и преподавателей научныхъ предметовъ (подписи собиралъ я, на что у меня ушелъ цѣлый день: поутру я былъ нѣсколько разъ въ консерваторіи и ходилъ по классамъ, въ 6 мѣстъ ѣздилъ на извозчикѣ). Въ этомъ письмѣ консерваторскіе преподаватели обращались къ Антону Григорьевичу съ просьбою удержать Губерта Директоромъ Консерваторіи и вообще помочь намъ, подобно тому какъ онъ это уже сдѣлалъ одинъ разъ, когда консерваторія находилась въ затруднительномъ положеніи послѣ смерти Николая Григорьевича. Юргенсонъ вернулся между тѣмъ изъ Петербурга, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Третьяковъ. Оба они, а также и Алексѣевъ, разсчитывали на то, что разъ Губертъ подалъ въ отставку, то вопросъ объ удаленіи Эрдмансдёрфера этимъ самымъ покончен, т. е. Эрдм. долженъ остаться въ консерваторіи, и мнѣніе Совѣта объ его исключеніи должно признавать какъ бы несуществующимъ. На дѣлѣ же оказалось, что все это не такъ просто, какъ они думали. Именно: нѣкоторые члены совѣта, именно: Самаринъ, Кашкинъ, Звѣревъ, Пабстъ,

Нейтцель и я рѣшили тотчасъ же подать въ отставку въ случаѣ, если на постановленіе совѣта не будетъ обращено никакого вниманія, и Эрдм. будетъ продолжать занятія въ консерваторіи. Мы приготовили коллективное заявленіе о нашемъ коллективномъ заявленіи объ оставленіи консерваторіи, выражая при этомъ готовность остаться до конца экзаменовъ, чтобы не поставить консерваторію въ затруднительное положеніе. На этомъ заявленіи, составленномъ Кашкинымъ, (вообще мы съ Кашкиномъ были главные агитаторы во всемъ этомъ дѣлѣ) должны были подписаться только упомянутые члены художественнаго Совѣта. Кромѣ того многіе изъ преподавателей, не состоящихъ членами Совѣта, точно также хотѣли оставить консерваторію (въ томъ числѣ и Аренскій); мало того: за ними рѣшили послѣдовать многіе изъ преподавателей научныхъ предметовъ. Вообще съ нашей стороны единодушіе было полное. Между тѣмъ какъ нѣмцы сходились, видѣлись другъ съ другомъ, совѣщались, у насъ не происходило ничего подобнаго: никакихъ общихъ обсужденій вопросовъ не было, а все это сдѣлалось какъ то само собою и необыкновенно быстро. До заявленія Губерта, за исключеніемъ меня и Сахарина, случайно бывшихъ у него наканунѣ и узнавшихъ объ его намѣреніи, кромѣ насъ двухъ никто ничего не зналъ: узнали объ этомъ, только придя въ засѣданіе Совѣта. Итакъ, Юргенсонъ съ Третьяковымъ пріѣхали изъ Петербурга. Въ этотъ день у Алексѣева было [illegible] совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Гржималы, Альбрехтъ, Кашкинъ и я. Здѣсь мы узнали о печальномъ случаѣ съ уставомъ и объяснились относительно положенія дѣлъ вообще. Не говоря ничего о другихъ лицахъ, желавшихъ также подать въ отставку, мы съ Кашкинымъ сказали, что уйдемъ изъ консерваторіи въ случаѣ, если Эрдм. останется въ ней преподавателемъ и сказали, что, по нашему мнѣнію, наилучшій исходъ дѣла будетъ заключаться въ томъ, чтобы Эрдм. пересталъ ходить въ консерваторію, но въ то же время остался бы дирижеромъ концертовъ. Юргенсонъ, Гржимали, Альбрехтъ и Алексѣевъ высказывали полную увѣренность въ томъ, что за выходомъ Эрдм. изъ консерваторіи послѣдуетъ съ его стороны отказъ отъ управленія концертами. Третьяковъ былъ на нашей сторонѣ и находилъ, что это есть дѣйствительно самый желательный исходъ дѣла. Онъ тотчасъ же поѣхалъ къ Эрдм. вмѣстѣ съ Гржимали, который долженъ былъ служить ему переводчикомъ. Мы остались ждать ихъ возвращенія. Во весь этотъ вечеръ я былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ Кашкина, который велъ себя съ достоинствомъ и тактомъ. Нѣкоторыя изъ его выраженій были просто прекрасны, такъ, напр., когда Альбрехтъ сталъ его уговаривать остаться въ консерваторіи вмѣстѣ съ Эрдм. и забыть о томъ, что состоялось постановленіе Совѣта объ исключеніи Эрдм., Кашкинъ отвѣчалъ: „Знаешь, Константинъ Карловичъ, если я буду поступать такимъ образомъ, то я могу потерять къ себѣ уваженіе, а ужъ его потомъ не найдешь“.

Дождались Гржимали и Третьякова, которымъ Эрдм. сказалъ, что онъ дастъ положительный отвѣтъ на другой день, и разошлись по домамъ. Результатомъ этой поѣздки было то, что на другой день въ засѣданіи совѣта было прочитано письмо, присланное Эрдм., въ которомъ онъ объявлялъ, что считаетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ тѣмъ, что Дирекція все время была на его сторонѣ, и что онъ подаетъ въ отставку, какъ преподаватель консерваторіи, оставаясь въ то же время дирижеромъ концертовъ. Затѣмъ, по предложенію Дирекціи для замѣщенія директора былъ выбранъ художественнымъ совѣтомъ комитетъ изъ 5 членовъ подъ предсѣдательствомъ Альбрехта; въ составъ комитета были выбраны: Кашкинъ, Гальвани, Гржимали и я. Такимъ образомъ окончились пока наши смуты и безпорядки: до сихъ поръ по крайней мѣрѣ никакихъ новыхъ раздоровъ не произошло. Все, что я Вамъ пишу о нашихъ происшествіяхъ, должно остаться между нами.

Видите, Петръ Ильичъ, какое длинное письмо я Вамъ написалъ. Будьте добры, напишите и Вы мнѣ. Что Вы теперь сочиняете? Какъ проводите время и т. п., все это очень меня интересуетъ. Въ заключеніе письма скажу нѣсколько словъ о своихъ сочиненіяхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я съ Вами разстался въ Петербургѣ, или лучше сказать, съ перваго Января нынѣшняго года я сдѣлалъ: 1) передѣлалъ и привелъ въ порядокъ сочиненную ранѣе кларнетную пьеску, которую въ ученическомъ концертѣ сыгралъ Преображенскій, 2) обработалъ ранѣе написанное сочиненіе изъ всеношной на мелодію изъ Обихода, сочиненіе въ высшей степени скучное, но исполненное школьной мудрости; скоро оно будетъ исполнено въ духовномъ концертѣ, 3) написалъ романсъ и двѣ небольшія фортепіанныя пьески, какъ говорили во времена Баха, „въ галантномъ стилѣ" и 4) дописалъ струнный квартетъ. Какъ видите, я не лѣнился и начинаю менѣе прежняго отчаиваться сдѣлаться композиторомъ, что составляетъ мою главную мечту. Возникновеніемъ упомянутыхъ галантныхъ твореній я былъ обязанъ главнымъ образомъ вліянію, оказываемому на меня моимъ другомъ Аренскимъ, который только признаетъ единственный родъ музыки „эротическій". Съ Аренскимъ мы также дружны, какъ прежде, пожалуй болѣе: перешли съ нимъ на ты. Онъ меня зоветъ Сережей, а я его Антошей. Занятія его въ консерваторіи значительно увеличились: онъ теперь занимается съ нѣкоторыми учениками, оставшимися частью отъ Губерта, частью отъ Эрдмансдёрфера, и имѣетъ классы фуги и инструментовки. Я точно также получилъ классъ 2-го курса Гармоніи, вслѣдствіе послѣдней болѣзни Губерта, весьма запущенный и теперь еще болѣе запущенный благодаря моей болѣзни.

Жду отъ Васъ письма, если можно подлиннѣе, и остаюсь искренно Васъ любящій ученикъ Вашъ

С. Танѣевъ.

Масловы, мамаша, все наше семейство и Тургеневъ посылаютъ Вамъ поклоны. Если бы Антоша зналъ, что я Вамъ пишу, то онъ навѣрное бы сдѣлалъ то же. Впрочемъ, чуть ли онъ меня уже не просилъ Вамъ кланяться.

№ 1757. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Парижъ. 1 Апрѣля 1883 г.

Милый Сережа! получилъ Ваше полотенце [1]) и прочелъ его съ тѣмъ-большимъ удовольствіемъ, что начиналъ уже немножко сѣтовать на Васъ за то, что совсѣмъ позабытъ Вами. Конечно, и я, съ своей стороны, не баловалъ Васъ письмами, но мнѣ, ей Богу, не до писемъ было. О болѣзни Вашей я зналъ отъ Юргенсона, но только изъ полотенца получилъ пріятное извѣстіе о полномъ выздоровленіи Вашемъ. Вы просите писать Вамъ „подлиннѣе". Но, кажется, я никогда не посылалъ Вамъ копій, а настоящія, подлинныя письма. Вотъ Вамъ каламбуръ въ Вашемъ жанрѣ, а затѣмъ сообщу кое-что о себѣ, но не подлиннѣе, а покороче.—

Вмѣсто Италіи я попалъ на сей разъ на цѣлые 3 мѣсяца въ Парижъ и до сихъ поръ еще не знаю, когда выберусь,—однако надѣюсь, что скоро увижу Васъ. Я очень люблю Парижъ; нигдѣ нельзя такъ удачно жить въ полной обезпеченности отъ визитовъ и посѣщеній, какъ въ этомъ Вавилонѣ, работать было бы здѣсь раздолье. Но, къ сожалѣнію, у меня съ братомъ на рукахъ больная племянница, и приходится больше заниматься ею, чѣмъ „Мазепой". Четыре недѣли тому назадъ я получилъ отъ Юргенсона предложеніе московскихъ властей написать маршъ для коронаціоннаго праздника, который городъ даетъ государю. Съ величайшимъ отвращеніемъ принялся за этотъ маршъ, рѣшивши, что по многимъ причинамъ нельзя и неполитично отказать. Какъ вдругъ новая обуза! Получаю отъ коронаціонной комиссіи текстъ кантаты Майкова, долженствующей быть спѣтой въ Грановитой Палатѣ въ день коронаціи, во время обѣда Государя. Я пришелъ въ совершенное отчаяніе: требовалось сдѣлать эту работу, какъ можно, скорѣе, и послѣднимъ срокомъ присылки партитуры было назначено 17 Апрѣля. Мнѣ казалось, что невозможно условіе это исполнить, но и на этотъ разъ отказать очень не хотѣлось, и вотъ я принялся одновременно и маршъ и длинную кантату писать. Къ счастію, текстъ Майкова, очень поэтично написанный, облегчилъ задачу, и вотъ теперь уже кантата моя находится въ Петербургѣ, а маршъ въ Москвѣ. Никогда я еще ничего такъ скоро не дѣлалъ, какъ эти вещи. Кажется, могу безпристрастно оцѣнить эти два произведенія, сказавъ, что маршъ шуменъ, но плохъ (не говорите этого Юрген-

[1]) Письмо С. И. Танѣева отъ 2-го Марта 1883 г. было написано на большихъ листахъ бумаги, склеенныхъ въ видѣ ручного полотенца.

сону и, вообще, никому), а кантата далеко не такъ плоха, какъ можно думать, судя по быстротѣ, съ коей она написана. Что касается „Мазепы“, то онъ понемножку подвигается, и къ лѣту надѣюсь все кончить.

№ 1759. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

3 Апрѣля.

Я ровно ничего не слышалъ въ Парижѣ, даже ни разу не былъ ни въ одномъ изъ воскресныхъ концертовъ. Всѣ эти концерты происходятъ именно въ то время, когда я долженъ быть у племянницы, живущей очень далеко—въ maison de santé, въ Passy. „Генриха VIII“ Сенъ-Санса тоже еще не слышалъ. Но зато 4 раза слышалъ „Свадьбу Фигаро“ Моцарта въ „Opéra Comique“ въ превосходномъ исполненіи. Боже, до чего эта музыка божественно хороша въ непритязательной простотѣ своей! Совершенно неожиданно испыталъ большое удовольствіе, попавши случайно на „Ромео и Юлія“ Гуно. Я прежде зналъ эту вещь по клавираусцугу и по одному давнишнему представленію въ Москвѣ и былъ о ней далеко не высокаго мнѣнія, какъ вдругъ, о, чудо, былъ тронутъ до слезъ! Не знаю: Шекспиръ ли, который, несмотря на либретную кройку, все-таки даетъ себя чувствовать, или музыка Гуно, въ самомъ дѣлѣ, особенно хороша, или таково было настроеніе мое, что все это вмѣстѣ имѣло, быть можетъ, случайную прелесть, но только давно я не испытывалъ такого удовольствія отъ оперы, какъ въ этотъ разъ. Впрочемъ, и это нужно сказать, что Гуно—одинъ изъ немногихъ, которые въ наше время пишутъ не изъ предвзятыхъ теорій, а по внушенію чувства. Притомъ онъ завзятый поклонникъ Моцарта, и это доказываетъ цѣльность, неиспорченность его музыкальной натуры.

Засимъ, кромѣ шарманокъ, которыя неистово, по цѣлымъ часамъ, наяриваютъ арію изъ „Марты“ и какой-то модный вальсъ, приводя меня въ бѣшенство, доходящее до безумія,—я ничего не слышу. Каково мнѣ было слышать ихъ, когда я торопился окончить мои заказныя писанія!!

Въ грустныхъ исторіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ въ музыкальномъ мірѣ,—Вы держали себя превосходно. Но какъ все это грустно! Кончаю. Скоро увидимся. Поклоны всѣмъ Вашимъ, начиная съ Варвары Павловны, Масловымъ и Антошѣ.

Вашъ П. Чайковскій.

Очень радуюсь Вашимъ новымъ писаніямъ. Пожалуйста, не упускайте случаевъ дирижировать. Вы должны, рано или поздно, замѣнить Н. Г.—

№ 1422. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

10 Апрѣля 1883 г.

Милый Петръ Ильичъ! Сегодня получилъ Ваше письмо и сегодня же пишу отвѣтъ. Видите, какъ я аккуратенъ! Нахожусь въ настоящее время въ Кокоревкѣ, у Антоши. Я пишу Вамъ письмо, а онъ пишетъ романсъ, который только что сочинилъ и сейчасъ мнѣ его сыграетъ. Вчера я вернулся изъ Петербурга. Поѣхалъ туда послушать Антона Григорьевича и думалъ, что вечеромъ того дня, въ который пріѣхалъ, вернусь въ Москву. Но случайно остался тамъ нѣсколько дней, ибо по пріѣздѣ въ Петербургъ узналъ, что черезъ два дня будутъ играть ораторію Генделя „Израиль въ Египтѣ“, а на другой день Генделя—второй концертъ Рубинштейна. Не утерпѣлъ, остался. Съ тѣхъ поръ, какъ меня обратили въ фортепіаннаго учителя, я стараюсь не упускать случая слышать Антона Григорьевича и извлекаю изъ наблюденія за его игрой много для себя поучительнаго. Генделя, кромѣ концерта, я слышалъ еще на двухъ репетиціяхъ. Въ первый разъ удалось мнѣ услышать въ исполненіи цѣлую ораторію. Я купилъ ноты (хотя я зналъ Израиля раньше и имѣлъ въ Москвѣ экземпляръ этой ораторіи) и одно утро посвятилъ анализу этого творенія. Вся первая часть поразительно красива и величественна. Въ ней только одна арія и нѣсколько мелкихъ речитативовъ. Всѣ остальные №№—хоры. Хоръ описываетъ казни египетскія: значительное мѣсто удѣлено описательной музыкѣ. Изображенія насѣкомыхъ, наполнившихъ Египетъ, сдѣлано удивительно красиво,—скрипки играютъ 32-ми. Избіеніе первенцевъ—фуга, которая аккомпанируется оркестромъ, берущимъ на сильныхъ частяхъ такта (на 1-й и 3-й четверти) аккорды ff, которые потомъ переходятъ въ хоръ; аккорды эти очевидно вызваны содержаніемъ текста. Вообще, описательная музыка, не переходящая предѣлы, далѣе которыхъ начинаются нелѣпости, столь часто встрѣчаемыя у нашихъ петербуржцевъ, можетъ часто производить сильное впечатлѣніе, если она при этомъ—хорошая музыка. Звукъ оркестра, съ одной стороны происходящій отъ состава оркестра (деревянные—одни гобои—валторны трубы и тромбоны—органъ и струнные), а съ другой стороны отъ самаго способа сочиненія—необыкновенно величественный и могущественный. Мнѣ невольно приходило въ голову сравненіе звучности торжественныхъ хоровъ (всѣ они въ C-dur) съ звучностью финала 5-й симфоніи: Бетховенъ очень любилъ Генделя и въ этомъ финалѣ для меня несомнѣнны слѣды вліянія Генделя. Вторая часть скучна. Въ ней текстъ повторяетъ, подъ предлогомъ восхваленія Бога, все то, что такъ ярко было изображено въ 1-й. „Хвала Богу, ибо онъ наслалъ на Египетъ такія-то и такія-то казни, утопилъ фараона и т. д. Все это уже было въ первой части, во второй же повторяется и очень скучно: длин-

ныя аріи, безконечные дуэты. Но также и въ этой части есть неувядаемыя красоты.

Вообще отъ ораторіи получилъ много удовольствія и думаю, что она окажетъ вліяніе на будущія композиціи.

Видѣлъ Ларош, разъ съ нимъ обѣдалъ. Онъ ничего не дѣлаетъ: лежитъ цѣлый день въ постели, а вечеромъ занимается латинскимъ языкомъ. Обѣдалъ у Корсакова: его и жену его изумлялъ вопросами, вродѣ слѣдующихъ: неужели Вы предпочитаете сочиненія Листа сочиненіямъ Рубинштейна? Очень ихъ оскорбилъ, сказавъ, что послѣ Моцарта, опера ушла назадъ. Былъ у Бородина, обѣдалъ у Петерсена. Пріѣхавъ въ Москву, съ неудовольствіемъ узналъ о томъ, что всѣ экзамены должны кончиться къ 7 мая, вмѣсто 20, какъ прежде предполагалось. Это мнѣ тѣмъ болѣе непріятно, что я долго не ходилъ въ консерваторію и запустилъ свои классы.

Пока довольно. Кончаю. Жду отъ Васъ письма. Что дѣлаютъ Масловы въ Парижѣ?

Къ моимъ произведеніямъ прибавилось еще одно новое: фуга, которую я сочинилъ въ вагонѣ между Москвой и Петербургомъ, C-moll.

Антоша Вамъ кланяется.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ.

С. Танѣевъ.

№ 1489. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 5 Іюля 1883 г.

Милый Петръ Ильичъ. Сегодня я изъ Москвы получилъ мои карточки. Ранѣе этого я Вамъ не писалъ, потому что мнѣ хотѣлось первое мое къ Вамъ письмо украсить своимъ изображеніемъ.

Провожу здѣсь время, какъ всегда: купаюсь, гуляю, пишу немного, играю и занимаюсь окончательнымъ исправленіемъ перевода „Строгаго стиля" Буслера.

Что Вы дѣлаете? что сочиняете? скоро ли выйдетъ изъ печати Мазепа?

Одно изъ моихъ частныхъ занятій: разыгрываніе партитуры Фигаро. Чѣмъ больше я ее играю, тѣмъ больше изумляюсь мудрости ея автора.

Сегодня мои имянины, и мы отправляемся въ лѣсъ съ самоваромъ и пирогомъ; оттуда намѣреваемся сдѣлать прогулку пѣшкомъ.

Масловы и я не теряемъ надежды увидѣть Васъ въ Селищѣ. Пожалуйста, напишите мнѣ хотя немного.

Остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

Масловы Вамъ кланяются.

Передайте мой поклонъ Анатолію Ильичу и Прасковьѣ Владиміровнѣ.

№ 1575. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 26 Декабря 1883 г.

Петръ Ильичъ! Не забудьте, что Вы обѣщали придти къ намъ во вторникъ. Обѣдъ начинается съ супа, ровно въ 5 часовъ. Напомните Ларошу объ этомъ днѣ, чтобы онъ какъ-нибудь имъ иначе не распорядился.

Пишу фугу.

Остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1588. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Милый Петръ Ильичъ, имѣю къ Вамъ двѣ просьбы:

1-я просмотрѣть и прослушать мою готовую кантату. [1])

2-я устроить такъ, чтобы мнѣ и Антошѣ можно было попасть на репетицію Мазепы.

Сегодня я буду у него вечеромъ, можетъ быть, Васъ застану; если Вы теперь дома, напишите мнѣ записку, когда и гдѣ можно проиграть Вамъ кантату, и перешлите ее (записку) Аренскому.

Завтра въ 7 час. (пятница) засѣданіе Баховскаго Общества; можетъ б. Вы зайдете, чтобы выслушать кантату, которую непремѣнно нужно играть на 2-хъ фортепіанахъ (у меня теперь есть 2-е ф.п.).

До свиданія. Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1644. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 28 Марта 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ! Я былъ въ Харьковѣ, игралъ въ концертѣ и на возвратномъ пути попалъ въ Селище. Путь сюда былъ прелестный: дорога еще зимняя, воздухъ же весенній, солнце свѣтило все время и грѣло. Хотя ночь я почти не спалъ (выѣхалъ изъ Карачева въ 6-мъ часу утра, пріѣхалъ же въ Карачевъ въ 4-мъ утра), но тѣмъ не менѣе рѣдко путешествовалъ съ большимъ удовольствіемъ. Теперь я одинъ въ огромномъ Селищенскомъ домѣ, одна половина котораго очень тепло вытоплена. Сейчасъ буду обѣдать, потомъ пойду гулять. Сюда черезъ два дня пріѣдетъ Ник. Ивановичъ [2]) и, можетъ быть, также Варвара Ива-а. Мнѣ бы очень хотѣлось получить Ваши пѣсни, передайте ихъ, пожалуйста, Антошѣ, когда его увидите, а то мы, вѣроятно, съ Вами въ Москвѣ не увидимся; я туда пріѣду не ранѣе начала Святой.

Все, что я Вамъ пишу, не представляетъ никакого интереса,

[1]) „Іоаннъ Дамаскинъ“.
[2]) Младшій братъ Ѳ. И. Маслова.

но я пишу съ корыстною цѣлью: мнѣ хочется получить отъ Васъ письмо. Пожалуйста, напишите мнѣ сюда нѣсколько строчекъ. Что дѣлается у насъ въ консерваторіи, какъ прошла Волшебная флейта,—вссе это меня очень интересуетъ. Жду отъ Васъ извѣстія и остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

P. S. Видѣлъ въ Харьковѣ Кузнеца Вакулу Соловьева и проигралъ первые полтора акта; такой бездарной музыки я давно не встрѣчалъ. Удивительно, что нашлись охотники ее разучивать и играть на сценѣ.

У меня здѣсь никакихъ нотъ нѣтъ, кромѣ сонатъ Моцарта, которыя намѣреваюсь разсмотрѣть съ точки зрѣнія формы.

Въ Харьковѣ, по моему совѣту, въ одномъ изъ концертовъ будущаго сезона исполнятъ Вашу музыку къ Снѣгурочкѣ.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ.

№ 1902. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва. 1 Апрѣля 1884 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! корысть Вашу я могу удовлетворить лишь отчасти. Когда живешь той безсмысленной, суетливой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и до гадости праздной жизнью, какую я принужденъ здѣсь вести,—то возможно ли написать письмо, способное доставить удовольствіе? Ограничусь только указаніемъ на интересующіе Васъ факты. „Волшебная Флейта“ прошла очень хорошо. Конечно, можно, подобно тому, какъ это дѣлаютъ всѣ московскіе рецензенты, убиваться о томъ, что нѣтъ голосовъ,—но это ни къ чему не ведетъ. Тѣ голоса, которые въ данномъ случаѣ имѣлись, исполнили свое дѣло отлично. Постановка была роскошная, игра исполнителей поразила всѣхъ умѣлостью и развязностью, ансамбль былъ безупречный, и я плавалъ въ морѣ наслажденія отъ музыки Моцарта. Нужно Вамъ сказать, что „Волшеб. Фл.“ я зналъ мало, а поэтому и любилъ меньше другихъ оперъ Моцарта, и я ужасно радъ случаю, благодаря коему и она сдѣлалась одной изъ моихъ фаворитокъ. Послѣ представленія былъ ужинъ, на коемъ Антоша провозгласилъ Вашъ тостъ, восторженно принятый всѣми. Направникъ пріѣзжалъ слушать „Флейту“ и остался очень доволенъ.

Передъ тѣмъ былъ большой музыкальный вечеръ у Третьякова. Всего замѣчательнѣе на этомъ вечерѣ былъ ужинъ, однако-же и музыка была недурна (Зилоти и Климентова [1])).

Я все время недомогаю; у меня вотъ уже двѣ недѣли не прекращается поносъ и, вообще, скверное состояніе желудка и кишекъ. Вслѣдствіе сего, а также утомленія, я все время очень не въ духѣ. Сегодня же чувствую себя столь мерзко, что отказался отъ торжественнаго обѣда, который Карлуша даетъ

[1]) М. Н. Климентова-Муромцева, извѣстная пѣвица.

Направнику и отъ вечера у Усатова. [1]) Сижу дома и злюсь и завидую Вамъ страшно. Письмо Ваше, несмотря на всю краткость, дышитъ испытаннымъ Вами наслажденіемъ быть въ глуши весной... русская глушь, русская весна!!!..—это верхъ всего, что я люблю.

Я сдѣлалъ три капитальныхъ измѣненія въ „Мазепѣ". За одно изъ нихъ Вы будете сердиться,—но я долженъ былъ это сдѣлать въ виду сценичности. Вчера заходилъ къ Масловымъ. У Варвары Павловны до сихъ поръ не былъ, но буду непремѣнно. Уѣду въ среду.

Будьте здоровы, милый человѣкъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1647. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 6 Апрѣля 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ. Очень Вамъ благодаренъ за Ваше милое письмо. Мнѣ бы очень хотѣлось возобновить нашу прежнюю переписку, прерванную по причинѣ моей лѣни. Переписка съ Вами для меня пріятна и поучительна съ музыкальной точки зрѣнія. Если Вамъ не затруднительно писать письма, то давайте переписываться. Трудно бываетъ писать, когда задаешься мыслью написать очень много, если же писать письма, не стараясь ихъ сдѣлать очень длинными, то это вовсе не такъ трудно.

Когда я уѣзжаю изъ Москвы, то обыкновенно занимаюсь разсмотрѣніемъ прошедшаго времени. Въ Москвѣ трудно бываетъ подумать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ того, что дѣлается въ каждую данную минуту: въ Москвѣ думаешь о томъ, что надо встать въ 9 часовъ утра, что надо задать такой то фортепіанный урокъ, объяснить строеніе двутакта или четверотакта и т. п. Когда же уѣзжаешь изъ Москвы, перемѣняешь скучный и однообразный образъ жизни, когда имѣешь передъ собой время безъ опредѣленныхъ для занятія часовъ и можешь располагать этимъ временемъ по своему усмотрѣнію, тогда въ минуты бездѣлія бываетъ очень удобно разсматривать проведенное въ Москвѣ время. Разсматривая прошлый годъ по отношенію къ моему сочинительству, я съ удовольствіемъ замѣчаю, что отъ 1-го Января прошлаго года до 1-го Января нынѣшняго мною сочинено 13 музыкальныхъ пьесъ. Хотя въ числѣ оныхъ находятся пьесы малаго объема, какъ то: романсъ, 2 маленькія ф.п. пьесы и т. п., но въ то же время встрѣчается д в а струнныхъ квартета, что для меня весьма значительно, особенно если принять въ соображеніе мое недавнее безплодіе. Но главнымъ образомъ меня радуетъ то, что я написалъ к а н т а т у. Радуетъ это меня по слѣдующимъ причинамъ:

---

[1]) Теноръ Имп. Большого Театра и учитель пѣнія Шаляпина.

1) Въ этой кантатѣ примѣнены всевозможныя хитросплетенія контрапункта, которыя я изучалъ съ большимъ рвеніемъ, за что отъ Васъ получалъ множество упрековъ.

2) Эта кантата понравилась публикѣ. Многіе изъ слушателей говорили мнѣ, что музыка этой кантаты произвела на нихъ впечатлѣніе и имъ понравилась.

Отсюда ясно вытекаетъ, что контрапунктическія „хитрости“ не мѣшаютъ музыкѣ быть привлекательной для слушателей и производятъ на нихъ впечатлѣніе. Между тѣмъ, еслибы я не занимался по выходѣ изъ консерваторіи контрапунктомъ, то никогда бы не могъ сочинить упомянутой кантаты.

Слѣдовательно, Ваши упреки въ томъ, что я занимаюсь пустымъ дѣломъ, неосновательны, что я давнымъ давно желалъ Вамъ доказать, но не могъ этого сдѣлать, ибо однихъ словъ было недостаточно, а сочиненія мои, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не могли служить доказательствомъ вышевысказанной мысли.

Теперь же я могу возвратиться къ тому, что я говорилъ нѣсколько лѣтъ назадъ и что могу теперь подтвердить не словами только, но и отчасти своею кантатою, именно:

что контрапунктическій способъ писанія не дѣлаетъ музыку скучною и сухою;

что контрапунктическія „хитрости“, также какъ и гармоническія перестаютъ быть таковыми, какъ только ими вполнѣ овладѣешь, и могутъ служить для цѣлей вполнѣ художественныхъ;

что въ гармоніи, если не ударяться въ область невыносимыхъ для слуха диссонансовъ, трудно отыскать что-нибудь новое и оригинальное, контрапунктическія же комбинаціи могутъ доставить много новаго и интереснаго, внѣ области вычурнаго.

Высказавъ вышеупомянутыя соображенія, я считаю, по вопросу о контрапунктѣ, себя побѣдителемъ, а Васъ побѣжденнымъ.

Признаете ли Вы себя таковымъ?

Очень радъ, что Волшебная Флейта прошла хорошо и очень огорченъ тѣмъ, что Константинъ Карловичъ отстранилъ меня отъ дирижированія оной. Я вообще не очень охотно выступаю передъ публикой въ качествѣ дирижера, но если мнѣ когда хотѣлось дирижировать, то только разъ въ жизни божественною музыкою Флейты. Отъ одного воспоминанія объ этихъ чудныхъ звукахъ я прихожу въ какой-то экстазъ. Пушкинъ совершенно основательно замѣтилъ:

„какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть.

Да Моцартъ—херувимъ, а мы всѣ чады праха.

Сегодня пріѣхалъ сюда Маковскій. [1]) Какой онъ милый и симпатичный. Мы всѣ мечтаемъ о томъ, что Вы также посѣтите Захолустье, которое тогда обратится въ настоящую академію, вродѣ той, которая была во Флоренціи у Медичисовъ, въ садахъ которыхъ сходились художники разныхъ профессій. Право, пріѣзжайте-ка сюда лѣтомъ.

Я собираюсь уѣзжать въ среду на Святой. Но, можетъ быть, мнѣ это не удастся по случаю разлива рѣкъ. Если Вамъ не лѣнь, напишите мнѣ въ Селище письмо. Въ случаѣ, если оно меня не застанетъ, мнѣ его перешлютъ въ Москву.

Варвара Ив., Николай Ивановичъ, Маковскій просятъ Вамъ написать поклонъ.

Поздравляю Васъ съ наступающимъ праздникомъ.

Христосъ воскресе.

С. Танѣевъ.

№ 1665. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. Апрѣля.

Милый Петръ Ильичъ. Сейчасъ съ Маковскимъ уѣзжаю въ Москву, лошади закладываются. Прожилъ здѣсь больше, чѣмъ предполагалъ, потому что съ 1-го дня Святой захворалъ: у меня сдѣлалась свинка, потомъ болѣли зубы, вслѣдствіе чего мое здѣшнее пребываніе не принесло мнѣ столько удовольствія, сколько я ожидалъ: гулять цѣлую недѣлю было нельзя, а погода оказалась прекрасная. Болѣзнь сію я скрывалъ отъ мамаши и ничего объ этомъ въ Москву не писалъ. Вчера получили письма отъ Масловыхъ, изъ которыхъ узнали, что Вы остались въ Москвѣ дольше, чѣмъ хотѣли, потому и письмо мое, написанное Вамъ въ Каменку, вѣроятно, недавно только получили. Если будете мнѣ писать, то пишите въ Москву.

Масловы и Маковскій Вамъ кланяются.

Искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1909. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Каменка. 14 Апрѣля 1884 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Вы съ такой горячностью стараетесь доказать мнѣ, что я побѣжденъ, какъ будто предполагаете во мнѣ ехидное желаніе оспаривать Ваше торжество. Тѣмъ лучше, что я побѣжденъ. Да, впрочемъ, я никогда не старался разубѣдить Васъ въ Вашей вѣрѣ въ силу сухой матеріи; я лишь сомнѣвался и боялся за Васъ, но ужъ, конечно, никто болѣе меня не будетъ радоваться, если эти мои страхи окажутся вздорными. Во вся-

[1]) Владиміръ Маковскій, высокоталантливый живописецъ-жанристъ. Академикъ.

комъ случаѣ, мнѣ, въ глубинѣ души, всегда нравилось, что Вы не идете по утоптанной тропинкѣ современной пошлости, а ищете новыхъ путей. Только я сомнѣвался, что въ контрапунктахъ на русскія пѣсни, которымъ Вы посвятили чуть не нѣсколько лѣтъ, и въ чрезмѣрной приверженности къ фокусамъ во вкусѣ нидерландской музыки Вы нашли искомое. Теперь для меня одно несомнѣнно: это то, что Вы написали превосходную кантату. Отъ того ли она такъ хороша, что контрапунктъ и фокусы Васъ согрѣли и вдохновили, или что, наоборотъ, Вы вложили теплое чувство въ сухія и мертвенныя формы,—этого я еще не знаю. Мнѣ, однако, кажется, что если съ неумолимой послѣдовательностью Вы будете держаться тѣхъ же пріемовъ сочинительства въ примѣненіи къ симфоніи, квартету и оперѣ, то едва ли результатъ будетъ столь же успѣшенъ. А, впрочемъ, ей Богу, не знаю. Знаю только, что у Васъ большой талантъ, много ума, океанъ ненависти ко всему условному, пошлому, дешево дающемуся,—и что въ результатѣ этого рано или поздно должны получиться богатые плоды.

Откровенно говоря, я мало сочувствую Вамъ, когда Вы выражаете сокрушеніе, что Вы не дирижировали „Флейтой“. Я предполагалъ въ Васъ больше великодушія и меньше..... какъ-бы сказать..... эгоизма, что-ли. Вѣрно, что Вамъ хотѣлось; увѣренъ, что Вы бы сдѣлали это отлично. Но вѣдь и бѣдному Альбрехту хотѣлось и, вѣроятно, еще болѣе страстно и болѣзненно сильно, чѣмъ Вамъ. Вообще, я нахожу, что къ Альбрехту относятся слишкомъ свысока. Подумайте, Сергѣй Ивановичъ, что Вы въ сравненіи съ нимъ мальчикъ, что для Вашихъ стремленій есть много случаевъ проявиться, такъ какъ Вы и превосходный піанистъ, и отличный композиторъ, и великолѣпный теоретикъ, и что даже дирижировать Вамъ случается часто, а если захотите, то и гораздо чаще. Бѣдному же Альбрехту, директорствующему въ Консерваторіи точно изъ милости, (тогда какъ и по своей замѣчательной талантливости, усердію, преданности дѣлу и по своимъ заслугамъ онъ бы заслуживалъ болѣе почтительнаго отношенія) было бы крайне обидно и горько даже и въ этомъ единственномъ случаѣ уступить свое, по праву ему принадлежащее мѣсто другому, хотя этотъ другой и Танѣевъ. Къ тому же я долженъ Вамъ сказать, что Альбрехтъ дирижировалъ отлично, и меня глубоко возмутилъ презрительный тонъ, съ которымъ къ нему отнесся этотъ идіотъ Флеровъ. Вашъ чередъ придетъ, и повѣрьте, что Альбрехтъ первый склонится передъ Вами, какъ „передъ новою царицей порфироносная вдова“. А, покамѣстъ, дайте этому бѣдному нѣмцу, котораго всегда и всѣ держали въ черномъ тѣлѣ, (и весьма несправедливо) хоть иногда доказывать, что онъ на что-нибудь годится. Судьба Альбрехта всегда возбуждала во мнѣ глубокое участіе. Можно смѣло сказать, что это чрезвычайно талантливый человѣкъ, — а между тѣмъ никогда и ни въ чемъ ему не было удачи, и когда очень немузы-

кальное и случайно попавшіе въ музикусы живутъ не только безбѣдно, но роскошно и привольно,—сіи вѣчно въ крайней нуждѣ и вѣчно въ загонѣ.

Я только третьяго дня пріѣхалъ въ Каменку. Какое счастье быть властелиномъ своего времени, принадлежать самому себѣ, жить, какъ хочется, и имѣть возможность дѣлать, что хочешь!

Адресую письмо въ Москву. Очень радъ буду съ Вами переписываться. Не сердитесь, голубчикъ, что заступился за Альбрехта. Кланяйтесь В. П. и Масловымъ.

Искренно любящій Васъ П. Чайковскій.

№ 2124. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Апрѣль 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ! Сейчасъ уѣзжаетъ Ѳедоръ Ивановичъ, и я не могу успѣть много написать, а раньше не собрался этого сдѣлать. Нисколько не сержусь на Васъ, какъ Вы это предполагаете, за то, что Вы заступаетесь за Альбрехта. Напротивъ, меня скорѣе трогаетъ Ваша любовь и привязанность къ прежнему товарищу по консерваторіи. Въ Вашемъ описаніи достоинствъ А-та вижу нѣкоторое преувеличеніе, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ не отвергаю. Пожалуй, въ слѣдующемъ письмѣ сообщу Вамъ, что именно представляется мнѣ преувеличеніемъ, если это Вамъ сколько нибудь интересно.

Совершенно съ Вами согласенъ, что никакой бѣды оттого не произошло, что дирижировалъ не я. Вообще я смотрю на показываніе себя передъ публикой вовсе не какъ на какое-нибудь благо, къ которому надо стремиться во что бы то ни стало. Врядъ ли кто либо изъ моихъ сотоварищей по консерваторіи упрекнетъ меня въ томъ, что я когда либо въ чемъ бы то ни было пожелалъ себя выставить въ ущербъ своему товарищу; по крайней мѣрѣ я ни одного такого случая не могу вспомнить. Скажи мнѣ съ самого начала А., что онъ хочетъ дирижировать, я бы никогда не сталъ себя предлагать для этого дѣла, какъ бы мнѣ этого не хотѣлось.

Слышу звонъ, подаютъ лошадей. До свиданія, милый Петръ Ильичъ. Кланяйтесь Анатолію Ильичу, его супругѣ и Ларошу.

Съ удовольствіемъ прочту Вашу общую статью о Моцартѣ. Маковск. уѣхалъ и живетъ около Климовки въ Прохоровѣ.

№ 2125. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Апрѣль 1884 г.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

I-й части. [1])

[1]) Первая и большая половина письма пропала.

Отыскалъ сюжетъ для будущей моей оперы—драма Лопе де Вега „Овечій источникъ": чудная драма временъ Фердинанда и Изабеллы, заключающая въ себѣ множество превосходныхъ для оперы сценъ. Какъ-нибудь я поподробнѣе напишу Вамъ, что мнѣ хочется сдѣлать въ моей операѣ, если таковая будетъ когда либо написана, теперь же письмо и такъ слишкомъ длинно. Ансамблямъ должно быть отведено большое мѣсто. Контрапунктъ примѣненъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ (мнѣ кажется Ваше мнѣніе не совсѣмъ вѣрнымъ,—что въ операѣ мало мѣсто для контрапункта,—напротивъ, и лучшее доказательство—оперы Моцарта.) Впрочемъ обо всемъ этомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о Волшебной Флейтѣ. Когда было рѣшено, что она пойдетъ, я сказалъ Альбр. и Кашкину, что мнѣ очень бы хотѣлось ею дирижировать и взять на себя разучиваніе партіи съ солистами и хоромъ. Предлагая это, я имѣлъ въ виду, что когда рѣчь заходитъ о томъ, что кому-нибудь изъ консерваторскихъ дирижировать спектаклемъ или концертомъ, то всѣ всегда отказываются и увѣряютъ, что имъ этого не хочется, что иногда ставитъ консерваторію въ большое затрудненіе (въ нынѣшнемъ сезонѣ чуть было не пришлось отмѣнить ученическій концертъ изъ-за того, что никто не хотѣлъ дирижировать.) Принимая это обстоятельство въ соображеніе, выходитъ, что тотъ, кто соглашается дирижировать, оказываетъ этимъ услугу, что и я думалъ сдѣлать, предлагая себя на этотъ разъ въ дирижеры. Предполагать, что Альбрехтъ имѣетъ тайное желаніе дирижировать спек., я совершенно не могъ, тѣмъ болѣе, что Альбр. самъ все время о томъ старался, чтобы отъ меня это желаніе скрыть. Онъ много разъ говорилъ, что буду дирижировать я, и это считалось вполнѣ рѣшеннымъ. Сверхъ того, я зналъ, что Альбрехтъ не любитъ Моцарта; этого совершенно достаточно, чтобы предполагать, что онъ его основательно и не изучалъ. Съ своей стороны, я не стѣснялся сдѣлать вышеупомянутое предложеніе, ибо изученіемъ музыки Моцарта я занимался, даже писалъ ей подражанія и Волшебную флейту зналъ довольно хорошо. Я не жалѣлъ времени на репетиціи. Мнѣ случалось пробывать въ консерваторіи съ 9 часовъ утра до 7 час. вечера. Когда былъ разученъ послѣдній актъ, мнѣ Альбр. сказалъ, что пріѣдетъ великій князь, и что дирекція находитъ болѣе удобнымъ, чтобы одинъ актъ дирижировалъ я, другой онъ. Я сказалъ, что будетъ гораздо лучше, если будетъ дирижировать кто нибудь одинъ, и прибавилъ, что съ моей стороны не будетъ препятствій къ тому, чтобы дирижировалъ онъ. Во все время этого разговора онъ увѣрялъ меня, что ему о ч е н ь н е х о ч е т с я дирижировать и что онъ считаетъ нужнымъ переговорить объ этомъ съ Кашкинымъ. Въ тотъ же вечеръ я увидался съ Кашкинымъ, который сказалъ, что Альбрехтъ уже цѣлый мѣсяцъ съ нимъ объ этомъ говорилъ: о томъ, что

слѣдуетъ дирижировать ему Альбрехту; и Кашкину совершенно ясно, что Аль-ту очень хочется дирижировать.

На слѣдующій день, передъ репетиціей, я сказалъ Альб-ту, что узналъ отъ Кашкина, что ему хочется дирижировать, что если дѣйствительно это такъ, то я безъ всякихъ затрудненій отстраняю себя отъ этого и предлагалъ ему съ этой же репетиціи взять на себя дальнѣйшее управленіе спектаклемъ. Онъ и тутъ сталъ мнѣ говорить, что ему очень не хочется дирижировать.

Черезъ два дня состоялось постановленіе дирекціи о томъ, что спектаклемъ будетъ дирижировать Альбрехтъ.

Все дѣло состоитъ въ томъ, что Альбрехтъ меня обманулъ. Вы меня упрекаете въ недостаткѣ великодушія. Укажите мнѣ, гдѣ и какъ я бы могъ примѣнить это великодушіе? Долженъ Вамъ сказать, что то, что я Вамъ пишу, я никому никогда не говорилъ и никому ни на кого не жаловался; и когда меня спрашивали, что произошло у насъ въ Консерваторіи по поводу дирижерства спектаклемъ, я всѣмъ говорилъ, что ровно ничего, и что никакой ссоры съ Аль-омъ у меня не было, что и совершенно основательно. (Ходили слухи, что я выхожу изъ консерваторіи). Вы недовольны тѣмъ, что къ Альбр. относятся непочтительно. Я этимъ тоже недоволенъ. Мнѣ въ высшей степени непріятно, что человѣкъ, стоящій во главѣ консерваторіи, не пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Причина этому простая: онъ самъ мало себя уважаетъ. Мнѣ, къ сожалѣнію, приходится время отъ времени въ этомъ убѣждаться. Не стану подтверждать этого фактами, мнѣ и то жаль, что я написалъ весь этотъ листъ, впрочемъ, я увѣренъ, что содержаніе этого письма останется между нами. Мнѣ очень часто бываетъ жалко А-та, онъ, въ сущности, человѣкъ добрый.

I-й часъ ночи, иду спать.

С. Танѣевъ.

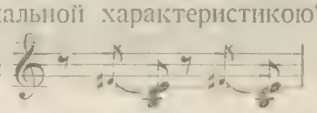
№ 1691б. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

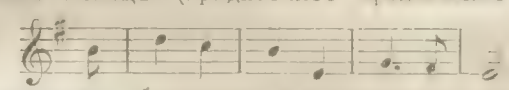
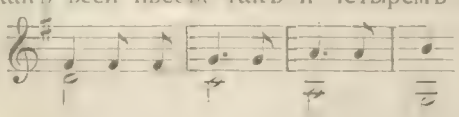
Селище, Орл. губ., Карачевъ 22 Іюня 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ. Не сердитесь на меня за то, что я, прося Васъ со мной переписываться, такъ долго не отвѣчалъ на Ваше послѣднее письмо. Оно пришло ко мнѣ тогда, когда я былъ очень занятъ (приготовленіе къ экзаменамъ и сами экзамены); впрочемъ я Вамъ началъ писать отвѣтъ вскорѣ по полученіи Вашего письма, но не докончилъ, и у меня на конторкѣ до сихъ поръ лежитъ письмо въ 4 страницы, мелко исписанныхъ, которое я не послалъ Вамъ, потому что нашелъ, что въ немъ нужно измѣнить нѣкоторыя мѣста.

Прежде всего сообщаю Вамъ о томъ большомъ удовольствіи, которое мнѣ доставили Ваши дѣтскія пѣсни. Очень долгое время я ихъ игралъ и пѣлъ, нѣкоторыя выучилъ наизусть. Мнѣ очень

нравятся потому, что написаны очень просто; въ то же время простыми средствами вполнѣ достигается въ большинствѣ пѣсенъ требуемое настроеніе. Кромѣ того, онѣ, будучи просты по гармоніи (что нельзя не поставить въ похвалу сочиненію, написанному въ 80-хъ годахъ), въ то-же время необыкновенно интересны по конструкціи своихъ предложеній и періодовъ, что составляетъ преимущество, часто отсутствующее, напр. въ сочиненіяхъ петербуржскихъ авторовъ, которые отличаются необыкновенной бѣдностью изображенія въ отношеніи формы и въ большинствѣ случаевъ довольствуются тѣмъ, что, сочинивъ два такта, перестаютъ больше сочинять, а начинаютъ эти два такта повторять безъ конца, мѣняя при этомъ гармонію и инструментовку (особенно это каррикатурно выходитъ у Глазунова въ его греческихъ увертюрахъ). Вообще, если сравнить формы новыхъ музыкантовъ съ такими же Моцарта, то видишь огромный шагъ назадъ въ этомъ отношеніи. Вотъ почему мнѣ особенно было пріятно встрѣтить въ вашихъ и разнообразныя конструкціи, которыми полны Ваши пѣсни.

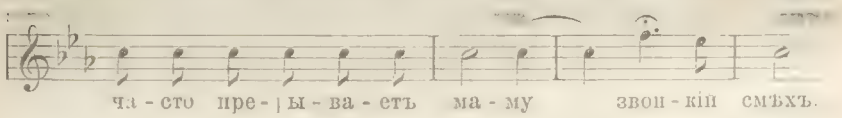
Изъ отдѣльныхъ нумеровъ первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ Кукушкѣ, которая напоминаетъ собою нѣсколько сочиненія (извините за сравненіе) Мусоргскаго, съ тою разницею, что то, что прежде дѣлалъ музыкальный сапожникъ, то теперь сдѣлалъ настоящій музыкантъ. Замѣчательно, что въ этой пѣснѣ „музыкальной характеристикою" п т и ц ъ, являются короткіе форшлаги:  Было бы интересно составить лексиконъ тѣхъ музыкальныхъ пріемовъ, которыми композиторы пытаются изображать предметы видимаго міра. Изображеніе птицъ упомянутыми форшлагами встрѣчается уже не въ первый разъ. Въ хорѣ птицъ въ Вашей Снѣгурочкѣ эти животныя изображены тѣмъ же способомъ, который заимствованъ для той же цѣли Римскимъ-Корсаковымъ для того же птичьяго хора въ его Снѣгурочкѣ.

„Христосъ"—прелесть. Одно, что въ немъ мнѣ не нравится, это самый конецъ (придаточное предложеніе заключительнаго періода)  , представляющій собой слишкомъ обыкновенное мелодическое послѣдованіе, имѣющее какой-то сентиментальный характеръ, мало соотвѣтствующій, какъ всей пьесѣ, такъ и четыремъ предшествующимъ тактамъ  прелестная гармонія.

Птичка, Весна, вторая Весна, Колыбельная пѣсня, Цвѣтокъ, Сиротка - маленькіе chefs-d'oeuvr'ы.

Не могу согласиться съ „Зимнимъ вечеромъ“. Его текстъ состоитъ изъ 2-хъ половинъ, различныхъ по конструкціи. Въ первой половинѣ очень подробно разсказывается, какъ дѣти веселятся: радость, звонкій смѣхъ, игра на рояли, возня, пляска, пѣсни, визгъ и т. п. Въ второй половинѣ авторъ дѣлаетъ переходъ къ грустнымъ размышленіямъ о такихъ дѣтяхъ, которые ведутъ жизнь совершенно иную, не имѣютъ матери, теплаго угла и т. п. Мнѣ кажется, что нельзя брать настроеніе 2-й половины, какъ общій фонъ для всего разсказа и вообще куплетная форма мало подходитъ къ этому стихотворенію, дѣлящемуся на двѣ части, столь несходныя между собою по настроенію.

Хотя, съ нѣкоторою натяжкою, и можно предположить, что разсказчикъ, говоря о дѣтскомъ весельи, уже думаетъ о томъ, что онъ скажетъ о б ѣ д н ы х ъ дѣтяхъ, но тѣмъ не менѣе для слушателя это совершенно не ясно, и несомнѣнно, что всякій будетъ непріятно пораженъ, слушая напр. фразу



Въ словахъ сказано „звонкій смѣхъ“, а музыка скорѣе указываетъ на „горькія слезы“. Не знаю, будете ли Вы согласны съ этими соображеніями.

Вы мнѣ раньше писали, что дѣлали измѣненія въ Мазепѣ. Какія? Неужели Вы передѣлали послѣднюю сцену? Это было бы очень жаль.

Я хотѣлъ закончить это письмо оправданіемъ себя въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя Вы на меня возводите по поводу Альбрехта. Но отлагаю это до слѣдующаго письма, ибо теперь и такъ исписалъ много бумаги, а въ городъ отправляютъ посланнаго очень скоро. Масловы Вамъ очень кланяются, ждутъ въ Селище.

Напишите мнѣ, пожалуйста.

Остаюсь искренно Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 1944. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Гранкино. 30 Іюня 1884 г.

Полтавской губерніи, Константинградскій уѣздъ, почт. ст. „Нова-Николаевка“, въ Гранкино.

Милый Сергѣй Ивановичъ! получилъ Ваше письмо. Хотя мнѣ очень интересно прочесть Ваше мнѣніе о моихъ пѣсенкахъ, но я посѣтовалъ на Васъ за то, что Вы ни слова не написали про себя, про свои занятія, про планы и проекты Ваши.

Все, что Вы не одобряете въ пѣсенкахъ, т. е. Ваши замѣчанія насчетъ конца „Легенды“ и минорности, доведенной до

излишества въ пѣснѣ о зимѣ и т. д., совершенно вѣрны. Я, какъ водится, поторопился напечатаніемъ; все, что Вы говорите, я смутно чувствовалъ при перепискѣ и, если бы показалъ Вамъ пѣсенки до гравировки, то очень легко бы могъ исправить указанные Вами недостатки. Нечего дѣлать,—нужно отложить до слѣдующаго изданія, если оно когда-нибудь будетъ. Я охотно сказалъ бы, что и похвальные Ваши отзывы совершенно вѣрны, но скромность мѣшаетъ мнѣ подтвердить справедливость Вашей оцѣнки. Итакъ, не скажу, я согласенъ съ Вами, но что я очень радуюсь Вашей похвалѣ. Очень люблю, когда Вы меня хвалите.

Я пишу въ настоящее время 3-ю сюиту. Хотѣлъ, было, симфонію сдѣлать, но не выгорѣло. Впрочемъ, не въ названіи дѣло: во всякомъ случаѣ, я пишу большое симфоническое сочиненіе въ 4-хъ частяхъ, а именно 1) Andante. 2) Еще вальсъ. 3) Скерцо. 4) Тема съ 12-ю варіаціями.--Вѣроятно, къ концу лѣта все это будетъ готово, ибо я очень аккуратно и усердно работаю. Кромѣ того, у меня проектируется концертная пьеса для фп. въ двухъ частяхъ. Не знаю только, успѣю ли лѣтомъ что-нибудь съ ней сдѣлать. А хорошо было бы, если-бъ Вы въ этомъ сезонѣ ее сыграли. Я останусь здѣсь еще нѣсколько времени. Можно почти съ полной увѣренностью сказать, что и на этотъ разъ я не попаду въ Селище. Будь это ближе къ желѣзной дорогѣ, я могъ бы захотѣть, но эти ужасныя 80 верстъ!!! А между тѣмъ долго остаться тамъ не могу, ибо меня съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждетъ братъ и его жена.

Кланяйтесь всѣмъ милымъ Масловымъ и Вл. Ег., если онъ у Васъ.

Будьте здоровы. Напишите мнѣ сюда.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1952. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Скабѣево. 23 Іюля 1884 г.

Адресуйте: Моск.-Курская жел. дорога, ст. Климовка, оттуда въ Скабѣевку, П. И. Ч.

Милый Сергѣй Ивановичъ! я получилъ Ваше письмо незадолго до выѣзда изъ Гранкина и не нашелъ времени написать оттуда; а мнѣ хочется обстоятельно поговорить съ Вами объ Альбрехтѣ, ибо я желалъ бы, чтобы Вы лучше и справедливѣе къ нему относились. Альбрехтъ—не только добрый человѣкъ, который этой добротой заслуживаетъ съ Вашей стороны высокомѣрнаго сожалѣнія,—но и въ высшей степени даровитый и полезный человѣкъ. Фактъ, что его мало уважаютъ и любятъ, меня огорчаетъ, но не удивляетъ. Я достаточно пожилъ на свѣтѣ, чтобы привыкнуть къ подобнымъ явленіямъ. Въ той же самой консерваторіи есть люди совершенно бездарные, круглые нѣвѣжды, сумѣвшіе, Богъ знаетъ, отчего и какъ,—заслужить популярность, уваженіе и авторитетность. И пусть это такъ

будетъ; пусть въ то-же время скромный, но даровитый Альбрехтъ не заслуживаетъ уваженія и почтенія со стороны публики, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы не раздѣляли предубѣжденія, крайне неосновательнаго и въ сотый разъ доказывающаго, какъ то, что называютъ толпой,—слѣпо и глупо.—Долго проживъ рядомъ съ Карлушей и бывши къ нему всегда очень близокъ, я имѣю претензію хорошо его знать, и мое мнѣніе о немъ непоколебимо. Сообщу его Вамъ, въ надеждѣ пошатнуть въ Васъ высокомѣрно презрительное отношеніе къ нему.

Во 1-хъ, я считаю его необычайно даровитымъ музыкантомъ. Это одинъ изъ очень немногихъ извѣстныхъ мнѣ музыкантовъ, въ коихъ я усматриваю настоящій, не лишенный самобытности, композиторскій талантъ. Не могу винить Васъ въ томъ, что Вы не раздѣляете моего вѣрованія въ живую творческую струнку таланта Альбрехта, потому что Вы, вѣроятно, никакихъ его вещей не знаете. Я же знаю ихъ множество, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свойства производить во мнѣ нѣчто, въ родѣ трепетанія восторга. Изъ таланта этого ничего не вышло и ничего уже не выйдетъ по обстоятельствамъ жизни. Отецъ его, самъ превосходный музыкантъ [1]) и капельмейстеръ, по непостижимой для меня причинѣ не только не поощрялъ, не развилъ въ сынѣ таланта, а, кое-какъ обучивши его игрѣ на віолончели, отвезъ его пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ Москву, опредѣлилъ на нищенское жалованье при театрѣ и бросилъ вполнѣ на произволъ судьбы. Пошла безконечная канитель игры на репетиціяхъ, на спектакляхъ, борьба съ нищетой, потомъ женитьба, потомъ знакомство съ Н. Г., черная работа въ консерваторіи и т. д. и т. д.....

Во 2-хъ, Альбрехтъ безусловно честенъ и обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ свойствомъ, что себя, свои частные интересы всегда приноситъ—въ жертву дѣлу. Русское Музык. Общ. и потомъ Консерваторія были и суть тѣмъ дѣломъ, которому онъ слѣпо преданъ. Быть можетъ, въ достиженіи того, что онъ считаетъ благомъ для Консерваторіи, онъ бываетъ одностороненъ, мелокъ, безтактенъ, страненъ,—готовъ въ этомъ согласиться, но никто и никогда не увѣритъ меня въ томъ, что Карлуша коварный и хитрый интриганъ, преслѣдующій личныя цѣли. Почему судьба уготовала для него въ теченіи долгихъ лѣтъ роль, столь незамѣтную, стертую, что публика не хочетъ почтить въ немъ талантливаго дѣятеля,—этого я не знаю. Оттого ли, что въ своей рабской преданности къ Н. Г., котораго онъ сдѣлалъ себѣ кумиромъ, онъ самъ пересолилъ, или что покойный, очень любя Альбрехта, цѣнилъ въ немъ однако-жъ больше эту преданность и любовь, чѣмъ способности и талантъ,—но только, разъ навсегда, Альбрехтъ былъ обреченъ быть въ черномъ тѣлѣ. Я вовсе не хочу обвинять Н. Г., который, будучи совершенно дру-

[1]) На долю котораго выпала честь и слава быть дирижеромъ перваго представленія „Жизнь за Царя".

гого склада и характера,—подобно своему помощнику, любилъ, хотя и иначе, но только одно дѣло, и, заботясь лишь объ общемъ, не успѣвалъ иногда вникнуть въ нѣкоторыя частности. Вѣроятно, въ характерѣ Карлуши были стороны, мѣшавшія ему занять болѣе блестящее положеніе,—но, во всякомъ случаѣ, не понимаю, что Вы подразумѣваете подъ словами, что онъ „самъ себя не уважаетъ". Излишекъ скромности? Пожалуй, но этотъ излишекъ для меня трогателенъ, ибо я въ немъ вижу всегдашнее забвеніе себя, ради дѣла. Итакъ, я уважаю Альбрехта 1) какъ человѣка даровитаго, 2) какъ человѣка честнаго.

Теперь перехожу къ дѣлу о „Волшебной Флейтѣ". Рѣшительно не понимаю, почему онъ поступилъ такъ, что далъ Вамъ поводъ обвинять себя въ обманѣ. Вѣроятно, Вы съ своей точки зрѣнія правы, т. е. нехорошо, что Вы были введены въ заблужденіе не прямымъ образомъ дѣйствія его. Но хотѣлось бы слышать, какъ онъ мнѣ разъяснитъ эту исторію; вѣроятно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Знаю только, что Альбрехтъ питаетъ къ Вамъ величайшее уваженіе и высоко Васъ цѣнитъ. Но за всѣмъ тѣмъ скажу, что и теперь меня не особенно возмущаетъ то обстоятельство, что Вы не дирижировали. Положимъ, что Вамъ пришлось сдѣлать всю черную работу. Но, при Вашей любви къ Моцарту, никакой черной работы быть не можетъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи одного изъ лучшихъ произведеній Моцарта. А главное, будь Альбрехтъ плохимъ дирижеромъ, способнымъ лишь испортить то, что Вы прекрасно подготовили,—я бы, пожалуй, сердился. Но въ томъ то и дѣло, что онъ превосходно провелъ оперу. Кого, слѣдовательно, мнѣ сожалѣть? Васъ,—потому что Вы лишены удовольствія дирижировать,—но не скрою, что мнѣ еще болѣе было бы жаль Альбрехта, если-бъ въ настоящемъ своемъ положеніи, будучи способнымъ и достойнымъ сидѣть за дирижерскимъ пюпитромъ, онъ опять, въ тысячный разъ скрывался бы въ закулисной тѣни. Сожалѣть же о судьбѣ оперы Моцарта рѣшительно не могу, ибо, хотя не сомнѣваюсь, что Вы бы превосходно дирижировали, но и Карлуша дирижировалъ превосходно. Кончаю эту скучную рацею и прошу Васъ, милый Сергѣй Ивановичъ, не сердиться на меня, если тонъ этого горячаго заступничества за Альбрехта Вамъ будетъ непріятенъ. Я очень близко, живо принимаю къ сердцу Ваши интересы, и Вы знаете, какъ я Васъ люблю и уважаю,—но я имѣю давнюю дружескую привязанность къ Альбрехту и мнѣ хотѣлось бы, чтобы Вы лучше къ нему относились.

Мы живемъ здѣсь среди прелестной мѣстности, производящей на меня тѣмъ болѣе чарующее впечатлѣніе, что я пріѣхалъ изъ голой степной мѣстности. Рядомъ съ моей комнатой живетъ Ларошъ. Мы пишемъ статью о Моцартѣ. Сюжетъ столь для меня симпатичный, что роль писца для меня черезвычайно

пріятна. Ларошъ въ духѣ и хорошо себя ведетъ, т. е. мало спитъ и мало пьетъ водки.

Очень радуюсь картинѣ Владиміра Егоровича [1]); питаю къ этому живописцу величайшую симпатію. Очень, очень жаль, что не удастся побывать въ Селищѣ. Всѣмъ Масловымъ поклонъ. До свиданія. О симфоніи никому ничего не скажу; жду съ нетерпѣніемъ случая увидать ее. Отчего Вы не соблазняетесь моимъ примѣромъ и не пишете сюиты? Увѣряю Васъ, что это идеальнѣйшая форма.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1711. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище 12 Августа 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ! Сообщите мнѣ, когда Вы будете уѣзжать изъ деревни и когда приблизительно будете въ Москвѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось показать Вамъ свою симфонію и приготовить партитуру хотя бы одной или 2-хъ частей къ Вашему прибытію въ Москву. Я разсчиталъ, что въ Москвѣ уроки мѣшаютъ мнѣ сочинять, прерывая ежедневно мои занятія, между тѣмъ какъ здѣсь мнѣ ничто не мѣшаетъ. Поэтому я рѣшилъ оркестровать симфонію въ Москвѣ (что представляетъ собою занятіе болѣе механическое, чѣмъ сочиненіе, тѣмъ болѣе, что у меня есть черновые эскизы партитуры), а здѣсь же сочинять, сколько возможно. Теперь я доканчиваю финалъ и совершенно увѣренъ въ томъ, что поѣду въ Москву (во 2-й половинѣ Августа) съ готовой симфоніей. Въ Москвѣ же стану писать начисто партитуру и постараюсь къ Вашему туда прибытію побольше приготовить партитуры, а, если успѣю, то и всю кончить.

Пишете ли Вы свою фортепіанную пьесу? Хорошо бы ее получить, когда пріѣдете въ Москву. Готова ли сюита? Что дѣлаетъ Ларошъ? Кончена ли статья о Моцартѣ?

Получили ли Вы мой портретъ?

Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

Масловы Вамъ кланяются.

Передайте Ларошу канонъ на basso ostinato изъ темы Лароша, который я считалъ потеряннымъ и случайно нашелъ здѣсь.

№ 1961. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

20 Августа 1884 г.

Боюсь, что этотъ листочекъ не застанетъ Васъ и пишу лишь нѣсколько словъ; отвѣчаю же такъ поздно потому, что, вслѣдствіе почтовой неурядицы, письмо Ваше лишь сегодня дошло до

[1]) Маковскаго.

насъ. Я пробуду здѣсь до самого конца мѣсяца, а, можетъ быть, и больше, но, во всякомъ случаѣ, когда Вы пріѣдете въ Москву, я тотчасъ же могу побывать въ Москвѣ и повидать Васъ. Симфонія меня очень интересуетъ и радуетъ. Признаюсь, я сомнѣвался, что Вы доведете ее въ это же лѣто до конца.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1985. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Плещеево. 25 Сентября 1884 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! я внимательно прочелъ Вашу партитуру и могъ бы многое замѣтить, но сужу по себѣ: ненавижу, когда критикуютъ мое сочиненіе до его появленія въ свѣтъ, и потому не лучше ли воздержаться отъ замѣчаній? Т. е., разумѣется, я съ точки зрѣнія инструментовки могу подвергнуть критикѣ эту партитуру. Въ музыкальномъ отношеніи она мнѣ тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ болѣе я съ ней знакомлюсь. Оркестръ Вашъ, разумѣется, будетъ звучать хорошо и такъ, какъ у Васъ сдѣлано,—но ужъ если пошло на придирчивую критику, то я имѣю что сказать и въ свое время скажу. Теперь же, право, лишнее, такъ какъ я все-таки приведу Васъ въ смущеніе,—а замѣчанія такого рода, что нельзя (предположивъ, что Вы найдете ихъ основательными) передѣлать такъ, какъ мнѣ хотѣлось—въ одинъ присѣстъ. И потому я лучше умолчу. Есть чудесные эффекты и красивыя мѣста,—но... ну, однимъ словомъ, позвольте отложить сообщенія моего обстоятельно изложеннаго мнѣнія до того времени, когда симфонія будетъ сыграна.

Напишите, когда Вамъ нужна будетъ партитура? Я еще не знаю, когда пріѣду въ Москву. Погода такъ хороша, что не тронусь, пока она будетъ стоять.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1735. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 27 Сентября 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ! Ваше письмо меня очень заинтересовало и я горю нетерпѣніемъ узнать, что скрыто за таинственнымъ „но...“; только въ одномъ случаѣ я остерегаюсь выслушивать неблагопріятные отзывы, именно когда сочиненіе еще не вполнѣ сочинено, ибо боюсь, что тогда у меня пропадетъ охота его продолжать. Въ данномъ же случаѣ мнѣ, напротивъ, въ высшей степени интересно узнать Ваше мнѣніе, тѣмъ болѣе, что инструментовку симфоніи я довольно старательно обдумывалъ и недостатки, встрѣчающіеся въ ней, не могутъ быть приписаны тому, что пьеса написана наспѣхъ, почему и указаніе на эти недостатки для меня въ высшей степени важно. На основаніи всего изложеннаго, прошу Васъ, если только Вамъ не

лѣнь, написать мнѣ письмо съ подробнымъ указаніемъ всѣхъ погрѣшностей, за что искренно буду Вамъ благодаренъ.

Партитуру держите, сколько хотите. Когда пріѣдете въ Москву, [illegible] и пришлете.

Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1987. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Плещеево. 28 Сентября 1884 г.

Можетъ быть я ошибаюсь, и если по услышаніи симфоніи, исполненной настоящимъ образомъ, перемѣню свое мнѣніе, то буду очень радъ сознаться въ своемъ заблужденіи,—но вотъ что мнѣ кажется теперь. Симфонія не задумана для оркестра, а есть только переложеніе на оркестръ музыки, явившейся въ Вашей головѣ, такъ сказать, стратегію, или же если было конкретное представленіе, то, мнѣ кажется, въ видѣ фортепьяннаго тріо. Возьмемъ первую тему. Она есть мелодія въ три четверти, порученная альту съ кларнетами. Альтъ при этомъ дѣлаетъ на каждую четверть три осмины. Зачѣмъ эти тріоли? Есть ли эта тріоль ритмическая фигура, свойственная темѣ и неизмѣнно встрѣчающаяся всякій разъ, какъ тема появляется? Нѣтъ, ибо вскорѣ изъ темы она переходитъ въ аккомпаниментъ, а за симъ окончательно исчезаетъ. Мнѣ кажется, что Вы самого себя обманули, сообщивъ темѣ тріольную ритмическую фигурацію, которая и некрасива, (я, по крайней мѣрѣ, не люблю такого мандолиннаго способа излагать пѣвучую тему) и насильственно ей навязана. Мнѣ кажется, что тутъ слышится и въ головѣ Вашей неслась віолончельная тема съ тріольной фигураціей фортепьяно. Вторая тема тоже есть мелодія съ фортепьяннымъ аккомпаниментомъ. Если бы это было задумано для оркестра, то едва ли она появилась бы разомъ съ двумя столь характеристическими тембрами, какъ высокій регистръ віолончели и валторна, которые мѣшаютъ и убиваютъ другъ друга. Въ аккомпаниментѣ опять какая-то нерѣшительность: то кларнетъ пожурчитъ, то скрипка начнетъ исполнять чисто фортепьянную фигуру; въ сущности же, тутъ звучитъ ф-ано и опять съ віолончелемъ, вслѣдствіе чего нѣтъ контраста между двумя темами. Итакъ, прежде всего, главныя темы не оркестрованы. Это несоотвѣтствіе мысли съ формой или, лучше сказать, насильственность формы даетъ себя чувствовать отъ начала до конца.—Только въ рѣдкихъ мѣстахъ встрѣчаешь настоящую оркестровую звучность. Въ большинствѣ же страницъ оркестръ, претендующій, судя по составу, быть прозрачнымъ и свѣтлымъ, въ сущности очень массивенъ, тяжелъ и искусственъ. Оркестровыя группы недостаточно контрастируютъ: всѣ разомъ участвуютъ и въ темѣ, и въ аккомпаниментѣ; нѣтъ ни одной полстранички, гдѣ бы квартетъ остался одинъ. Одно такое мѣсто я, было, нашелъ

и страшно обрадовался, но замѣтка карандашемъ тотчасъ же поспѣшила [illegible] меня, что тутъ будутъ въ духовыхъ выдержанные аккорды. Духовые же безъ струнныхъ въ одномъ мѣстѣ появляются, но они такъ назойливо все время суются поперекъ, что это едва ли можетъ доставить большое удовольствіе. Валторны и трубы тоже, кажется, много играютъ. За то есть мѣсто, (превосходное по музыкѣ) гдѣ для расширенной темы въ басу просто необходимы тромбоны.

За симъ не буду придираться къ мелочамъ и поспѣшу сказать, что, несмотря на этотъ общій недостатокъ—массивности и безколоритности, есть мѣста, которые все-таки будутъ отлично звучать, и такихъ весьма много. Подобнаго рода эффекты мы встрѣчаемъ въ переложеніяхъ съ фп. на оркестръ (напр., Invitation à la valse Берліоза), и нѣтъ ничего удивительнаго, что, раскритиковавъ общее, я долженъ отдать справедливость искусно выполненнымъ подробностямъ. — Но все же симфонія должна быть симфоніей, а не хорошимъ переложеніемъ съ фортепьяно на оркестръ.

Изъ нравящихся мнѣ, въ отношеніи оркестровки, мѣстъ укажу: 1) на унисонъ струнныхъ съ выдержанной октавой въ мѣди.

2) На появленіе 1-й темы въ трубахъ передъ побочной партіей, хотя сомнѣваюсь, чтобы фигура въ альтахъ и віолончели была слышна; 3) на секвенцію и слѣдующее за ней tutti.—4) на валторну, которая поетъ 1-ю тему въ заключеніи, и т. д. до самого конца. Вообще, Вашъ оркестръ будетъ звучать совершенно прилично; работа Ваша тщательна,—но для стараго критика весьма будетъ замѣтенъ коренной недостатокъ ея,—тотъ, что музыка эта по замыслу не принадлежитъ къ оркестровой области.

Когда мнѣ нужно написать что-нибудь серьезное, я всегда ужасаюсь своей писательской бездарности. Чувствую, что я не такъ, не въ той силѣ, не съ той ясностью высказать то, что чувствую, и не знаю, поймете ли Вы, что я хотѣлъ сказать: т. е., что хотя Вы и мастеръ своего дѣла и нѣтъ ничего такого, что бы не годилось, но образцомъ симфонической музыки первая часть Вашей симфоніи все-таки не будетъ. Вы впали въ ту ошибку, въ которую никогда не впадали классики (Бетховенъ, Моцартъ, Гайденъ), но въ которую впадалъ Шуманъ и впадаетъ масса современныхъ композиторовъ, не исключая и Вашего покорнѣйшаго слуги.

Въ заключеніе скажу, что съ музыкальной стороны зато—я не только удовлетворенъ, но восхищенъ. Мнѣ нравятся до чрезвычайности всѣ фокусы Ваши, особенно суматоха темъ передъ возвращеніемъ главной партіи. Это превосходно. Уже самое вступленіе басовъ диссонансомъ со скр. и валт. чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Потомъ прелестно вступленіе главной партіи до разрѣшенія задержанія.

Темы страдаютъ недостаткомъ контраста, но сами по себѣ черезвычайно симпатичны. О формѣ и говорить нечего. Очень жаль, что Вы дали мнѣ разсмотрѣть партитуру до исполненія. Боюсь, что играю роль стаканчика холодной воды на Ваше авторское увлеченіе къ только что написанной вещи.

Извините, голубчикъ.

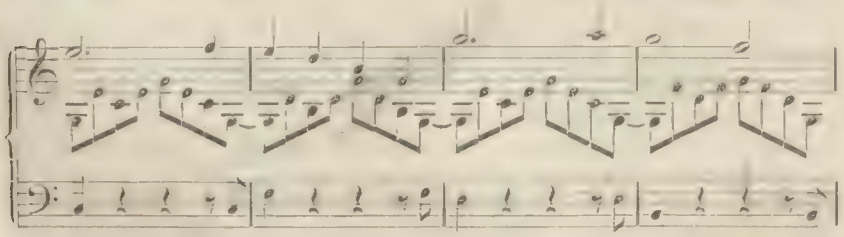
Вашъ П. Чайковскій.

Хотя мы, должно быть, скоро увидимся, но я все-таки счелъ нужнымъ написать.

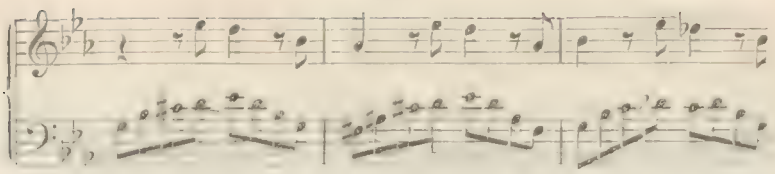
№ 1741. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

6 Октября 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ. Благодарю Васъ за Ваше подробное и обстоятельное письмо и буду отъ Васъ ждать другого, касающагося остальныхъ частей, которыя мною окончены и которыя я Вамъ передамъ при свиданіи (сегодня вечеромъ неизвѣстныя лица занесли мнѣ первую [illegible]ь). Кажется мнѣ, что я вполнѣ согласенъ съ Вашимъ мнѣніемъ объ инструментовкѣ, но только кажется: на меня находитъ нерѣшительность. Иногда мнѣ представляется вся первая часть, исполняемая въ видѣ фортепіаннаго тріо Гржимали и Фитценхагеномъ, и является сожалѣніе о томъ, что я написалъ эту первую часть; а иногда кажется, что это несовсѣмъ такъ и что въ оркестрѣ многое будетъ недурно. Я хотѣлъ было Вамъ возразить приблизительно слѣдующее, что оркестръ, будучи инструментомъ самымъ сложнымъ, можетъ включать въ себя все то, что можетъ быть исполнено болѣе простыми средствами, что въ составъ оркестровой музыки могутъ входить такія вещи, которыя можно себѣ представить исполненными въ видѣ, напр., соло для пѣнія съ аккомпаниментомъ, въ видѣ струннаго квартета, фортепьяннаго тріо и т. п., и что оркестръ можетъ въ себѣ содержать многія такія мѣста, не теряя своихъ свойствъ, отличающихъ его отъ другихъ музыкальныхъ органовъ. Напр., 2-я тема въ увертюрѣ „Коріоланъ“ можетъ быть очень легко написанною для форт. и скрипки:



вся разработка можетъ быть отличнымъ фортепіаннымъ этюдомъ для лѣвой руки:



и т. д. еще много страницъ, но нельзя утверждать, что эти мѣста были задуманы авторомъ въ видѣ дуэта для скрипки съ ф.п. или въ видѣ фортепіаннаго этюда и потомъ переложены на оркестръ. Нѣтъ, оркестръ *можетъ* заключать въ себѣ подобныя мѣста, но только на ряду съ ними должны встрѣчаться и такія, которыя могутъ хорошо выйти только въ оркестрѣ и принадлежать исключительно-*оркестру*. Такихъ мѣстъ можетъ быть мало, и тогда, пожалуй, можно сказать, что сочиненіе не задумано для оркестра, но только отнюдь не основываясь на томъ, что въ сочиненіи встрѣчаются мѣста, которыя могли бы быть сыграны не оркестромъ, а фортепіаномъ или одной скрипкой, или могли бы быть исполнены голосомъ.

Но, дѣлая эти возраженія, я все таки въ глубинѣ души думаю, что Вы правы, и что я въ концѣ концовъ произвелъ пьесу скучную, тяжелую и безцвѣтную. Еще съ большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ Вы, буду ожидать исполненія симфоніи для того, чтобы провѣрить себя. Кажется мнѣ также, что и остальныя части во многихъ мѣстахъ будутъ напоминать фортепіанныя пьесы.

Имѣю сдѣлать еще одно возраженіе относительно Вашего замѣчанія, что духовые играютъ много и что квартетъ почти никогда не играетъ одинъ. Въ увертюрѣ *Фиделіо* [E-dur] [у меня подъ рукой увертюры Бетховена и я поэтому примѣры привожу изъ нихъ] квартетъ *одинъ* играетъ только въ продолженіе 3-хъ тактовъ, также мало играетъ онъ въ увертюрѣ къ Аѳинскимъ развалинамъ, такъ что существуютъ сочиненія, *хорошо инструментованныя*, въ которыхъ квартетъ почти вовсе не играетъ безъ духовыхъ. Начиная съ *allegro* увертюры Жизнь за Царя есть только 22 такта, гдѣ квартетъ одинъ, число столь малое въ сравненіи съ числомъ всѣхъ тактовъ, что можно сказать, что эти мѣста являются только какъ исключенія. Буду ждать Васъ въ Москвѣ и передамъ на Ваше разсмотрѣніе прочія части.

Еще разъ благодарю Васъ за письмо и остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

Петръ Ильичъ! Пора кончать ф.п.-ую пьесу, концерты скоро начинаются, мнѣ надо оную учить.

№ 2809. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Парижъ. 26 Ноября, 8 Декабря 1884 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Вѣроятно 4-го или 5-го числа я пріѣду въ Петербургъ. Напишите мнѣ, пожалуйста туда, въ какіе дни будутъ происходить репетиціи концерта, и когда Вы желаете, чтобы я пріѣхалъ,—къ самой первой репетиціи или ко второй? Такъ какъ у меня въ Петербургѣ дѣло есть, то мнѣ важно знать, сколько дней я могу тамъ остаться? Я страхъ боюсь, что Ваша симфонія уже игралась. Объ этомъ тоже напишите мнѣ.

Адресуйте: Фонтанка, № 15-й.

До свиданья!

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1769а. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 2 Декабря 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ! Вы меня спрашиваете, когда я желаю, чтобы Вы пріѣхали: къ первой или второй репетиціи. Мое искреннее желаніе, чтобы Вы пріѣхали р а н ѣ е первой репетиціи, чтобы имѣть время съ Вами проиграть фантазію [1]) и исправить то, что Вамъ не понравится. Если бы Вы могли пріѣхать во вторникъ, 11-го, то оказали бы мнѣ большую услугу. Навѣрное не могу пока Вамъ сообщить, на какой репетиціи я буду въ первый разъ играть: Эрдмансдёрферъ нездоровъ, и вчера концерта не было, такъ что я не могъ съ нимъ пока объ этомъ переговорить, но сообщу Вамъ какъ только узнаю.

Симфоніи моей еще не играли. Въ началѣ сезона Эрдмансдёрферъ говорилъ мнѣ, что предполагаетъ исполнить ее въ томъ концертѣ, въ которомъ будетъ играть Бюловъ, т. е. въ послѣднемъ. Сегодня займусь выставленіемъ смычковъ и приведеніемъ партитуры въ окончательный видъ.

До скораго свиданія, остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

P. S. Фантазію я училъ много и съ удовольствіемъ. Жалѣлъ все время, что не проигралъ ее съ Вами до Вашего отъѣзда заграницу.

Ожидаю Васъ съ нетерпѣніемъ.

Въ этомъ концертѣ, гдѣ я буду играть, еще играетъ Василій Ѳедоровичъ [2]) концертъ Раффа, а кромѣ того идетъ симфонія D-dur Моцарта и Увертюра Фаустъ Вагнера.

Мамаша Вамъ очень кланяется.

---

[1]) Фортепіанная фантазія П. И. Чайковскаго ор. 56.

[2]) В. Ѳ. Фитценгагенъ, профессоръ игры на віолончели въ Моск. Консерваторіи.

№ 1770а. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 5 Декабря 1884 г.

Милый Петръ Ильичъ. 15-го числа не будетъ того концерта, программу котораго я Вамъ сообщилъ. Этотъ концертъ, а, слѣдовательно, и фантазія Ваша, которую я долженъ былъ въ немъ играть, переносится на очень отдаленное время; можетъ быть, онъ состоится въ Январѣ, а то, пожалуй, и постомъ. Я Васъ не могъ своевременно объ этомъ увѣдомить, потому что самъ объ этомъ узналъ только третьяго дня, а ранѣе никакъ не могъ предполагать, что концертъ можетъ не состояться. Не могъ же я этого предполагать по слѣдующимъ причинамъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ захотѣлъ пріѣхать на одинъ изъ остающихся концертовъ, и ему отсюда послали программы. Когда эти программы послали, то думали, что онъ пріѣдетъ на концертъ въ пользу фонда, гдѣ будетъ исполняться 9-я симфонія Бетховена, и гдѣ Гржимали играетъ концертъ Бетховена же.

1-го Декабря предполагалось 7-е симфоническое собраніе,

8-го Декабря концертъ въ пользу фонда,

15-го Декабря 8 собраніе, гдѣ должны были играть Фитценхагенъ и я.

Великій князь почему то выбралъ программу 15-го Декабря и сказалъ, что онъ пріѣдетъ къ этому концерту.

За нѣсколько дней передъ 1 Декабря Эрдмансдёрферъ заболѣлъ, и концертъ 1-го Декабря не состоялся. Узнавъ объ этомъ, я подумалъ, что такъ какъ 1-го Декабря концерта нѣтъ, то всѣ программы передвинутъ на одну недѣлю и что, слѣдовательно, 15-го мнѣ играть не придется. Обратясь съ разспросами по этому поводу къ лицу, имѣющему достаточныя познанія въ томъ, что дѣлается въ Музык. Обществѣ (не припомню хорошенько у кого именно я объ этомъ спрашивалъ, какъ будто или у Альбрехта, или у Юргенсона), я получилъ въ отвѣтъ, что хотя 1-го Декабря концерта нѣтъ, но тѣмъ не менѣе программа 15 числа должна остаться, ибо Константинъ Николаевичъ именно хотѣлъ услышать этотъ концертъ, просилъ не дѣлать измѣненія въ программѣ, а потому совершенно необходимо, чтобы концертъ 15-го Декабря состоялся по прежде предположенной программѣ. Изъ этого разговора я получилъ такое понятіе, что концертъ 15-го числа состоится непремѣнно. Вотъ почему я никакъ не предполагалъ, что возможна отмѣна этого концерта.

Между тѣмъ, 8-го Декабря концертъ въ пользу фонда также не могъ состояться, ибо Эрдмансдёрферъ еще не выздоровѣлъ.

Теперь онъ поправился, но на 15-го Декабря назначилъ концертъ въ пользу фонда, а тотъ концертъ, гдѣ должна играться Ваша фантазія, отложилъ на неопредѣленное время. Фитценхагенъ очень огорченъ и возмущается тѣмъ, что онъ не будетъ играть въ присутствіи Великаго Князя, что же касается меня,

то это обстоятельство (т. е. отсутствіе на концертѣ, гдѣ я буду играть для велик. князя) меня мало огорчаетъ; непріятна же эта отмѣна концерта, во первыхъ, потому, что мнѣ хотѣлось поскорѣе сыграть пьесу, которою я занимался продолжительное время (теперь же я ее долженъ оставить и передъ концертомъ снова за нее приняться), во вторыхъ, потому, что Вы разсчитывали услышать свое сочиненіе, соображали свой пріѣздъ сюда со временемъ его исполненія, и разсчеты Ваши не оправдались, а, въ третьихъ, потому, что для лицъ, думающихъ, что играть въ присутствіи В. К. есть большое счастіе (а такихъ лицъ очень много, въ числѣ ихъ находился и самъ Эрдмансдёрферъ), это событіе является въ такомъ видѣ, что будто бы Эрдмансдёрферъ меня лишилъ этого благополучія. Особенно мнѣ было это досадно вчера, когда я, узнавъ о томъ, что не буду играть 15-го, совершенно хладнокровно объ этомъ говорилъ въ присутствіи одной мало знакомой мнѣ дамы, услышалъ отъ этой дамы слѣдующее: „Я уже двѣ недѣли тому назадъ знала, что Вы играть 15-го не будете, мнѣ сказали, что такъ какъ Эрдм. не любитъ Танѣева, то онъ его не допуститъ играть въ этомъ концертѣ". Вслѣдствіе подобныхъ разсужденій, обстоятельство, которое само по себѣ представляется для меня малозначительнымъ и неважнымъ, можетъ тѣмъ не менѣе быть для меня источникомъ непріятностей и неудовольствій.

Впрочемъ, повторяю опять, я никакихъ претензій на Эрдм. по поводу этого распоряженія не предъявляю.

Есть другое обстоятельство, болѣе для меня важное, за которое я могу на него претендовать. Съ разныхъ сторонъ до меня доходятъ слухи, что мою симфонію играть не будутъ и что она не находится ни на одной программѣ нынѣшняго сезона. Такъ какъ я сочиненій пишу немного, такъ какъ они въ печати не появляются, то я весьма дорожу тѣмъ, чтобы ихъ разъ сыграли въ Музык. Обществѣ. Это исполненіе является для меня ближайшей побудительной причиной къ написанію сочиненія и я во время писанія всегда думаю о возможности услышать свое сочиненіе исполненнымъ. Такъ какъ я учился въ Консерваторіи и нахожусь въ ней съ девятилѣтняго возраста, то въ виду небольшого количества сочиненій, которыя я пишу, подобное желаніе съ моей стороны представляется мнѣ совершенно законнымъ и для Музыкальнаго Общества нисколько не обременительнымъ, а для консерваторіи скорѣе выгоднымъ, чѣмъ невыгоднымъ: ибо если нѣкоторые изъ нашихъ критиковъ отрицаютъ во мнѣ присутствіе музыкальнаго таланта, то всѣ признаютъ, что я имѣю достаточныя свѣдѣнія въ теоріи музыки, почему исполненіе моихъ немногочисленныхъ твореній можетъ служить доказательствомъ, что консерваторія, совершенно неотвѣтственная въ томъ, способенъ ученикъ или нѣтъ, можетъ сообщить этому ученику совершенно достаточныя свѣдѣнія по различнымъ областямъ теоріи музыки: по гармоніи, контрапункту и т. подобн.

Въ прошломъ году я написалъ квартетъ; въ концѣ года Эрдм. услыхалъ этотъ квартетъ (Вы при этомъ присутствовали) и сказалъ, что въ томъ сезонѣ исполнить его нельзя, а что онъ поставитъ его на программу въ слѣдующемъ, т. е. въ теперешнемъ. Конечно, этотъ квартетъ не былъ игранъ и въ нынѣшнемъ году и навѣрное никогда играться не будетъ. Для меня не будетъ нисколько удивительнымъ, если то-же произойдетъ съ симфоніей.

Во всякомъ случаѣ я спрошу у Эрдм. объ симфоніи (хотя я не имѣю никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что мнѣ говорили лица, видѣвшія программы нынѣшняго года). Если симфонію играть дѣйствительно не будутъ, то у меня есть намѣреніе отказаться отъ участія въ симфоническихъ концертахъ. Одно меня останавливаетъ, это, что я долженъ играть Вашу фантазію и не могу это сдѣлать иначе, какъ спросивъ Вашего согласія, милый Петръ Ильичъ. Еслибъ Вы знали, какъ мнѣ.... [1])

№ 2013. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Петербургъ. 9 Декабря 1884 г.

Милѣйшій Сергѣй Ивановичъ! Убѣдительно прошу не стѣсняться нисколько моимъ желаніемъ услышать фантазію. Я вполнѣ раздѣляю Ваши чувства по поводу дрязгъ, о коихъ Вы пишете, и мнѣ чрезвычайно нравится Вашъ планъ дѣйствій. Въ концѣ недѣли буду въ Москвѣ и поговоримъ.

Будьте здоровы, до свиданья, голубчикъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1908. Отъ С. И. Танѣева П. Чайковскому.

Терская Область, Ессентуки, по Шоссейной улицѣ, д. козака Яицкаго. 8 Іюня 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ. Посылаю Вамъ мой адресъ, вполнѣ увѣренный, что Вы мнѣ напишете изъ Клина, а также сообщите, когда получите извѣстія отъ Третьякова, о результатѣ его переговоровъ съ Сафоновымъ. Съ нынѣшняго дня я началъ вести правильную жизнь, какую ведутъ обыкновенно на водахъ. Ежедневно мнѣ нужно брать ванны, а такъ какъ ванна оказалась лишь свободною въ 7 часовъ утра, то я принужденъ вставать въ 5, такъ какъ передъ ванной нужно пить воду. Послѣ ванны я ложусь на $^1/_2$ часа въ постель и въ 9 часу кончаю утреннее лѣченіе. До часу имѣю свободное для занятій время, въ часъ обѣдаю, опять могу заниматься, въ четыре часа вновь пью воды и гуляю часъ; послѣ этого я свободенъ дѣлать, что мнѣ хочется—гулять или работать. Спать ложусь въ 10-мъ часу. Чувствую себя превосходно и нахожу, что пить воды совсѣмъ не

[1]) Конецъ письма пропалъ.

такъ скучно, какъ я предполагалъ. Начинаютъ сюда съѣзжаться лѣтніе посѣтители водъ; впрочемъ Ессентуки, въ противоположность Пятигорску, болѣе похоже на большое село, чѣмъ на городъ. Публика приличная, нѣкоторыя дамы носятъ изысканныя платья. Чтобы избѣжать лишнихъ знакомствъ и не возбуждать въ посѣтителяхъ желанія со мной знакомиться, я пересталъ носить дневныя рубашки, а хожу въ вышитыхъ ночныхъ. Совершенно напрасны жалобы на дороговизну на Кавказѣ, которыя мнѣ раньше приходилось слышать. Человѣку со скромными привычками можно здѣсь прожить весьма дешево. Я нанимаю очень приличную и чистую комнатку за 20 руб. въ мѣсяцъ. Нанимаю ее у козака. Если же останавливаться въ гостинницахъ, то это дѣйствительно очень дорого. Квартиру нанялъ мнѣ Буховцевъ, [1]) который былъ для меня очень полезенъ въ путешествіи. Онъ теперь въ Пятигорскѣ, но собирается переѣхать сюда же. Мы хотимъ съ нимъ купить по верховой лошади и кататься по окрестностямъ. На горы я еще не ходилъ, только на одну маленькую попробовалъ влезть и то до половины. Горы здѣсь стоятъ отдѣльно [illegible], и только на горизонтѣ виденъ непрерывный хребетъ (Кавказскій), на которомъ особенно ярко вырисовывается снѣжная верхушка Эльбруса. Вообще я очень доволенъ своимъ мѣстопребываніемъ и испытываю пріятное впечатлѣніе отдыха. Сочинять начиналъ, впрочемъ, будучи въ гостяхъ у Буховцева, написалъ э т ю д ъ съ выдержаніями нотами въ первыхъ пальцахъ. Доканчиваю переводъ хоровъ изъ С а м с о н а Генделя, вскорѣ пошлю въ Москву литографировать. Поел[illegible] большую часть времени посвящалъ писаніямъ писемъ, а также чтеніямъ разныхъ п р а в и л ъ, касающихся консерваторіи, учащихся, преподавателей и т. п.

Жду Вашего письма, многоуважаемый профессоръ, которымъ столь справедливо гордится наша консерваторія, и остаюсь искренно любящій Васъ

С. Танѣевъ.

Не знаю, навѣрное ли находятся Ессентуки въ Терской области или въ Ставропольской губерніи,—когда будете писать—справьтесь.

№ 2056. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Село Майданово. 13 Іюня 1885 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Очень обрадованъ былъ письмомъ Вашимъ. Радуюсь, что Вы чувствуете себя хорошо и набираетесь здоровьемъ для предстоящаго директорствованія. Непомѣрно жалѣю, что лишенъ буду возможности видѣть Васъ и Буховцева въ качествѣ смѣлыхъ всадниковъ. Сюжетъ для жанровой кар-

[1]) Ал. Никитичъ Буховцевъ, преподаватель ф.п. игры, бывшій ученикъ Моск. Консерваторіи, много содѣйствовавшій постановкѣ ф-ной игры литературными и переводными трудами.

тинки—превосходный! Я долженъ разочаровать Васъ насчетъ моей профессуры. Алексѣевъ, узнавши отъ брата, Анатолія, что я взялъ на себя консерваторскій классъ, прислалъ мнѣ сказать, что по точному смыслу ст. 49-й (примѣч. 2-е) Устава Импер. Рус. Муз. Общ. я не имѣю права быть въ одно и то же время Директоромъ Муз. Общ. и профессоромъ Консерваторіи. Разумѣется, я слова своего назадъ не беру и представляю Вамъ рѣшить: что лучше и полезнѣе: чтобы я остался Директоромъ Муз. Общ. или чтобы я изъ состава дирекціи вышелъ и сдѣлался профессоромъ (нѣсколько фантастическимъ) класса свободнаго сочиненія. Какъ Вы рѣшите, такъ я и поступлю. Мнѣ кажется, что лучше остаться Директоромъ, а, впрочемъ, какъ хотите. Во всякомъ случаѣ, и ту и другую обязанность буду исполнять добросовѣстно, но лишь съ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы я не былъ стѣсненъ въ моей свободѣ и чтобы я могъ уѣзжать, когда мнѣ угодно. Я считаю свою свободу величайшимъ изъ всѣхъ благъ, которыхъ я достигъ упорнымъ трудомъ, и такъ давно пользуюсь ею, что рѣшительно не въ состояніи приковать себя, хотя бы даже къ Москвѣ, къ которой привязанъ глубоко. Къ классу свободнаго сочиненія я не имѣю ни малѣйшей враждебности и съ такимъ ученикомъ, какъ Конюсъ, [1]) нахожу даже большое удовольствіе заниматься. И такъ, милый мой начальникъ, рѣшайте судьбу.

Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился написать „Манфреда“, ибо чувствую, что пока не исполню обѣщанія, неосторожно данаго Балакиреву зимой,—не буду покоенъ. Не знаю, что выйдетъ, но покамѣстъ я недоволенъ собой. Нѣтъ! въ тысячу разъ пріятнѣе писать безпрограммно! Сочиняя программную симфонію, у меня такое ощущеніе, какъ будто я шарлатаню и надуваю публику: плачу ей не звонкой монетой, а дрянными кредитными бумажонками.

Будьте здоровы, милая жертва моего Макіавеллизма. Пишите мнѣ, голубчикъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1915. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Терская об., Ессентуки, по Кисловодскому шоссе, д. козака Яицкаго. 18 Іюня 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ! Я былъ очень огорченъ извѣстіемъ о томъ, что нельзя быть Вамъ директоромъ и профессоромъ въ одно и то же время. Хотя мнѣ болѣе пріятно было бы видѣть Васъ профессоромъ, чѣмъ директоромъ Муз. Общ., но не могу

[1]) Георгій Конюсъ, потомъ преподаватель сначала Моск. Консерваторіи, затѣмъ Училища Моск. Филар. Общества, а нынѣ профессоръ Саратовской Консерваторіи.

не признать, что для консерваторіи совершенно необходимо, чтобы Вы были въ числѣ Директоровъ, служа связующимъ звеномъ между Дирекціей и Консерваторіей: съ Вами я могу быть во всякое время совершенно откровеннымъ, и сообща мы можемъ обсудить всякое дѣло. Ваше присутствіе въ Дирекціи, кромѣ того, совершенно уничтожаетъ нѣсколько натянутыя отношенія, ранѣе существовавшія (со смерти Ник. Григорьевича) между Дирекціей и Консерваторіей. Однимъ словомъ, соглашаюсь вполнѣ съ Вами, что Вамъ быть директоромъ полезнѣе, чѣмъ быть профессоромъ, и покоряюсь этой необходимости.

Когда меня сдѣлали директоромъ, я думалъ, что для меня было бы всего благоразумнѣе, какъ можно меньше, входить въ дѣла Муз. Общества и исключительно заниматься дѣлами консерваторіи. Но, повидимому, придется также вмѣшиваться и въ дѣла Муз. Общ.

Уѣзжая изъ Москвы, я взялъ съ собою отчеты Муз. Общ. за 12 лѣтъ и почти ежедневно занимался ихъ просматриваніемъ. Добраться толку въ этихъ отчетахъ очень трудно. Но, насколько я могъ ихъ разобрать, дѣла (денежныя) Муз. Общества и консерваторіи, вмѣстѣ взятыя, находятся въ печальномъ положеніи.

Съ 72—73 года Музыкальное Общ. отдѣлило счетоводство Консерваторіи отъ своего собственнаго [въ этомъ году была правительствомъ назначена субсидія Консерваторіи въ 20 тыс.] и сразу записало въ счеты, что консерваторія должна Муз. Общ. 22,785 р. за то имущество, которымъ консерваторія пользовалась. Этотъ мнимый долгъ вноситъ много путанницы въ счеты. Чтобы еще болѣе запутать счетъ, Муз. Общ. постановило, что $^1/_3$ консерваторскихъ расходовъ: домашняго, непредвидѣннаго и канцелярскаго будутъ записываться на Муз. Общество, а $^2/_3$ на консерваторію. Но съ 76—77 года, уже безъ всякаго постановленія, Муз. Общ. стало записывать въ свои расходы $^1/_3$ только канцелярскаго расхода, два же другихъ съ этого года почему-то записываются цѣликомъ на консерваторію. Встрѣчается, напр., такое выраженіе въ отчетѣ: „консерваторіи уплатило Музык. Общество такую-то сумму канцелярскихъ расходовъ, т. е. консерваторія надѣлала расходовъ на канцелярскія принадлежности, треть этихъ расходовъ записывается на Муз. Общество, слѣдоват., своими расходами на этотъ предметъ она уплачиваетъ долгъ Музыкальному Обществу!!?

Какъ Вамъ, вѣроятно, извѣстно, субсидіи правительства не достаетъ на покрытіе расходовъ по консерваторіи, каждый годъ консерваторія беретъ у Муз. Об-а дополнительную сумму. Эта сумма приписывается къ долгу консерваторіи М-у Об-у (всѣ знаютъ, что консерваторія никогда этого долга заплатить не можетъ), который, начавшись съ долга въ 22,785 р. (въ 1872—73 годъ), достигъ въ 83—84 году цыфры 144,701 р.

Все это, въ сущности, не особенно важно. Консерваторія и

Муз. Общ. раздѣлены на бумагѣ, но въ дѣйствительности эти два учрежденія можно разсматривать какъ одно цѣлое. Если правительство даетъ консерваторіи ежегодно 20.000 и не считаетъ это долгомъ, то тѣмъ болѣе естественно Музыкальн. Общ-у давать деньги на поддержаніе консерваторіи, имъ же основанной, и этихъ денегъ, въ сущности, долгомъ считать нельзя. Музык. Общ. даетъ концерты и доходъ (или вѣрнѣе часть дохода) употребляетъ на поддержаніе школы. Такое бы положеніе дѣлъ было бы вполнѣ естественнымъ. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ.

Здѣсь я сдѣлаю небольшое отступленіе для того, чтобы разъяснить теперешнее положеніе дѣла.

Въ іюнѣ 1878 г. былъ купленъ домъ Воронцова. Для этой цѣли у Третьякова и Алексѣева было взято 191,029 руб. (во всѣхъ цифрахъ я опускаю копѣйки). Купленный домъ былъ заложенъ въ кредитномъ обществѣ и полученными за это деньгами долгъ Третьякову и Алексѣеву былъ сполна уплаченъ въ 78-79 году. Въ этомъ году началась передѣлка дома, сдѣлавшаяся источникомъ тѣхъ денежныхъ затрудненій, которыя испытываетъ теперь Муз. Об-во и консерваторія. Она послужила началомъ долга Алексѣеву. До этого консерваторія должала Музык. Об-у, которое приходами съ концертовъ покрывало вполнѣ ея расходы. Муз. О-во и консерваторія, вмѣстѣ взятыя, не нуждались ни въ чьей помощи.

Наступаетъ передѣлка дома.

Въ 78-79 году расходы по дому бывш. Воронцова=41,904 р.
Въ этомъ году у Алексѣева занято 38,000 р.
Въ 79-80 г. расходы по дому бывш. Воронцова=42,091 р.
Долгъ А-ву увеличился, достигая 48,000 р.
Въ 80-81 г. расходы по дому бывш. Воронцова=12,609 р.
Долгъ А-ву достигаетъ 57,553 р.

Такимъ образомъ въ эти 3 года истрачено на домъ 96,596 р.

[слѣдующій годъ обходится безъ передѣлокъ и стоитъ—расходы на домъ—(80-81) 7,562 и (81-82) 6,038].

Въ 81-82 г. въ виду того, что долгъ Алексѣеву уплатить нечѣмъ, продается домъ, бывш. Архива. Его покупаетъ Юргенсонъ. Долгъ, бывшій на этомъ домѣ, Юргенсонъ беретъ на себя и, кромѣ того, вноситъ 50,000 Музыкальному Обществу. Такой экстренный приливъ денегъ все-таки не позволяетъ расплатиться съ Алексѣевымъ, но уменьшаетъ долгъ ему, который въ этомъ году (81-82)=30,500. (тридц. тысячъ пятьсотъ). Въ слѣдующемъ году (82-83) долгъ Алексѣеву увеличивается до 38,392 р. Еще годъ и онъ достигаетъ (83-84) 58,632 р.!!

Очевидно, что этотъ долгъ будетъ все болѣе и болѣе расти. На покрытіе его, кажется, больше нѣчего продать.

Такимъ образомъ, два учрежденія,—Муз. Об-во и Консерваторія, существуютъ только потому, что богатый купецъ ежегодно

даетъ имъ деньги. Какъ онъ перестанетъ это дѣлать или пожелаетъ получить обратно заплаченныя имъ деньги, такъ эти два учрежденія должны прекратить свое существованіе.

Главная цѣль тѣхъ людей, которые интересуются Муз. О-вомъ и Консерваторіей, должна заключаться въ томъ, чтобы освободить эти учрежденія отъ подобной зависимости.

Какими средствами эта цѣль можетъ быть достигнута?

а) уменьшеніемъ расходовъ и возможнымъ увеличеніемъ доходовъ по Музыкальному Обществу.

в) уменьшеніемъ расходовъ и увеличеніемъ доходовъ по Консерваторіи.

Въ томъ невозможномъ положеніи, въ которомъ эти два учрежденія находятся, слѣдуетъ буквально дорожить каждой копѣйкой. Такъ-ли поступаютъ лица, завѣдующія денежной частью этихъ учрежденій? Нѣтъ, они поступаютъ совершенно противоположнымъ образомъ. Они какъ бы намѣренно сорятъ деньгами и съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе запутываютъ дѣла Музык. Общества и Консерваторіи.

Прежде чѣмъ перейти къ расходамъ по концертамъ и по консерваторіи, не могу отказать себѣ въ удовольствіи сообщить Вамъ, что 1882-83 году издержано на иллюминацію 621 руб.!!! (см. отчетъ, стр. 28).

Расходъ по концертамъ за годъ до смерти Николая Григорьевича (1879-80) былъ:

на квартетныя собранія 2,945
на симфоническія 12,870 } =15,815

Въ 1883-84 (черезъ 4 года) расходы были

на квартетныя собранія 5,023
на симфоническія 31,643 } =36,666

т. е. увеличился почти въ $2^1/_2$ раза. Дальше отчетовъ у меня нѣтъ. Но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что расходы значительно увеличились.

Какъ я сказалъ, Дирекція какъ-бы систематически стремится къ цѣли--поставить Муз. Общество и Консерваторію въ безвыходное положеніе и въ виду этой задачи предпринимаетъ рядъ предпріятій, какъ, напр.,

увеличеніе почти вдвое жалованія Эрдмансдёрферу;

представленіе ему права составлять программы и приглашать по желанію иностранныхъ артистовъ, платя имъ по усмотрѣнію и не принимая въ соображеніе, представляетъ ли ихъ появленіе интересъ для публики (примѣръ: скрипачъ Петри, піанистъ Фридгеймъ, пѣвица Г-жа Іоахимъ);

плата консерваторскимъ профессорамъ денегъ за участіе въ концертахъ и недопущеніе ихъ въ оныхъ участвовать (примѣръ: Пабстъ и Гильфъ въ прошломъ году не участвовали въ симфоническихъ концертахъ);

составленіе контрактовъ, вродѣ контракта Г-жи Эйхенвальдъ,[1]) по которому она, имѣя одного ученика, получаетъ 500 руб. Будучи обязана играть въ 10 концертахъ за эту же цѣну и сыгравъ только въ 3-хъ, она, на основаніи этого контракта, требуетъ прибавки платы за каждый концертъ потому только что они называются экстренными, а контрактъ упоминаетъ лишь о симфоническихъ;

составленіе тайныхъ контрактовъ, вродѣ контракта съ Коммисаржевскимъ, [2]) по которому за огромную сумму онъ, между прочимъ, долженъ надзирать (странная обязанность, до сихъ поръ возлагавшаяся на профессоровъ!) за несуществующимъ классомъ, не находящимся въ учебномъ планѣ и программу котораго соотвѣтствующій профессоръ отказывается представить прежде, чѣмъ его увѣдомятъ, что онъ приглашенъ въ число профессоровъ; (я до сихъ поръ не знаю, какимъ способомъ это дѣло придетъ къ концу)

и т. д. и т. д.

Между тѣмъ плата учителямъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Консерваторія платила жалованья:

въ 77-78 году	47,553	р.
— 78-79 —	49,611	„
— 79-80 —	54,691	„
— 80-81 —	68,965	„
годъ смерти Ник. Гр.		
въ 81-82 году	66,322	„
— 82-83 —	66,393	„
— 83-84 —	75,985	„

(Муз. Общ. доплачивало нѣкоторымъ лицамъ $^1/_2$ изъ ихъ жалованія). Не буду продолжать выпись изъ отчетовъ. Вѣроятно, Вамъ и безъ того наскучило читать это письмо.

Но, повторяю, если мы съ Вами желаемъ принести не мнимую, а дѣйствительную пользу двумъ упомянутымъ учрежденіямъ, то намъ слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы они пришли въ такое положеніе, въ которомъ были ранѣе передѣлки дома. Пускай по прежнему Муз. Общество пишетъ на консерваторію сотни тысячъ долгу, но, взятыя въ своей совокупности, эти учрежденія должны довольствоваться доходами съ концертовъ и правительственной субсидіей, никому не должныя и не находясь ни у кого въ зависимости.

Единственнымъ средствомъ къ этому служитъ постоянная и строгая разсчетливость.

Итакъ, къ величайшему моему сожалѣнію и противъ моего желанія, я считаю себя вынужденнымъ не ограничиваться пассив-

[1]) Извѣстная арфистка, профессоръ Моск. Консерваторіи.

[2]) Ѳ. Коммисаржевскій, талантливый пѣвецъ Маріинскаго Театра въ 60-хъ годахъ. Отецъ знаменитой драм. артистки Вѣры Ѳедоровны Комиссаржевской.

ною ролью въ дирекціи, а, насколько позволятъ мои силы, вмѣшаться въ ея дѣла. Только препятствуя дирекціи поступать такъ, какъ она поступаетъ, можно сдѣлать что-нибудь полезное для консерваторіи и Музыкальнаго Общества, избавивъ ихъ отъ необходимости сдѣлаться неоплатными должниками (не знаю, возможно ли такое выраженіе) Алексѣева.

Предчувствую, что это мое намѣреніе должно повести ко многимъ непріятностямъ и можетъ окончиться превращеніемъ моимъ изъ директора въ недиректора.

Во всякомъ случаѣ и въ концѣ концовъ, Ваше нахожденіе въ дирекціи все таки важнѣе для меня, чѣмъ тотъ блескъ, который сообщило бы консерваторіи Ваше присутствіе въ ней въ качествѣ профессора.

Остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 2059. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Село Майданово. 28 Іюня 1885 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! извините, что не сразу отвѣчалъ. Мнѣ нездоровилось и нѣсколько дней я пера не могъ въ руки взять.

Очень радуюсь, что Вы не хотите быть пассивнымъ членомъ Дирекціи, но вѣдь я никогда не думалъ, что Вы можете быть пассивны. Напротивъ,—былъ увѣренъ, что Вы дѣятельно вмѣшаетесь въ хозяйство Муз. Общ. Но напрасно Вы предвидите непріятности. Всѣ искренно желаютъ, чтобы Консерваторія вылѣзла изъ долговъ, и я рѣшительно не понимаю, чего Вы опасаетесь. Кажется, Вы намекаете, что Алексѣевъ съ намѣреніемъ втягиваетъ Консерваторію въ долги, дабы имѣть больше власти и значенія. Но когда Вы ближе познакомитесь съ Алексѣевымъ,—Вы увидите, что ошибаетесь. Алексѣевъ очень честолюбивъ и не скрываетъ этого, но честолюбивыя цѣли его обширнѣе и выше диктаторства въ Муз. Общ. Онъ мѣтитъ въ Городскія Головы Москвы, онъ хочетъ играть роль человѣка властнаго и сильнаго въ сферахъ болѣе просторныхъ, чѣмъ Отдѣленія Музык. Общ. Человѣкъ онъ очень не щедрый, а жена его (необычайно скупая) рветъ на себѣ волосы съ отчаянія, что онъ тратитъ деньги на Консерваторію. Никакого удовольствія отъ своего диктаторства онъ не имѣетъ и очень радъ былъ бы, чтобы деньги къ нему вернулись. Характера онъ довольно сухого и черствaго, — но исключеніемъ въ этомъ отношеніи была его привязанность къ Ник. Григ., которая послѣ его смерти перешла на дѣло Муз. Общ. вообще. Онъ нѣкоторымъ образомъ приноситъ себя въ жертву. Говорю это нисколько не ослѣпленный, ибо особенной симпатіи къ нему не питаю. Но дѣловитость его, его умъ и энергію не могу не цѣнить и счелъ бы огромной утратой для дѣла, если-бы онъ ушелъ. Объ уменьшеніи тратъ онъ постоянно

думаетъ, но не знаетъ, что дѣлать.—Поддерживалъ Эрдмансдерфера, считая, что онъ теперь столбъ, на коемъ зиждется благополучіе М. О. Нравится мнѣ въ немъ его прямота. Говоря съ нимъ, Вы знаете, что онъ говоритъ именно то, что думаетъ. Убѣдить его возможно очень легко и Вы увидите, что онъ на всякія Ваши предложенія будетъ согласенъ, если они будутъ клониться къ общему благу, а такъ какъ они несомнѣнно будутъ таковы, то я увѣренъ, что никакихъ непріятностей отъ Алексѣева ждать нечего и что Вы съ нимъ поладите. Я распространяюсь такъ объ Алексѣевѣ, ибо, повторяю, чрезвычайно дорожу его участіемъ въ дѣлахъ Муз. Общ. и очень бы желалъ, чтобы Вы его тоже цѣнили за умъ и дѣятельность.

А за симъ отъ кого же ждать непріятностей? Не отъ меня же! А что касается Юргенсона и Третьякова, то въ ихъ сочувствіи Вамъ и въ ихъ готовности поддержать Васъ во всякомъ дѣлѣ, касающемся Муз. Общ. и Консерваторіи, не можетъ быть и сомнѣнія.

Въ Вашихъ планахъ сократить траты Консерваторіи Вы находите во мнѣ пламеннаго помощника и сочувственника, но въ подробностяхъ я еще не схожусь съ Вами во всѣхъ отношеніяхъ. Всего меньше я возмущаюсь большимъ жалованьемъ Эрдмансдёрфера. Что-нибудь одно: этотъ пришлецъ нуженъ намъ или не нуженъ. Если нуженъ или даже необходимъ, какъ многіе полагаютъ,—то отчего же не платить ему хорошо? Если для процвѣтанія Муз. Общ., для поддержанія престижа и наплыва членовъ нужно приглашать иностранныхъ артистовъ (вмѣсто того, чтобы ежегодно преподносить Фитценхагена и Гржимали), то отчего же и не приглашать? Если Вы мнѣ докажете, что всего этого не нужно, что Эрдмансдёрфера легко замѣнить кѣмъ-нибудь другимъ, болѣе дешевымъ, или что можно довольствоваться ежегоднымъ появленіемъ на эстрадѣ московскихъ артистовъ, — то, нечего и говорить, я первый буду радъ изгнанію пришлеца. Ибо каковъ бы онъ не былъ, а онъ пришлецъ и притомъ, вслѣдствіе бывшихъ съ нимъ исторій, ставшій въ фальшивое положеніе къ Консерваторіи. Вы имѣете много данныхъ, чтобы сдѣлаться капельмейстеромъ концертовъ Общества. Надѣюсь, что когда-нибудь и даже скорѣе, чѣмъ можно ожидать, такъ и случится. А покамѣстъ не удивляйтесь, что Эрдмансдёрферу биржевая котировка высока, и не возмущайтесь особенно противъ тѣхъ, которые дали ему увеличенное жалованье. Они искренно думали, что Эрдмансдёрфера нужно удержать во что бы то ни стало. Есть другая сторона дѣла, которая обращаетъ на себя мое вниманіе. Я не люблю всего того, что дѣлается для пусканія пыли въ глаза. И прежде всего—ежегодные спектакли класса Коммисаржевскаго. Голосовъ нѣтъ, пѣвческіе классы по составу ниже всякой критики, а мы даемъ спектакли, подмазываемъ негодный товаръ и продаемъ его за настоящій, годный.

Я усталъ, ибо все еще не совсѣмъ здоровъ. И потому не удивляйтесь, что на сей разъ пишу мало.

До свиданья, голубчикъ.

П. Чайковскій.

№ 1928. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Ессентуки. 28 Іюня 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ! Видите, какъ я усердно пишу Вамъ письма. Два письма кряду, не дожидаясь Вашего отвѣта. Послѣ завтра я ѣду въ Кисловодскъ. Если соберетесь мнѣ написать, то пишите туда до востребованія. Не писалъ ли Вамъ что-нибудь Третьяковъ объ фортепіанномъ профессорѣ для консерваторіи? Меня этотъ вопросъ очень интересуетъ. Сюда нѣсколько дней назадъ переѣхалъ изъ Пятигорска Буховцевъ, и мы ежедневно посвящаемъ съ нимъ нѣсколько часовъ на составленіе руководства для правильнаго употребленія педали. Въ основаніе его положена книжка нѣмецкаго автора Шмидта объ этомъ предметѣ, написанная уже 10 лѣтъ тому назадъ, но мало извѣстная. Въ ней заключается много очень полезныхъ правилъ и описывается нѣсколько пріемовъ, которые мало кому извѣстны, а между тѣмъ необходимы для произведенія многихъ фортепіанныхъ эффектовъ. Александръ Никитичъ по этому произведенію составилъ свое руководство, а я его проредактировалъ, очень тщательно выправилъ слогъ, который такъ же тяжелъ и расплывчатъ, какъ и его авторъ. Книжка вышла небольшая и очень полезная.

Мы съ Буховцевымъ совершаемъ прогулки верхомъ, онъ на своей лошади, а я на нанятой. Его лошадь называется „Васька“, росту небольшого и довольно смирная. Когда на нее садятся, она стоитъ какъ вкопанная. Въ Пятигорскѣ, на площади, Ал. Ник., слѣзая съ нея, упалъ, и тутъ она не пошевельнулась. Эти паденія, благодаря мягкости его тѣла, кончались до сихъ поръ совершенно благополучно, хотя въ первый разъ онъ упалъ назадъ, на голову и перевернулся такъ, что очутился лицомъ къ лошади. Мы выѣзжаемъ съ нимъ часу въ 6-мъ вечера. Усаживаніе на лошадь представляетъ нѣкоторыя затрудненія, хотя я и сажусь, сравнительно съ Бух., довольно свободно и безъ подставки, но все таки во время прогулки избѣгаю слѣзать съ лошади—изъ предосторожности. Три дня назадъ мы поѣхали по Кисловодскому шоссе. По дорогѣ попался небольшой домикъ. Ал. Никитичъ сейчасъ же захотѣлъ пить. Отыскалась дѣвочка лѣтъ 7-ми или 8-ми, которая взялась принести воды изъ ключа. Пока она ходила, А-у Н-чу показалось, что подпруга ослабла. Онъ началъ горько жаловаться на козака, который сѣдлалъ лошадь. „Что теперь дѣлать? ужъ я и такъ два раза падалъ по разнымъ причинамъ, а теперь придется упасть, потому что подпруга ослабла“.—„Александръ Ник-чъ, охотно бы я Вамъ помогъ, но

тоже опасаюсь слѣзать съ лошади, вдругъ какъ потомъ не сядешь".—Наконецъ Ал. Ник. слѣзъ и рѣшился подтянуть подпругу. Совершилось это довольно просто, но когда пришло время садиться, то потребовалась помощь дѣвочки, причемъ по заранѣе составленному плану, лошадь должна была быть заведена въ канаву, съ берега которой Ал. Н. долженъ былъ сѣсть, а дѣвочка держать противоположное стремя. „Держи крѣпче и налегай какъ можно сильнѣе", говорилъ Ал. Никитичъ, занося свою ногу съ берега канавы на сѣдло.

Вчера мы ѣздили по другой дорогѣ. Выѣхали изъ дома и, завернувъ въ переулокъ, наткнулись на маленькій ручеекъ. Ручеекъ этотъ такой ширины, что ребенокъ можетъ черезъ него перешагнуть; скорѣе это лужа, ибо у одного забора онъ исчезалъ вовсе и не тёкъ далѣе. Былъ возбужденъ вопросъ о переѣздѣ черезъ ручей. Я увѣрялъ, что переѣхать его очень легко, мой же спутникъ говорилъ, что осторожность не мѣшаетъ и что рисковать вообще опасно. Было мѣсто, гдѣ онъ говорилъ, что переѣхать не опасно,—близь забора, но къ несчастію этому препятствовалъ самъ заборъ, въ который лошади, по переѣздѣ, пришлось бы упереться. Наконецъ я показалъ примѣръ неустрашимости,—переѣхалъ и Ал. Ник., предварительно поѣздивъ взадъ и впередъ по берегу ручейка какъ бы для того, чтобы разсмотрѣть, не существуетъ ли болѣе безопаснаго переѣзда, наконецъ рѣшился послѣдовать за мною. (Какъ видите, мы обладаемъ различными качествами: я отличаюсь отвагой, рѣшительностью, пренебреженіемъ опасностями, онъ же, напротивъ того, предусмотрительностью, осторожностью и разсудительностью). Преодолѣвъ первую опасность, мы поѣхали далѣе.—„Вѣдь вотъ, если-бъ Васька вздумалъ на ручьѣ прыгнуть, мнѣ бы пришлось непремѣнно свалиться". — Только что были произнесены эти слова, какъ изъ подворотни выскочили двѣ собаки и начали лаять. „Онѣ Ваську за хвостъ хватаютъ"! въ испугѣ восклицалъ А. Ник., то направо, то налѣво—„вѣдь онъ можетъ брыкнуться и вотъ я чебурахнусь"! Проѣхали и собакъ. При выѣздѣ изъ Ессентукъ мостъ, а за мостомъ надо ѣхать въ гору. Поднялись. У Васьки какъ будто ослабла подпруга. Ал. Ник., не слѣзая, ее подтянулъ. Тогда возникъ вопросъ, не будетъ ли это слишкомъ туго и не произведетъ ли это дурного дѣйствія на Ваську. Обратились къ эксперту, пастуху, который на вопросъ: не туга ли подпруга? отвѣтилъ: туга, туга, а на вопросъ: если ее немного отпустить, не свалится ли сѣдло? говорилъ: можетъ свалиться. Между тѣмъ цѣлый гуртъ надвигался на насъ и коровы загородили дорогу. Эта опасность была велика, но представлялась болѣе легкою, чѣмъ предшествовавшая, ибо коровы скоро разойдутся по своимъ домамъ и на возвратномъ пути намъ не попадутся, между тѣмъ какъ собаки, ручей и, что всего ужаснѣе, гора, съ которой теперь придется спускаться, встрѣтятся намъ и на обратномъ пути. Мимо коровъ проѣхали благополучно и

вскорѣ повернули домой. Приближалась г о р а!—„Знаете что, Сергѣй Ив., сядемъ лучше на телѣгу, вонъ козаки ѣдутъ на волахъ.“—„Надо быть храбрымъ, Ал. Ник., и не терять присутствія духа; Вы меня пустите впередъ, да не поѣзжайте слишкомъ близко отъ меня, а то можете наѣхать на мою лошадь“.—„А не лучше-ли сойти съ горы пѣшкомъ“?—„Увѣряю Васъ, Ал. Ник., что нѣтъ никакой опасности.“ Съѣхавъ съ пригорка, я оглянулся и увидѣлъ наверху Ал. Ник., при помощи цыгана слѣзавшаго съ лошади. Взявъ ее подъ уздцы, онъ сталъ сходить съ горы. Переправившись черезъ мостъ, мы остановились.—„Ну, теперь Вамъ нужно садиться, Ал. Ник.!“ „А вонъ ѣдетъ мужикъ, онъ меня посадитъ“. Дѣйствительно, на мостъ въѣзжала телѣга.—Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ вдругъ Ал. Ник.—„Что такое?“—„Да это не мужикъ, а баба. Я такъ сдѣлаю: поведу Ваську къ забору, самъ влезу на плетень, а оттуда ужъ на сѣдло“.—„Да вѣдь на плетень-то еще труднѣе влезть, чѣмъ на лошадь“.—„А вотъ попробую“. Попытка не удалась.—„Смотрите, вонъ камень, съ него сразу влезете“. На этотъ разъ средство оказалось дѣйствительнымъ, и Ал. Ник. очутился наконецъ на сѣдлѣ.—„Однако, какъ я ловко вскочилъ“, сказалъ онъ. Поѣхали далѣе. Собаки опять выскачили и полаяли.—„На ту ли мы дорогу попали?“ Проходятъ бабы.—„Выѣдемъ тутъ на шоссе?“—„Выѣдете“, отвѣчаютъ бабы. „А ручья тамъ не будетъ?“—кричитъ имъ въ догонку Ал. Ник.—„Нѣтъ и ручей будетъ“. Оказывается, что мы ѣдемъ по прежней дорогѣ.—„Да Вы проѣзжайте немножко дальше, тамъ черезъ ручей и мостъ будетъ“, говоритъ какой-то вышедшій изъ дома человѣкъ, очевидно, бывшій свидѣтелемъ нашей недавней переправы.—„И крѣпкій?“ спрашиваетъ у него Ал. Ник.—„Крѣпкій, мостъ хорошій“. Мостъ дѣйствительно оказался въ указанномъ мѣстѣ, и черезъ двѣ минуты мы были дома, усталые и взволнованные случившимися съ нами событіями. Попили молока и легли спать.

По пріѣздѣ въ Кисловодскъ пришлю свой адресъ. Если соберетесь написать ранѣе этого, то пишите туда до в о с т р е б о в а н і я.

Остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1933. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

2 Іюля 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ! Пишу Вамъ съ спеціальною цѣлью сообщить Вамъ новый адресъ: Терская область, Кисловодскъ, близъ церкви, д. Егора Гайвелева.

Мѣстность здѣсь чудная, виды одинъ другого лучше, прогулки можно дѣлать превосходныя. Имѣю здѣсь знакомыхъ: Иванюковъ,

Ковалевскій, Глѣбъ Успенскій и Михайловскій живутъ здѣсь. Я видаюсь съ ними постоянно и вмѣстѣ дѣлаю прогулки. Завтра поѣдемъ въ аулъ на праздникъ. Чувствую себя превосходно, купаюсь въ нарзанѣ, ничего не дѣлаю.

Жду Вашего письма и остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

Книжку о педали окончили съ Буховцевымъ.

Нѣтъ ли извѣстій отъ Третьякова?

№ 2062. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Майданово. 8 Іюля 1885 г.

Извините, милый Сергѣй Ивановичъ, что давно не писалъ. Я былъ довольно долго нездоровъ, потомъ заваленъ корректурой оперы, которую нужно приготовить, во чтобы то ни стало, къ концу мѣсяца; да еще въ промежуткахъ между дѣломъ и бездѣльемъ доканчивалъ черновые эскизы симфоніи, которая мнѣ надоѣла ужасно, и я ощущалъ потребность поскорѣй развязаться съ ней и дать ей недѣли три полежать.

Отъ Третьякова до сихъ поръ еще не имѣю извѣстій относительно приглашенія Сафонова [1]) и т. д. Я напишу ему и напомню объ обѣщаніи. Кстати, у меня есть просьба къ Вамъ. Въ случаѣ, если понадобится фортепіанный учитель для Консерваторіи, я очень прошу Васъ взять Пахульскаго, [2]) окончившаго съ медалью у васъ курсъ. Могу рекомендовать его, какъ очень дѣльнаго учителя.

Былъ я на дняхъ по дѣлу въ Консерваторіи. Видѣлъ Альбрехта, цвѣтущаго здоровьемъ и очень веселаго. Конечно, его нимфа Эгерія, т. е. Анна Константиновна была тутъ же. На лицо были тоже генералъ, Лангеръ и другой секретарь. Подъ конецъ моего посѣщенія явился Кашкинъ, несмотря на ранній часъ дня, въ состояніи пріятнаго опьяненія.—Губерты уѣхали въ концѣ мѣсяца въ Карлсбадъ.—Вотъ и все, что могу Вамъ сообщить о Консерваторіи. Судя по Вашимъ послѣднимъ письмамъ, Вы находитесь въ хорошемъ состояніи духа и тѣла, чему я ото всей души радуюсь. Знаете ли, что мой братъ, Анатолій, назначенъ прокуроромъ въ Тифлисъ и ѣдетъ туда въ августѣ? Это обстоятельство послужитъ мнѣ предлогомъ въ ближайшемъ будущемъ побывать на Кавказѣ. Подъ ближайшимъ будущимъ я подразумѣваю, однако, будущую весну. Я, кажется, нашелъ наконецъ мѣстечко для окончательнаго устройства, недалеко отсюда, въ деревнѣ, называемой Кошелево. Вчера я ѣздилъ туда и остался очень доволенъ. Очень уединенный, милый уголокъ.

[1]) Василій Ильичъ Сафоновъ, піанистъ, ученикъ Брассена, впослѣдствіи Директоръ Моск. Консерваторіи и дирижеръ оркестра.

[2]) Генрихъ Пахульскій, піанистъ и композиторъ, преподаватель Моск. Консерваторіи.

Кажется, я никуда не поѣду и думаю, что къ Вашему возвращенію буду находиться здѣсь, въ Майдановѣ.

Имѣлъ письмо отъ Лароша. Оригиналенъ. Онъ поселился въ Куопіо въ Финляндіи, восторгается мѣстомъ, но, судя по письму, хандритъ и ничего путнаго не дѣлаетъ.

Получили ли Вы мое письмо, гдѣ я Алексѣева расписывалъ въ розовыхъ краскахъ? Пока довольно. Въ скоромъ времени опять Вамъ напишу и нѣсколько болѣе путно, чѣмъ теперь.

Будьте здоровы, голубчикъ!

Искренно преданный П. Чайковскій.

№ 2072. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Майданово. 10 Іюля 1885 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Посылаю Вамъ письмо Третьякова по интересующему Васъ предмету. Сафонову я сегодня написалъ. По полученіи его отвѣта, немедленно напишу Вамъ. Въ случаѣ его отказа, лучше всего будетъ обратиться къ Боровкѣ. [1]) — Возвратите мнѣ письмо Третьякова и аттестацію Боровки.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 1943. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

13 Іюля 1885 г., 10 час. утра.

Милый Петръ Ильичъ. Сейчасъ получилъ Ваше письмо отъ 8-го Іюля и отвѣчаю Вамъ гораздо короче, чѣмъ намѣревался. Причина этому та, что сію минуту ѣду на прогулку, которая, вѣроятно, продолжится дней пять—именно: на гору Бермамутъ (верстъ 40 отсюда) въ коляскѣ, съ этой горы будемъ разсматривать Эльбрусъ при солнечномъ восходѣ, а оттуда ѣдемъ верхомъ къ пастушечьему народу,—карачаевцамъ, живущимъ у подошвы Эльбруса. Ковалевскій ѣдетъ изслѣдовать бытъ этого народа. Кромѣ него ѣдутъ: Иванюковъ, Михайловскій и полковникъ Аглинцевъ, знающій хорошо здѣшнюю мѣстность. По возвращеніи напишу Вамъ. Мнѣ здѣсь такъ нравится, что, вѣроятно, и будущій годъ сюда пріѣду для совершенія какого-нибудь путешествія. Ничего не дѣлаю и нахожу, что это превосходно. Цѣлый день на воздухѣ и чувствую себя какъ нельзя лучше. Получилъ ранѣе письмо Ваше о консерваторскихъ дѣлахъ, но теперь некогда отвѣчать.

Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1948. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Кисловодскъ. 19 Іюля 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ! Завтра выѣзжаю въ путешествіе, ко-

[1]) І. А. Боровка, піанистъ, ученикъ Лешетицкаго, много времени стоявшій во главѣ С.ПБ. Музыкальной Школы.

торое продолжится 20 дней. Мы сдѣлали перевалъ черезъ Кавказскій хребетъ близь Эльбруса, что представляетъ очень большія трудности (Урусбіевскій перевалъ). Потомъ поѣдемъ въ Сванетію, сначала въ княжескую, потомъ въ вольную.

Писемъ не ждите, а пишите въ Кутаисъ до востребованія. Наше путешествіе обставлено очень большими удобствами: насъ провожаетъ владѣлецъ перевала Измаилъ Урусбіевъ. Лошади и проводники будутъ вездѣ готовы.

Ѣдетъ съ нами также извѣстный фотографъ Ермаковъ.

Некогда писать подробно. Пора спать, завтра утромъ выѣзжаемъ.

Очень бы желалъ заполучить Сафонова, но не Боровку, ибо объ Боровкѣ ни отъ кого никакихъ похвалъ не слышалъ, да къ тому же онъ совершенно неизвѣстенъ какъ піанистъ и, кажется, въ концертахъ никогда не играетъ. Не приглашайте лучше этого Боровку.

До свиданія. Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1963. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Вольная Сванетія. Давбери (Кальское общество).
8 Августа 1885 г.

Сдѣлали перевалъ черезъ снѣговыя горы. Все время шелъ дождь, дорога была невѣроятно трудная. Послѣ перевала погода совершенно исправилась, и мы совершаемъ чудесное путешествіе по Сванетіи. Нѣсколько разъ ночевали на открытомъ воздухѣ, иногда подъ дождемъ. Теперь никакихъ особенныхъ трудностей не предстоитъ, и дней черезъ 5 будемъ въ Кутаисѣ.

С. Танѣевъ.

№ 2020. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

3 Сентября 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ! Такъ какъ адреса Сафонова я не знаю, а Вамъ онъ извѣстенъ, то рѣшаюсь утруждать Васъ просьбою: пошлите Сафонову телеграмму съ вопросомъ, когда онъ будетъ въ Петербургѣ. Я думаю, что всего будетъ лучше мнѣ туда съѣздить и съ нимъ переговорить. Если послать письмо, то оно можетъ съ нимъ разойтись (можно навѣрное сказать, что это случится: онъ пишетъ, что 5-го числа уѣзжаетъ изъ Пильница). Требованія его, повидимому, согласуются съ обычаями петербургской консерваторіи, но совершенно не соотвѣтствуютъ нашимъ. Будетъ очень жаль, если Сафоновъ станетъ упорствовать въ своихъ требованіяхъ. Придется выписывать какого-нибудь нѣмца. Между тѣмъ человѣкъ 20 остается безъ учителя. Печальное положеніе. 6-го числа на засѣданіи Дирекціи увидимся и поговоримъ подробнѣе. Пожалуйста, пошлите телеграмму. Про-

стите, что Вамъ доставляю безпокойство, но ничего другого сдѣлать нельзя.

До свиданія. Искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 1997. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

14 Сентября 1885 г.

Милый Петръ Ильичъ. Вчера я пріѣхалъ изъ Петербурга. Сафоновъ значительно сбавилъ свои требованія. Я телеграфировалъ въ Москву, прося назначить засѣданіе Дирекціи, которое вчера и состоялось. Дирекція приняла условія Сафонова, о чемъ я ему телеграфировалъ. Такимъ образомъ профессоръ искомый нашелся. Сообщая Вамъ это радостное извѣстіе, я къ нему присоединяю мою искреннѣйшую благодарность за хлопоты по этому дѣлу и за переписку съ Сафоновымъ, благодаря которымъ мы наконецъ обезпечены относительно форт. профессора. При свиданіи разскажу подробно объ условіяхъ.

Преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 2109. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Майданово. 11 Декабря 1885 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Всѣ эти дни я провелъ въ колебаніи относительно того, какъ Вамъ отвѣчать на избраніе меня въ почетные члены.

Не могу заставить себя написать Вамъ письмо въ оффиціальномъ тонѣ; все кажется, что это будетъ какая-то комедія, а такъ какъ я дѣйствительно тронутъ, то не хочется обращать все это въ шутку. Поэтому я ограничиваюсь выраженіемъ простой моей благодарности, очень живой и искренней, а если нужна оффиціальная, то въ субботу (я буду въ Москвѣ утромъ и заѣду къ Вамъ въ Консерваторію) я попрошу Николая Прокофьича сочинить мнѣ такое письмо.

Возвратилась ли Варвара Павловна? Я до того погруженъ въ корректуры „Манфреда", такъ тороплюсь съ нимъ, что, ей Богу, не нахожу времени побывать въ Демьяновѣ. Впрочемъ, можетъ быть, сегодня или завтра все-таки найду возможнымъ побывать тамъ. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что милая мамаша проститъ мнѣ, что не навѣстилъ ее здѣсь по сосѣдству, если окажется, что разлетѣвшись въ Демьяново, я ее не застану тамъ.

До свиданья, голубчикъ! Представьте себѣ, что я ликую при мысли, что услышу I-ю симфонію Бетховена. Я самъ не подозрѣвалъ, что такъ люблю ее. Должно быть это оттого, что она на моего бога, — Моцарта, похожа. Имѣйте въ виду, что 27 октября 1887 г. нужно праздновать столѣтіе „Донъ-Жуана".

Вашъ П. Чайковскій.

№ 2292. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Орловской губ. Карачевъ, сельцо Селище. 6 Іюля 1886 г.

Милый Петръ Ильичъ. Пишу Вамъ наудачу, не знаю навѣрное, вернулись Вы или нѣтъ. Несмотря на то, что я собирался вступить съ Вами въ переписку во время Вашего путешествія, я не написалъ Вамъ ни разу. Меня въ этомъ нельзя особенно обвинять, потому что я въ теченіе всего мая буквально измучался экзаменами и уроками. Каждый день въ консерваторіи съ 9 час. утра до обѣда, а вечеромъ фортепіанные уроки. Это было время ужасное. Подъ конецъ экзаменовъ у меня даже разъ произошелъ нервный припадокъ, и я долженъ былъ призвать доктора. Впрочемъ, теперь я совершенно здоровъ и чувствую себя какъ нельзя лучше. Очень много играю на ф.п., немного сочиняю, вписываю въ партитуру сдѣланный мною переводъ Израиля въ Египтѣ. Самсона мнѣ не удалось цѣликомъ исполнить передъ Вами, авось съ Израилемъ буду счастливѣе. Въ консерваторіи дѣлаются передѣлки: сломали стѣну, отдѣлявшую двѣ залы, и начинаютъ строить хоры для 2-го органа.

Здѣсь всѣ Масловы, за исключеніемъ Софьи Ивановны, которая лѣчилась въ Одессѣ и на дняхъ сюда пріѣдетъ. 13-го Іюля сюда пріѣдетъ Маковскій. Хорошо бы, если бы и Вы къ намъ тоже собрались. Кашкинъ хотѣлъ въ нынѣшнемъ году пріѣхать.

Масловы велятъ Вамъ кланяться и передать, что ожидаютъ Васъ въ Селище. Наливка, грибы и пр. удовольствія Васъ ожидаютъ по прибытіи сюда.

Что Вы теперь пишете? Готова ли опера? Не сочините ли Вы какого нибудь произведенія для 2-хъ ф.п.?

Былъ у Васъ и взялъ Бухстехуда и Баха.

Ожидаю отъ Васъ извѣстія и остаюсь искренно преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

I-й годъ моего директорства окончился довольно хорошо и прошелъ вообще благополучно.

Готова ли Моцартовская сюита, переводъ Донъ-Жуана и статья о Моцартѣ?

№ 2209. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва. 29 Іюля 1886 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Пишу Вамъ изъ Москвы, гдѣ я застрялъ по случаю бывшаго вчера потопа. Не успѣлъ, вслѣдствіе его, исполнить всѣхъ своихъ дѣлъ и покупокъ,—и вотъ приходится проскучать лишній день. Пріѣзжалъ я сюда, чтобы присутствовать на двухъ торжественныхъ богослуженіяхъ, въ коихъ пѣлъ находящійся подъ моимъ покровительствомъ хоръ

Хорового Общества. У нихъ новый регентъ, вмѣсто В. С. Орлова. Пѣли хорошо,—но что за ужасный репертуаръ! Я возмущался, что въ учрежденіи, въ коемъ и я какую-то роль играю,—поются такія безобразія. Но на это мнѣ отвѣчаютъ, что пока хоръ не упрочился, необходимо потакать дурному вкусу здѣшнихъ любителей церковнаго пѣнія. Что тутъ дѣлать! Добро бы пѣли Бортнянскаго,—а то сочиненія какого-то Дворецкаго, Яковлева, какого-то архимандрита и т. д. Не знаю, чего въ нихъ больше: бездарности или невѣжества! Между прочимъ, въ эту программу затесался „Отче нашъ" Моцарта!!??? Я совершенно увѣренъ, что это не Моцартъ, но откуда у нихъ взялся этотъ номеръ?

Погода стоитъ убійственная. Никуда нельзя, вотъ уже два дня, носа показать. Одно средство—пьянствовать въ трактирѣ, что я и сдѣлалъ. И представьте, кого я нашелъ у Тѣстова??? Звѣрева, котораго считалъ полуумирающимъ. Онъ совершенно оправился и ѣстъ больше, чѣмъ когда-либо. Жалко смотрѣть, что онъ спѣшитъ поскорѣе снова разстроить себя,—но радъ былъ видѣть его въ обычной трактирной обстановкѣ. Конечно, и Ремизовъ былъ при немъ.

По моему, Вамъ слѣдующій весь годъ можно пропутешествовать. Въ два года дѣло наладится, и Вы смѣло можете годъ посвятить отдыху и катанью по Европѣ. Я очень, очень совѣтую Вамъ не откладывать Вашего намѣренія далѣе будущаго года.

Я нахожу, Сергѣй Ивановичъ, что Вы слишкомъ много играете. Зачѣмъ 6 часовъ!!! Два было бы совершенно достаточно. При Вашей превосходной памяти для репертуара болѣе 2-хъ часовъ—не нужно. А техника, мнѣ кажется, не нуждается, чтобы Вы себя такъ мучали. Сожалѣю, что пишете квартетъ. Я бы предпочелъ, чтобы Вы писали что-нибудь симфоническое, напр., увертюру что ли?

Обнимаю Васъ! Всѣмъ поклонъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 2327. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 4 Августа 1886 г.

Милый Петръ Ильичъ! Вчера получилъ Ваше письмо. Правда, что мнѣ не слѣдовало играть по 6 часовъ. Я натрудилъ руки и вотъ уже нѣсколько времени не могу играть. Впрочемъ, теперь, кажется, все прошло. Я отчасти былъ радъ этому случаю, давшему мнѣ возможность съ спокойной совѣстью заняться сочиненіемъ. Я могу теперь съ увѣренностью сказать, что къ пріѣзду въ Москву кончу квартетъ. Осталось только досочинить среднюю небольшую часть. Квартетъ состоитъ изъ трехъ частей. 1-я Allegro moderato въ $^2/_4$, 2-я Allegro vivace въ $^3/_4$ и послѣдняя тема съ VIII варіяціями, очень разнообразными, по образцу тѣхъ, которыя встрѣчаются у Васъ. Квартетъ этотъ, который

мнѣ въ настоящую минуту представляется лучшимъ, чѣмъ мои прежнія сочиненія, я намѣреваюсь украсить Вашимъ именемъ по примѣру Моцарта, который свои первые квартеты посвятилъ Гайдну [впрочемъ, этотъ примѣръ не годится, такъ какъ Гайднъ не былъ учителемъ Моцарта] Во всякомъ случаѣ, Вы его прежде просмотрите!

Завтра уѣзжаютъ Маковскіе, — отецъ и сынъ. Погода все время была отвратительная, теперь же настали прелестные дни. Не собираетесь ли Вы пріѣхать въ Селище? Если увидите Кашкина, поощрите его къ этому.

Масловы Вамъ кланяются.

Остаюсь преданный Вамъ С. Танѣевъ.

Что дѣлаетъ Чародѣйка?

№ 2217. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

2 Сентября 1886 г.

Голубчикъ Сергѣй Ивановичъ! у меня на душѣ два дѣла, которыя я желалъ бы разрѣшить, и прошу Васъ помочь мнѣ въ этомъ.

1) Насчетъ Матросевича. Потрудитесь призвать его, сказать, что я просилъ Васъ за него, а что Вы, въ виду того-то и того-то, рѣшаете то-то и то-то. Частнымъ образомъ я готовъ помочь ему, если онъ нуждается.

2) Насчетъ Борисоглѣбскаго. [1]) Законъ вѣдь обратнаго дѣйствія не имѣетъ, и такъ какъ Борисоглѣбскій былъ прежде комплектнымъ, то, если не ошибаюсь, я могу ограничиться сторублевой платой. А, впрочемъ, не знаю. Рѣшайте, какъ хотите. Если никакъ нельзя иначе, то я, пожалуй, и всѣ 200 буду платить. Но только мнѣ хочется, чтобы это обстоятельство было разъяснено. Во всякомъ случаѣ, я не допущу, чтобы онъ изъ-за бѣдности покинулъ Консерваторію.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 2373. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

16 Сентября 1886 г.

Авторитетъ человѣка, имѣвшаго въ рукахъ подлинную партитуру Донъ-Жуана, заставилъ меня вчера нѣсколько усумниться въ точности моихъ свѣдѣній, касающихся этого произведенія. Петръ Ильичъ Чайковскій, или, какъ онъ себя называетъ, „самъ“ говоритъ, что первый финалъ Донъ-Жуана оканчивается хоромъ! Хотя я и былъ увѣренъ въ томъ, что онъ ошибается, но тѣмъ не менѣе моя увѣренность нѣсколько поколебалась. Теперь, справившись съ нотами, могу ему сообщить, что начиная съ

[1]) Въ 90-хъ годахъ артистъ Маріинскаго Театра, баритонъ.

C-dur'наго менуэтта, хоръ вовсе отсутствуетъ въ финалѣ 1-го акта, что этотъ финалъ оканчивается C-dur'нымъ септетомъ (Д. Анна, Эльвира, Церл., Окт., Маз., Донъ-Жуанъ и Лепорелло) и что участіе хора есть злоупотребленіе, которое позволяютъ себѣ дирижеры, не стѣсняющіеся измѣнять Моцарта и прибѣгать къ эффектамъ, которыхъ онъ вовсе не желалъ.

Пользуюсь случаемъ, чтобы увѣрить Васъ въ точности моей справки и въ моей искренней Вамъ преданности.

С. Танѣевъ.

№ 2727. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Орловской губ., Карачевъ, Селище. 3 Іюля 1887 г.

Милый Петръ Ильичъ! Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я у Масловыхъ. Чувствую себя довольно хорошо; играю, гуляю, сочиняю, ѣзжу верхомъ, купаюсь, сотрудничаю въ журналѣ. Сочиняю ежедневно свою будущую оперу [1]) (пожалуйста, не забудьте, что это таіна, о которой я даже здѣсь никому не говорю) и получаю большое удовольствіе отъ этого занятія. Я взялъ съ собой разныя сочиненія греческихъ писателей Эсхила, Софокла, Еврипида, а также спеціальныя сочиненія о ихъ произведеніяхъ вообще, объ Эсхилѣ въ частности. Занимаюсь чтеніемъ оныхъ примѣнительно къ моей будущей оперѣ и нахожу, что сочиненіе оперы есть самое осмысленное и привлекательное занятіе. Полагаю, что черезъ три года кончу все, а если удастся имѣть отпускъ хоть мѣсяца на три, то и раньше. Инструментовку обдумываю подробно. Тромбоны будутъ въ двухъ мѣстахъ: въ сценѣ Агамемнона (маршъ при его появленіи, его обращеніи къ народу и проч.),—здѣсь они будутъ для приданія большаго блеска, воинственнаго характера и для выдѣленія этой сцены изъ стоящихъ съ ней рядомъ, и затѣмъ въ началѣ III акта, гдѣ элементы ужаснаго, которые занимали много мѣста и въ предшествующихъ актахъ, достигаютъ высшей степени напряженности въ сценѣ, гдѣ Ореста преслѣдуютъ фуріи. Можетъ быть, тромбоны будутъ и въ самомъ концѣ, въ апоѳеозѣ,—объ этомъ я еще порядкомъ не думалъ. Трудную задачу представляетъ выразить рельефно все сверхестественное въ драмѣ, такъ чтобы оно ясно отдѣлялось отъ прочихъ частей тѣмъ болѣе, что самое это сверхестественное представляетъ очень разнообразные оттѣнки, заключая въ себѣ съ одной стороны элементы мрачнаго (видѣнія Кассандры, тѣнь Агамемнона, фуріи), съ другой—свѣтлаго (Аполлонъ и другіе Олимпійскіе боги). Не знаю, что получится въ результатѣ, но стараній я приложу много, чтобы все сдѣлать какъ слѣдуетъ, и времени жалѣть не буду. Вообще получаю удовольствіе отъ своей работы. Одно только отравляетъ это удовольствіе—мысль, что черезъ $1^1/_2$ мѣсяца я опять лишусь

[1]) „Орестея".

свободы, долженъ буду прервать работу и заняться вступительными экзаменами и переэкзаменовками.

Вы что теперь творите? Переѣхали ли Вы въ Боржомъ и довольны ли своимъ мѣстопребываніемъ? Масловы кланяются. Жду письма.

С. Танѣевъ.

№ 2321. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Аахенъ. 22 Іюля 1887 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Кажется, 20 мая я выѣхалъ изъ Москвы. Проѣхалъ всю Волгу; изъ Астрахани, моремъ, плылъ до Баку, оттуда по чугункѣ въ Тифлисъ. Изъ Тифлиса я, вмѣстѣ съ братомъ Анатоліемъ и его семьей, переѣхалъ въ Боржомъ 10 іюня. Тамъ я пилъ минеральныя воды, (по составу близкія съ Виши) бралъ ванны, наслаждался необычайно разнообразными и чудными прогулками, почти ничего не дѣлалъ, читалъ, ѣлъ, пилъ, винтилъ, словомъ, благодушествовалъ,—какъ вдругъ получилъ телеграмму отъ больного пріятеля моего, Кондратьева, въ коей онъ умоляетъ меня пріѣхать въ Аахенъ, куда его привезли полумертваго и гдѣ онъ нуждался въ присутствіи и сочувственномъ участіи близкаго человѣка. Съ первымъ же пароходомъ я поѣхалъ въ Одессу изъ Батума, оттуда въ Вѣну и сюда. Очень жаль, что пришлось разстаться съ Боржомомъ, который былъ мнѣ очень по сердцу. Я очень тосковалъ дорогой; теперь некогда предаваться сожалѣнію и нытью, и Кавказъ уже канулъ въ бездну прошлаго. Какъ о какомъ-то сладкомъ снѣ вспоминаю Боржомъ. Аахенъ очень несимпатиченъ, хотя, какъ всякій нѣмецкій городъ, чистъ, благоустроенъ и представляетъ всѣ условія для матеріальнаго благополучія, коимъ я и жирую. Что касается духа, то онъ какъ бы нѣсколько удрученъ, но, впрочемъ, немного. Ничего за все лѣто не сдѣлалъ, если не считать Моцартовской сюиты, которую я, наконецъ, инструментовалъ (еще очень немного осталось додѣлать). Здѣсь объ работѣ и думать нечего.

Очень радуюсь, что Вы работаете, и что работа доставляетъ Вамъ удовольствіе. По части консерваторскихъ дѣлъ скажу Вамъ, что мнѣ достовѣрно извѣстно, что К. Ю. Давыдовъ охотно бы принялъ предложеніе быть профессоромъ у насъ. Что Вы объ этомъ думаете? Нельзя ли Фитценхагена въ Петербургъ пристроить? Конечно трудно, а хорошо бы Давыдова имѣть въ средѣ нашихъ профессоровъ.

Будьте здоровы, милый Сергѣй Ивановичъ! Въ началѣ сентября буду не надолго въ Москвѣ и увижу Васъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 2760. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Орловская губ., Карачевъ, с. Селище. Масловымъ.
29 Іюля 1887 г.

Милый Петръ Ильичъ! Я написалъ Вамъ давно письмо, адресовавъ оное въ Тифлисъ Анатолію Ильичу. Такъ какъ Вы всегда необыкновенно аккуратно отвѣчаете, то я думаю, что оно до Васъ не дошло, тѣмъ болѣе, что я послалъ его не заказнымъ, а на Кавказѣ письма часто пропадаютъ. Въ Боржомѣ ли Вы? Хорошо ли тамъ? Когда ѣдете за границу? Сочиняете ли что нибудь? Очень буду радъ получить отъ Васъ сообщеніе. Я здѣсь все лѣто. Ждали Кашкина, написавшаго, что онъ выѣзжаетъ 20-го Іюля, но тщетно: вотъ уже наступаетъ Августъ, а его нѣтъ. Я все лѣто занимался и игрою, и композиціей. Писалъ оперу (не забудьте, что это тайна). Очень интересное занятіе, жаль, что скоро придется его перервать изъ-за выпускныхъ экзаменовъ. Ужасно подумать, что черезъ какія нибудь 2 недѣли я лишусь своей свободы. Когда Вы вернетесь въ Майданово?

Масловы Вамъ очень кланяются. Лидія Николаевна проситъ передать Вамъ свое почтеніе, если только Вы ее не забыли. Жду отъ Васъ извѣстія и остаюсь любящій Васъ

С. Танѣевъ.

№ 2792. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 13 Августа 1887 г.

Милый Петръ Ильичъ. Я сейчасъ получилъ ужасное извѣстіе: Антоша [1]) сошелъ съ ума и его везутъ въ Казань, въ лѣчебницу. Послѣднее для меня совершенно непонятно: почему въ Казань, а не въ Москву и не въ Петербургъ. Въ Москвѣ узнаю о подробностяхъ.

Съ Фитценхагеномъ контрактъ уже заключенъ. Карла Юліевича [2]) нельзя пригласить въ качествѣ профессора віолончели. Между тѣмъ имѣть его въ консерваторіи было бы для нея величайшимъ пріобрѣтеніемъ. Не возьметъ ли онъ, напр., классъ композиціи и инструментовки? или можетъ быть классы ансамбля? Откуда Вы имѣете свѣдѣнія о его желаніи быть профессоромъ консерваторіи? Я, напротивъ того, слышалъ, что онъ никакого отношенія къ музыкальному обществу имѣть не хочетъ. Очень былъ бы радъ, если-бы Ваши свѣдѣнія оказались вѣрными. Вотъ что нельзя ли сдѣлать? Пригласить его въ качествѣ профессора віолончели, такъ чтобы у насъ ихъ было—2? Вѣроятно можно разсчитывать, что при его вступленіи многіе пожелаютъ у него учиться и эти вступившіе оплатятъ расходы на него. Впрочемъ, объ этомъ надо думать, а мнѣ никакой охоты нѣтъ ни о чемъ думать.

[1]) А. С. Аренскій.
[2]) Давыдова.

Бѣдный Антоша! Можетъ ли быть что нибудь ужаснѣе, какъ сознавать, что находишься въ сумашедшемъ домѣ, въ одиночномъ заключеніи. Лучше бы онъ умеръ. Жена его должна скоро родить. У него религіозная манія. Онъ говоритъ, что много грѣшилъ и уговариваетъ всѣхъ покаяться.

Я 15 Августа ѣду въ Москву. Не знаю, застанетъ ли письмо это Васъ въ Ахенѣ.

Вашъ С. Танѣевъ.

№ 2304. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

18 Августа 1887 г.

Извѣстіе объ Аренскомъ тѣмъ болѣе потрясло меня, что я нахожусь уже 5 недѣль около умирающаго и сильно страдающаго человѣка и испытываю непрестанные нравственные мученіе, ужасно сильно дѣйствующіе на меня. Меня пугаетъ въ болѣзни Аренскаго то, что это не припадокъ остраго умопомѣшательства, а религіозоманія. Послѣдняя, кажется, неизлѣчима, а, впрочемъ, не будемъ терять надежды.

О желаніи и даже страстномъ желаніи К. Ю. Давыдова быть приглашеннымъ къ намъ мнѣ говорила Алекс. Аркадьевна, жена его, и она съ своей стороны даже уже пыталась дать А. Г. Руб. мысль пригласить Фитценгагена въ Петербургъ, чтобы очистить мѣсто К. Ю. Думаю, что если она и преувеличиваетъ, то все-таки доля истины въ ея словахъ есть.

Черезъ недѣлю я надѣюсь вырваться отсюда.

До свиданья, дорогой Сергѣй Ивановичъ.

Вашъ П. Чайковскій.

№ 2350. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

2 Сентября 1887 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Симонъ [1]) мнѣ передалъ, что Вы проѣдете 5-го числа въ Петербургъ. Напишите мнѣ, съ какимъ поѣздомъ; я пріѣду на станцію. Въ Москву мнѣ теперь не придется съѣздить. Страшно хотѣлось бы остаться въ Майдановѣ какъ можно дольше; если меня не потребуютъ до 8-го числа въ театръ на репетиціи „Чародѣйки", я рѣшительно не поѣду на юбилей. Во 1-хъ, меня никто не зоветъ, а во 2-хъ, я страшно нуждаюсь въ отдыхѣ и одиночествѣ.

До свиданія, милый Сергѣй Ивановичъ! Я ужасно радъ, что Аренскому лучше.

Вашъ П. Чайковскій.

[1]) Антонъ Юльевичъ, композиторъ, проф. фп. игры въ Училищѣ Филармоніи и завѣдующій оркестрами Моск. Имп. Театровъ.

№ 2866. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 30 Октября 1887 г.

Милый Петръ Ильичъ! Съ Фитценхагеномъ устроилось все очень легко: хотя онъ бы былъ готовъ участвовать въ Вашемъ концертѣ, но ничего не имѣлъ также противъ того, чтобы не участвовать и отложить на нѣкоторое время исполненіе своей сюиты. Сегодня утромъ вмѣстѣ съ Николаемъ Дмитріевичемъ [1]) велъ переговоры съ Брандуковымъ. [2]) Мы его уговаривали играть въ Вашемъ концертѣ. Мнѣ казалось особенно умѣстнымъ участіе въ этомъ концертѣ двухъ Вашихъ бывшихъ учениковъ: его и меня. Брандуковъ сказалъ, что большой Вашей пьесы,—варіацій, онъ не играетъ и не можетъ въ короткій срокъ приготовить. Что же касается до новой пьесы, то она слишкомъ коротка, какъ главная сольная пьеса, и онъ ее предполагалъ сыграть вторымъ №, на bis, въ томъ симфоническомъ собраніи, гдѣ онъ хотѣлъ выступать съ собственнымъ концертомъ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ такъ: если дирекція участія его въ Вашемъ концертѣ не будетъ принимать въ счетъ, а допуститъ его еще разъ играть въ одномъ изъ собраній, то онъ согласенъ играть въ Вашемъ концертѣ, если нѣтъ—нѣтъ. Вопросъ этотъ я представилъ на разсмотрѣніе Петра Ивановича [3]) и Константина Сергѣевича. [4]) Оба они рѣшили такъ, что играть два раза въ сезонѣ одному солисту—это слишкомъ много, особенно віолончелисту (инструментъ наименѣе любимый публикой), тѣмъ болѣе, что Брандуковъ уже игралъ у насъ въ прошломъ году. Къ этому еще присоединяется такое затрудненіе, что надо объ этомъ извѣщать Эрдмансдёрфера, а обращаться къ нему за чѣмъ бы то ни было мы избѣгаемъ, ибо онъ очень нервенъ и раздражителенъ, изъ членовъ дирекціи переноситъ только одного Константина Сергѣевича, да и то, повидимому, съ трудомъ. Намъ безусловно необходимъ директоръ на мѣсто Дервиза. Васъ и Сергѣя Михайловича нѣтъ, а насъ троихъ слишкомъ мало: если одному нельзя почему-либо быть на засѣданіи, то оно не можетъ состояться (напр., когда пріѣхалъ Эрдм., засѣданіе должно было быть прервано, потому что Петръ Ивановичъ поѣхалъ въ Петербургъ съ почтовымъ поѣздомъ), вопросы же часто требуютъ безотлагательнаго обсужденія. Необходимъ кромѣ того человѣкъ, который бы могъ разговаривать съ Эрдмансдёрферомъ, а то приглашать его въ засѣданія Петръ Ив. и Конст. Серг. не рѣшаются (въ особенности Петръ Ив. избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи), а вслѣдствіе этого мы часто попадаемъ въ смѣшное и глупое

---

[1]) Кашкинымъ.

[2]) Извѣстный віолончелистъ, ученикъ Моск. Консерваторіи, нынѣ директоръ Училища Филармоніи, очень близкій П.—П-чу.

[3]) Юргенсона.

[4]) Алексѣева-Станиславскаго, въ 1887 г. Директора Моск. Отд. Муз. Общ., нынѣ знаменитаго актера и директора Художественнаго Театра.

положеніе. Такъ, напр., начинаются квартетныя собранія, а членамъ дирекціи неизвѣстно, по какимъ днямъ они будутъ происходить, и вообще вопросъ о нихъ и о ихъ программѣ не былъ разсмотренъ дирекціей, да и не предвидится даже возможности имъ даже заняться при существующихъ отношеніяхъ дирекціи къ Эрдмансдёрферу. Вообще, наше положеніе очень затруднительно. Надо къ этому прибавить, что оба мои содиректора часто находятся въ какомъ-то угнетенномъ состояніи и поговариваютъ по временамъ о выходѣ въ отставку. Между тѣмъ многія дѣла требуютъ быстроты дѣйствія и энергіи. Былъ одинъ особенно затруднительный день, наканунѣ 1-й репетиціи—произошло возмущеніе оркестра, тогда я и послалъ телеграмму Сергѣю Михайловичу. [1]) Все таки жаль, что онъ не пріѣхалъ. Необходимъ директоръ, который бы жилъ постоянно въ Москвѣ. Въ положеніи, въ какомъ мы находимся, невозможно долго пробыть.

Кого изъ пѣвцовъ Вы хотѣли въ концертъ? Не пріѣдетъ ли Лавровская? Не напишете ли сами Брандукову? Жду отвѣта.

Преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

Фантазію повторяю.

№ 2915. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

5 Декабря 1887 г.

Милый Петръ Ильичъ! Не могу къ Вамъ пріѣхать, потому что въ понедѣльникъ необходимо устроить ученическій вечеръ. Увижу Васъ въ концертѣ 12 Декабря. Послѣ второго представленія Донъ-Жуана я поѣду въ Петербургъ. Мамаша очень Васъ велѣла благодарить за поздравленіе. Я всѣ эти дни нахожусь въ нѣкоторомъ экстазѣ отъ Моцарта. Хорошій музыкантъ! Антоша пріѣхалъ, начинаетъ свои уроки съ понедѣльника. Завтра Донъ Жуанъ для дѣйствительныхъ членовъ. Мнѣ ужасно жаль, что Васъ не будетъ.

До свиданія, милый Петръ Ильичъ.

Вашъ С. Танѣевъ.

№ 3106. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

17 Апрѣля 1888 г.

Милый Петръ Ильичъ! Николай Альбертовичъ [2]) сообщилъ мнѣ, что Вы пріѣдете во вторникъ и въ среду будете на экзаменѣ пѣнія. Вы мнѣ сдѣлали бы большое одолженіе, еслибы пріѣхали днемъ раньше и чтобы во вторникъ 24-го быть на экзаменѣ Успенскаго, который начнется въ 9 часовъ. Для меня въ высшей степени важно, чтобы Вы были на этомъ экзаменѣ. Къ тому же наканунѣ въ понедѣльникъ, по всей вѣроятности, будетъ оперный экзаменъ,

[1]) Третьякову.
[2]) Губертъ.

отложенный по болѣзни Скомпской; [1]) на немъ будутъ исполнять отрывки изъ Онѣгина.

Въ ожиданіи, что Вы не откажете въ исполненіи моей просьбы, остаюсь Вамъ преданный

С. Танѣевъ.

№ 3181. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

„Колорадо". 14 Іюня 1888 г.

Милый Петръ Ильичъ! Шестой день, какъ я ѣду по Волгѣ. Вмѣсто Нижняго я отправился изъ Москвы въ Ярославль и оттуда началъ свое путешествіе. Не будь такой дождливой и холодной погоды, путешествіе было бы пріятнымъ. До вчерашняго дня я не могъ имѣть отдѣльной каюты, а потому не могъ и заниматься. Въ Нижнемъ съѣхался съ П. В. Преображенскимъ, доѣхалъ съ нимъ до Саратова, изучая логариѳмы. Публики, слава Богу, стало меньше, а то вначалѣ пароходъ былъ наполненъ пассажирами. Вчера началъ сочиненіе дуэта Ореста и Клитемнестры и также заниматься нахожденіемъ формулы, по которой можно будетъ рѣшать вопросы о томъ, какіе двойные контрапункты нужны для какихъ безконечныхъ каноновъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы видѣлъ Корещенко, онъ очень выросъ, похудѣлъ, вообще перемѣнился. Игралъ мнѣ свой романсъ, очень мило сочиненный, и одну фортепіанную пьеску, въ высшей степени красивую. Въ какомъ положеніи 5-я симфонія?

Если Вы собираетесь мнѣ написать, то по слѣдующему адресу (до 1-го Іюля).

Харьковъ, Нѣмецкая улица, д. Безпальцева, Его П-ву Григорію Петровичу Рындовскому, для пересылки въ деревню М. М. Ковалевскаго, С. И. Танѣеву.

Жигулевскія горы очень красивы, нужно было бы въ будущемъ году собрать общество любящихъ ходить пѣшкомъ и посвятить на ихъ ближайшее изслѣдованіе недѣли двѣ. Повидимому никто изъ мѣстныхъ жителей не интересовался туда отправиться, да и селеній, говорятъ, внутри ихъ нѣтъ, а только по берегу.

Жду письма и остаюсь преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

P. S. Идетъ сильный дождь, вѣтеръ воетъ, холодъ такой, что не хочется выйти на палубу.

№ 3203. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 2 Іюля 1888 г.

Милый Петръ Ильичъ! Вчера сюда пріѣхалъ. Получилъ Ваше

[1]) Извѣстная пѣвица-сопрано, окончившая курсъ въ Моск. Консерваторіи и потомъ много лѣтъ подъ рядъ бывшая артисткой Маріинскаго Театра подъ фамиліей Больска.

письмо и отправилъ либретто по сообщенному Вами адресу. Хотя я ничего почти не сдѣлалъ во время моего путешествія и мое сочиненіе не подвинулось, но въ виду того, что у меня есть впереди еще мѣсяцъ, въ который разсчитываю усиленно работать, я непремѣнно хочу арранжировать Вашу симфонію (которой предполагаю заняться съ 1-го Августа) и буду ожидать ея присылки. Хорошо было бы, если бы Вы присылали мнѣ партитуру по мѣрѣ того, какъ будутъ готовы отдѣльныя части симфоніи.

Много случалось получать неудобствъ отъ безпорядковъ, господствующихъ въ магазинѣ Юргенсона, но такой чувствительной непріятности, какую мнѣ сдѣлали въ послѣдній разъ, еще не приходилось. 8 Іюня, въ день отъѣзда изъ Москвы, я нарочно заходилъ въ магазинъ, чтобы распорядиться отправкой моего рояля, и разговоръ объ этомъ имѣлъ съ приказчикомъ, фамиліи котораго не знаю, но очень давно его видаю въ магазинѣ. Онъ обѣщалъ, что черезъ два дня рояль мой будетъ посланъ. Теперь, по прошествіи почти мѣсяца, пріѣзжаю къ Масловымъ, рояля нѣтъ и никакая накладная получена не была. Это портитъ мнѣ все лѣто. Я разсчитывалъ заняться этотъ мѣсяцъ игрою и лишенъ возможности это сдѣлать. Даже и при сочиненіи мнѣ часто бываетъ нуженъ инструментъ. Послалъ Юргенсону телеграмму; вѣроятно пройдетъ недѣли $1^1/_2$ или 2, пока рояль вышлютъ и пока сюда придетъ съ тяжелымъ поѣздомъ. Просто возмутительно, что приходится испытывать столько непріятностей изъ-за Юргенс. приказчиковъ и изъ-за порядковъ, существующихъ въ его магазинѣ.

Жду симфонію и остаюсь преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

№ 3252. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 6 Августа 1888 г.

Милый Петръ Ильичъ! Я получилъ первую часть симфоніи и письмо, въ которомъ Вы пишете, что высылаете финалъ. Согласно желанію Вашему ничего не пишу по поводу симфоніи. Скажу только, что занимаюсь ея переложеніемъ съ большимъ удовольствіемъ, происходящемъ какъ отъ самаго знакомства съ Вашей новой партитурой, такъ и отъ мысли, что я имѣю случай оказать Вамъ хотя небольшую услугу. Моя теперешняя жизнь здѣсь—одно блаженство. Еслибы была возможность всю жизнь такъ провести. Никакихъ обязанностей, отсутствіе заботъ о пустякахъ обыденной жизни, полная возможность заниматься тѣмъ, что дѣлаетъ для меня жизнь привлекательною. Я встаю около 8-ми или 9-ти часовъ, купаюсь въ прудѣ, пью кофе, сажусь за оперу. Потомъ завтракую въ 1-мъ часу, рою гряды и принимаюсь играть на ф.п. Проигравъ до обѣда, иду, по окончаніи его, гулять и, возвратясь, сажусь за симфонію. Около 12 часовъ ложусь спать. Мое полное довольство жизнью омрачается

только мыслью, что черезъ 15 дней все это кончится, пойдутъ опять разговоры съ Николаемъ Прокофьевичемъ, Альбрехтомъ и Лангерами, разговоры, носящіе названіе дѣловыхъ, а на самомъ дѣлѣ пустые и мало на что нужные. Просто страшно подумать, что надвигается опять учебный годъ, со всѣми ужасами обыденной суеты и безтолочи. Въ это лѣто я мало сочинилъ. Во время путешествія почти не пришлось работать, а въ 20-хъ числахъ іюля уѣзжалъ въ Курскую губернію на свадьбу брата Павла Ивановича. Впрочемъ, гдѣ только можно было я сочинялъ и къ концу лѣта второй актъ оперы будетъ у меня вполнѣ подготовленъ къ тому, чтобы его окончательно отдѣлать. Теперь у меня сочиненіе идетъ очень хорошо. Жаль, что скоро придется все бросить. Когда я вчернѣ подготовлю третій актъ, (что, вѣроятно, произойдетъ въ теченіе будущихъ зимы и лѣта) я употреблю всѣ старанія, чтобы получить возможность имѣть требуемый для окончанія оперы досугъ. Меня она очень озабочиваетъ. Я такъ много надъ ней думалъ, что мнѣ будетъ въ высшей степени прискорбно, если она выйдетъ неудачной. Я прилагаю всѣ старанія къ тому, чтобы написать ее какъ могу хорошо и отнесусь къ ней очень серьезно.

Жду финала и остаюсь преданный Вамъ

С. Танѣевъ.

Ларошу и Екатеринѣ Ивановнѣ мой поклонъ.

№ 3447. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Милый Петръ Ильичъ! Посылаю копію съ предполагаемой Эрдмансдёрферомъ программы. Сдѣлайте на ней отмѣтки, какія перемѣны желательны. Мы съ Вами соглашались относительно того, что

a) 3-хъ пьесъ Листа, много, достаточно 2-хъ;

b) что симфонію a-moll Сенъ-Санса, уже игранную и никакими особенными достоинствами не отличающуюся, лучше замѣнить послѣдней, C-moll, которая у насъ не была исполнена и которая очень хороша;

c) что персидскую пляску Мусоргскаго лучше замѣнить „Лысой горой“, еще не игранной;

d) что желательно было бы исполнить 1-ю часть „Рай и Пери“;

e) что „Костюмир. бала“ не исполнять, а Донъ-Кихота и a-dur-ную симфонію.

Затѣмъ мнѣ приходятъ въ голову слѣдующіе вопросы:

1) Нужно ли играть оркестровое сочиненіе Брамса (варіаціи на тему Гайдна), разъ что будетъ играться его двойной концертъ? Не замѣнить ли его „Антаромъ“ Корсакова, котораго предположено исполнить только одну новую фантазію? Мнѣ кажется, что одной пьесы Корсакова мало.

2) Двѣ оркестровыя пьесы Свендсена тоже много. Мнѣ

кажется, слѣдовало бы зачеркнуть Парижскій Карнавалъ, пьеску, имѣющую сходство съ садовой музыкой.

3) Слѣдовало бы исполнить отрывки изъ Игоря и между прочимъ „Половецкую пляску", имѣвшую въ Петербургѣ очень большой успѣхъ.

4) Аренскій очень хвалитъ F-dur'ное скерцо Кюи, а я могу рекомендовать D-dur'ное Лядова, мною слышанное и дѣйствительно очень хорошенькое.

5) Мы съ Вами еще говорили о томъ, что не нужно ни Ріенци Вагнера, ни Siegfrid-Idyll, а замѣнить ихъ „Тристаномъ и Изольдою", котораго вмѣстѣ съ Meistersinger'ами будетъ достаточно. Вмѣстѣ съ этимъ освободится одно мѣсто для какого-либо русскаго сочиненія.

Будьте такъ добры, сдѣлайте на прилагаемой копіи программы тѣ поправки, съ которыми Вы согласны, припишите, что Вамъ еще придетъ въ голову, и переправьте все это сюда для отвѣта Эрдмансдёрферу. Не согласитесь ли Вы отъ себя написать Бабушкѣ и попросить его согласиться участвовать въ нашихъ квартетахъ (альтъ) и не просить за это болѣе 25 руб. за одинъ разъ. Ваше письмо могло бы на него подѣйствовать. Адресъ его вышлю сегодня или завтра. Можетъ быть, на дняхъ мнѣ придется ѣхать въ Петербургъ: братъ Павелъ Ивановичъ очень боленъ.

Къ стыду моему долженъ сказать, что еще не принялся вновь за-передѣлку симфоніи: такъ много на меня надвинулось разныхъ обстоятельствъ, меня отвлекающихъ.

Обнимаю Васъ

С. Танѣевъ.

Когда Вы могли бы продирижировать концертомъ Муз. Общества?

№ 3407. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Ноября 1888 г.

Милый Петръ Ильичъ! Въ будущемъ концертѣ 26 Ноября предполагается участіе скрипача Петри. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что этотъ Петри въ 1884 году (въ Ноябрѣ) у насъ участвовалъ и никакого успѣха не имѣлъ, это самый посредственный скрипачъ, какого можно только себѣ представить. Я еще и тогда возмущался тѣмъ, что выписали столь ничтожнаго исполнителя. Но тогда могло служить нѣкоторымъ оправданіемъ то, что его не знали, а теперь и этого оправданія нѣтъ. О томъ, что онъ скрипачъ плохой, помнятъ многіе. Кашкинъ, напр., говоритъ, что любой ученикъ старшаго курса консерваторіи лучше Петри. Мы стараемся дѣлать экономію, заботимся, повидимому, о томъ, чтобы не было лишнихъ расходовъ и въ тоже время собираемся бросать даромъ сотни рублей (500 или

600) для того, чтобы выписать завѣдомо негоднаго скрипача. И это въ то время, когда есть у насъ свои хорошіе скрипачи, которые будутъ играть за 100 или за 50 руб. Въ Москвѣ есть, напр., Колаковскій, дававшій въ прошломъ году свой концертъ и по отзывамъ людей знающихъ (напр., Гржимали) представляющій очень видное явленіе, какъ виртуозъ. Московской публикѣ можетъ быть интересно его услышать. Что же касается Петри, то если публика его забыла, то она будетъ насъ бранить послѣ концерта, если же она его помнитъ, то теперь же. Переговори объ этомъ съ Сергѣемъ Михайловичемъ и Петромъ Ивановичемъ. Мое мнѣніе заключается въ томъ, чтобы какимъ нибудь образомъ избавиться отъ такого солиста. Было бы достойно сожалѣнія, еслибы дирекція ассигновала 500 руб. на такого солиста.

20 Ноября у насъ ученическій концертъ, въ ближайшее воскресенье музыкальное утро для дѣйствительныхъ членовъ.

Когда пріѣдетъ Сергѣй Михайловичъ?

Нравится ли тебѣ твоя симфонія въ оркестрѣ? Должно быть хорошо.

Преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

№ 3586. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

11 Апрѣля 1889 г., вторникъ.

Милый Петръ Ильичъ, пишу изъ Демьянова, куда пріѣхалъ въ четвергъ на страстной и откуда завтра уѣду. Давно собирался тебѣ писать, но на меня напала какая то неохота за что либо приняться: письмо написать—и то было трудно себя заставить. Послѣ смерти мамаши я взялъ отпускъ и поѣхалъ на недѣлю во владиміровскую губернію, въ деревню къ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Сахаровой, нашей родственницѣ, старушкѣ, которую я очень люблю. Она очень умная, добрая и вообще очень симпатичная. Она живетъ вмѣстѣ съ своей знакомой Антониной Викторовной, которая нѣсколько ея моложе, здоровѣе и занимается хозяйствомъ. Когда у нея находишься, то кажется, что будто живешь лѣтъ 20 тому назадъ. Домъ, мебель,—все сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ было во времена моего ранняго дѣтства, когда мы пріѣзжали гостить изъ Владиміра въ Останьино. Даже прислуга,—горничныя Аннушка и Любаша, остались отъ прежнихъ временъ, только обратились въ старыхъ старухъ. Встаютъ въ Останьинѣ въ 7 утра, обѣдъ около трехъ часовъ, ужинъ ровно въ 10. Каждый вечеръ Антонина Викторовна читаетъ вслухъ газеты или журналы. Антонина Викторовна нѣсколько лѣтъ назадъ была на курсахъ Герье, память имѣетъ прекрасную, любитъ говоритъ высокимъ слогомъ, употреблять мудреныя слова и имѣетъ недурную библіотеку изъ книгъ историческаго содержанія. Она очень обижается на тетю Катю, что та плохо помнитъ,

о чемъ читаютъ. Горничная Анна Ивановна, лѣтъ около 70-ти, очень любитъ слушать чтеніе и интересуется политикой. Была у нихъ еще горничная Анна Власьевна, она попала въ Петербургъ, нанялась нянюшкой, кажется, къ Ольденбургскимъ и получила доступъ ко двору. Анна Ивановна съ нетерпѣніемъ дожидалась ея пріѣзда, разсчитывая получить самыя послѣднія извѣстія въ политическихъ вопросахъ и о томъ, что вообще важнаго совершается въ Петербургѣ. Анна Власьевна пріѣзжала, но ожиданій ея не оправдала. Оказалось, что она ничего не могла отвѣтить на вопросы Анны Ивановны; Анна Иван., напр., спрашиваетъ: „что теперь, Анна Власьевна, говорятъ въ Петербургѣ о Сарѣ Бернаръ?" Оказывается, что Анна Вл. не знаетъ, кто такое Сара Бернаръ. „Неужели, Анна Власьевна, Вы, живя въ Петербургѣ, ничего не слыхали о Сарѣ Бернаръ?" На этотъ вопросъ Анна Вл. съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отвѣчала: „признаться, Анна Ив., я что-то объ ней слышала, да не обратила вниманія".

Пріѣхавъ въ Останьино, я оказался, по отношенію къ Антонинѣ Викторовнѣ, въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ которомъ была Анна Власьевна по отношеніи къ Аннѣ Ивановнѣ. Пріѣхавъ изъ столицы, я мало зналъ, что дѣлается на свѣтѣ; во всякомъ случаѣ мои свѣдѣнія были болѣе скудны, чѣмъ таковыя у Останьинскихъ слушательницъ. Антонина Викторовна помнитъ все, что прочла въ газетахъ, и читаетъ газетныя извѣстія съ соотвѣтствующей интонаціей. Такъ, напр., читая при мнѣ слѣдующую фразу изъ телеграммы: „говорятъ, что по этому дѣлу онъ тайно совѣтовался съ Бисмаркомъ", она произнесла ее вполголоса, а слову „тайно" даже сообщила выраженіе чего-то дѣйствительно таинственнаго. Главнымъ вопросомъ, которымъ интересовались въ Останьинѣ, когда я пріѣхалъ, была „миссія отца Паисія". Антонина Викторовна помнила всѣ подробности: мѣстоположеніе Сагалло (если я не перепуталъ названія), количество убитыхъ и раненыхъ, откуда французы подъѣзжали и т. д. и т. д.

Въ первые два дня моего пріѣзда погода была дурная, потомъ хорошая. Снѣгъ началъ понемногу стаивать, жаворонки запѣли, очень было пріятно. Я ежедневно ѣздилъ верхомъ, разъ вмѣстѣ съ лошадью скатился съ снѣжной горки, на которую тщетно пытался въѣхать. Занимался своей оперой и партитурой Götterdämmerung.

Воротился въ Москву къ представленію Нибелунговъ, которыхъ внимательно выслушалъ, только не вынесъ 2-хъ первыхъ актовъ Götterdämmerung и въ началѣ 3-го уѣхалъ. Walküre слышалъ два раза (2-й разъ съ пропускомъ 2-го акта). Вагнеръ меня въ высшей степени заинтересовалъ, въ особенности въ отношеніи гармоніи и инструментовки. Многому у него можно научиться, между прочимъ и тому, какъ не слѣдуетъ писать оперы. Когда нибудь я подробно поговорю съ тобой о немъ.

Въ консерваторіи мы готовимъ оперу Лортцинга „Оружей-

никъ", которая пойдетъ 7-го мая. Пожалуйста, пріѣзжай къ этому времени.

Когда мы съ тобой увидимся, я буду тебя просить помочь мнѣ освободиться отъ моей директорской должности, все равно сразу-ли или сначала въ формѣ продолжительнаго отпуска. Несмотря на то, что она приноситъ мнѣ доходъ, даетъ положеніе въ свѣтѣ, во многихъ отношеніяхъ интересуетъ и проч., я не могу заглушить въ себѣ внутренняго стремленія къ такому устройству своей жизни, которая давала бы возможность самому мнѣ распоряжаться своимъ временемъ, не быть въ постоянной зависимости отъ условій, отрывающихъ меня отъ моего дѣла, занимающихъ мой умъ разнымъ вздоромъ, до искусства не относящимся, принуждающихъ меня къ дѣятельности, во многомъ противорѣчащей моимъ вкусамъ, наклонностямъ и привычкамъ. Высшей цѣлью моихъ желаній было бы пріобрѣсти въ области музыки настоящую власть и авторитетъ, являющіеся результатомъ серьезнаго изученія своего дѣла, стремленія къ усовершенствованію себя въ искусствѣ, взамѣнъ той власти, которую я имѣю теперь и основаніемъ которой служитъ Высочайше утвержденный уставъ.

Прервалъ письмо. Ѣздилъ верхомъ на фабрику Болина и Макарова. Сегодня чудный, теплый, солнечный день. Въ первый разъ ѣздилъ въ одномъ сюртукѣ. Потомъ обѣдали и гуляли въ паркѣ.

Буду продолжать. Теперь, послѣ смерти мамаши, мнѣ болѣе, чѣмъ когда либо хочется быть подальше отъ людей, мало для меня интересныхъ, освободиться отъ мелкихъ хлопотъ, которыми наполнена моя жизнь, быть наединѣ съ самимъ собою и заняться дѣломъ наиболѣе для меня привлекательнымъ, въ которомъ я могу найти успокоеніе при томъ угнетенномъ состояніи духа, въ которомъ теперь нахожусь. Смерть мамаши оставила во мнѣ какую-то пустоту: всѣ мои воспоминанія съ самаго ранняго дѣтства тѣсно связаны съ воспоминаніемъ объ ней. Пока она была жива, я никогда не размышлялъ о ея отношеніи къ намъ и только теперь, послѣ ея смерти, вижу, сколько требовалось съ ея стороны энергіи, разсудительности и любви, чтобы втеченіи цѣлой жизни такъ объ насъ заботиться, какъ она это дѣлала. Ее не интересовали никакіе высшіе вопросы науки или искусства, всѣ ея мысли сосредоточивались на своей семейной жизни и на отношеніяхъ къ своимъ знакомымъ. Не знаю, хорошо ли это было для нея, но для насъ очень хорошо. Въ житейскихъ дѣлахъ она была очень опытна и разсудительна и могла всегда подать хорошій совѣтъ. Наши интересы были часто для нея важнѣе, чѣмъ для насъ самихъ. Я помню, когда вышелъ новый воинскій уставъ, она втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ его читала и въ концѣ концовъ вычитала, что можно купить квитанцію, какими формальностями это нужно обставить и проч. Мы всѣ тогда надъ ней смѣялись, особенно когда она являлась

къ Ѳедору Ивановичу и каждый разъ говорила ему: „поговоримте, о воинскомъ уставѣ". А еслибы она этого не сдѣлала, мнѣ пришлось бы идти на сербскую войну. За нѣсколько дней до смерти, она говорила Пелагеѣ Васильевнѣ, что не будетъ въ состояніи пойти въ церковь, чтобы говѣть, что хочетъ причаститься дома, при этомъ прибавила: „только ты не говори объ этомъ Сережинькѣ: у него скоро концертъ, а это можетъ его встревожить". Она умерла вслѣдствіе кровоизліянія въ мозгу. За нѣсколько дней до смерти, Боковъ, ее лечившій, говорилъ, что болѣзнь неопасна. Потомъ сдѣлалось хуже. Въ воскресенье ее причастили, она едва могла отвѣчать священнику, жаловалась, что болитъ голова. Корсаковъ говорилъ, что надежда на выздоровленіе не совсѣмъ потеряна, а въ среду Боковъ увезъ всѣ свои аппараты, велѣлъ прекратить пріемы лекарствъ и пищи и сказалъ, что къ утру все кончится. Говорили доктора, что послѣдніе дня три она была безъ памяти, но намъ показалось, что она узнала Павла Ивановича, пріѣхавшаго дня за два до смерти и пристально на него посмотрѣла, при этомъ задвигала губами, какъ будто хотѣла что-то сказать. Въ пятомъ часу утра въ четвергъ меня разбудили, я пришелъ къ ней въ комнату и при мнѣ она скончалась, совершенно спокойно, безъ всякихъ страданій. Масловы во все время ея болѣзни не отходили отъ нея, необыкновенно точно исполняли докторскія предписанія и дежурили каждую ночь. На панихидахъ и похоронахъ было много знакомыхъ. Похоронили ее въ Донскомъ монастырѣ рядомъ съ папашей.

Теперь 11 часовъ вечера. Ложусь спать. Завтра въ Москву. Съ нетерпѣніемъ жду твоего пріѣзда.

Любящій тебя

С. Танѣевъ.

№ 3713. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 6 Іюля 1889 г.

Милый Петръ Ильичъ. Я пріѣхалъ въ Селище позже, чѣмъ предполагалъ. Въ Москвѣ меня задержалъ Рукавишниковъ, долго не возвращавшійся. Провожу здѣсь время очень хорошо, какъ всегда. Играю, сочиняю, гуляю, купаюсь. Погода началась очень хорошая, а прежде все были дожди. Опера моя подвигается, но медленно. Кончилъ ли ты балетъ?

Здѣсь общество, кромѣ Масловыхъ, состоитъ изъ Ал. Ив. Алексѣевой, Мотовилова, который на нѣсколько дней сегодня уѣзжаетъ. Вчера были мои и Языковы имянины, мы ѣздили за 6 верстъ, пили чай и завтракали. Чувствую себя очень хорошо и благодарю судьбу, что она избавила меня отъ моей должности. Не могу еще свыкнуться съ мыслью, что у меня впереди такъ много свободнаго времени, все кажется, что всѣ занятія надо будетъ кончить къ концу лѣта.

18 Іюля будемъ праздновать юбилей открытія храма ис-

кусствъ—пинакотеки. Съимпровизируй какое нибудь четверостишіе и пришли намъ, это могло бы значительно увеличить торжественность нашего празднества. Что тебѣ стоитъ?

Жду письма и остаюсь преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

№ 4098. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Москва. 24 Марта 1890 г.

Милый Петръ Ильичъ, давно собирался тебѣ написать, но по обыкновенію откладывалъ и подгадалъ къ послѣднему дню моего пребыванія въ Москвѣ: завтра ѣду на праздники в Останьино (Влад. губ.).

Разставшись съ тобою, я поѣхалъ въ Харьковъ и игралъ тамъ въ 2-хъ концертахъ почти одинъ: только квартетъ Аренскаго игрался безъ моего участія. Программа 1-го концерта:

Моцартъ. Фантазія C-moll, варіаціи „Ah, vous dirai-je maman!"

Бетховенъ. Andante F-dur,
соната d-moll, op. 31.

Аренскій. Квартетъ струнный (безъ моего участія).

Направникъ. Ноктюрнъ.

Аренскій. Ноктюрнъ, интермеццо и скерцо.

Шопенъ. Фантазія F-moll.

Мендельсонъ. 2 пѣсни безъ словъ.

Листъ. Риголетто.

Программа 2-го концерта.

Бахъ. Органная фуга. C-dur, двѣ фуги изъ Wohlt. Clav (c-moll и Cis-dur).

Гендель. Варіаціи E-dur.

Бетховенъ. Соната quasi fantasia cis-moll.

Чайковскій. Трio.

Шопенъ. Prélude Des dur и тарантелла.

Шубертъ. а) „du bist die Ruh, в) пѣсня Маргариты, с) Frühlingsglaube app. Листомъ.

Вагнеръ. а) Feuerzauber в) Siegmunds Liebesgesang и с) Валгалла изъ Нибелунговъ въ app. Брассена.

Публики на этихъ концертахъ было не очень много, но успѣхъ большой и мѣстныя газеты очень мою игру одобряли. Возвратясь въ Москву, игралъ въ общедоступномъ 4-мъ концертѣ Бетховена. Затѣмъ захворалъ, лежалъ въ постели и не выходилъ изъ дому около 3-хъ недѣль. По выздоровленію много игралъ публично, а именно:

10 Марта 5-й концертъ Бетховена въ симфоническомъ,

11 Марта съ Зилоти въ общедоступномъ концертѣ Моцарта, къ которому долженъ былъ сочинить двѣ каденціи.

19 Марта въ квартетномъ трio C-moll Бетховена.

Всѣ эти пьесы я ранѣе не игралъ, пришлось вновь выучить,

почему я до сего времени и занимался почти исключительно игрой и ничего не сочинялъ. Теперь наоборотъ — оставляю игру, перехожу на сочиненіе, впрочемъ, еще предстоитъ играть въ общедоступномъ съ Зилоти сюиту Аренскаго.

Вотъ мое времяпровожденіе. Для полноты можно прибавить уроки и разныя упражненія въ контрапунктѣ, чтеніе и проч.

Перейду къ концертамъ Муз. Общества. Дворжакъ и Направникъ нагнали своими твореніями большое уныніе на публику; со всѣхъ сторонъ слышался ропотъ, да и въ самомъ дѣлѣ скука была порядочная. За то Колонинъ утѣшилъ всѣхъ: великолѣпно дирижировалъ, исполнялъ пьесы, доставляющія удовольствіе и имѣлъ чудовищный успѣхъ, былъ тронутъ вниманіемъ публики, любезностью москвичей и уѣхалъ въ самомъ.....

№ 4382. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

2 Декабря 1890 г.

Милый Петръ Ильичъ, не могъ до сихъ поръ прислать тебѣ партій квартета. Когда въ 1-й разъ Зилоти поѣхалъ въ Петербургъ (я собирался съ нимъ послать эти партіи), у меня былъ всего одинъ экземпляръ, по которому наши исполнители должны были сыграть его у меня и дѣлали для этого репетиціи. Теперь мнѣ переписали 2-й экземпляръ, который я провѣрю и съ собой привезу. Сейчасъ вернулся изъ концерта Александра Ильича. [1]) Концертъ былъ удаченъ: народу много и Саша имѣлъ большой успѣхъ.

Собирался я завтра выѣхать въ Петербургъ, имѣя намѣреніе услышать репетицію „Пиковой Дамы“, но отложилъ отъѣздъ до среды, услышавъ отъ Зилоти о невозможности попасть на репетицію. Въ день пріѣзда къ тебѣ зайду, со мной собирался ѣхать Кашкинъ. Прочіе москвичи выѣзжаютъ въ четвергъ.

До скораго свиданія

Твой С. Танѣевъ.

№ 4450. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

11 Января 1891 г.

Милый Петръ Ильичъ, очень жалѣю о томъ, что не могъ къ тебѣ пріѣхать и что не видалъ тебя въ Москвѣ. Если надобность, по которой тебѣ меня нужно было видѣть, все еще существуетъ, то не можешь ли мнѣ изложить ее письменно? Очень мнѣ интересно узнать твое мнѣніе объ Антошиной операѣ. [2]) Я ее слышалъ три раза и съ каждымъ разомъ она мнѣ болѣе и болѣе нравится: столько въ ней искренности, молодости и свѣжести. Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ видѣть ея слабыя стороны и не соглашаться съ нѣкоторыми оперными

[1]) Зилоти.
[2]) „Сонъ на Волгѣ“ А. Аренскаго.

пріемами автора. Кстати объ операѣ вообще. Вопросъ о томъ, какъ писать оперы, меня въ высшей степени интересуетъ и мнѣ давно хочется обмѣниваться съ тобой мыслями на этотъ счетъ. Твои взгляды, на сколько они конкретно выражаются въ твоихъ операхъ, часто меня не вполнѣ удовлетворяютъ.

Между тѣмъ, это именно та сторона дѣла, на которую я болѣе всего обращаю вниманіе при каждомъ твоемъ новомъ произведеніи. Творческій даръ, мелодическая прелесть оборотовъ, тонкая чувствительность къ гармоническимъ сочетаніямъ — все это индивидуальныя свойства таланта, ихъ отъ художника не переймешь, если они не даны самой природою. Напротивъ того, взгляды его на искусство и на пріемы творчества, отношеніе къ вопросамъ, имѣющимъ важность въ искусствѣ,—такъ сказать, разсудочная сторона дѣла представляетъ интересъ, въ сущности, для спеціалиста болѣе значительный. Объ этихъ предметахъ мнѣ бы хотѣлось съ тобой переговорить, если ты противъ этого ничего не имѣешь.

Изъ дому я все еще не выхожу. Чувствую себя безконечно счастливымъ. Тишина, спокойствіе, возможность дѣлать, что хочешь, занятія контрапунктомъ, открывающія мнѣ новые горизонты,—лучше трудно себѣ что-либо представить.

№ 2700. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

14 Января 1891 г.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! отвѣчаю кратко, ибо боюсь упустить случай послать на почту,—а черезъ полчаса за ней идутъ.

Вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать оперы, я всегда разрѣшалъ, разрѣшаю и буду разрѣшать чрезвычайно просто. Ихъ слѣдуетъ писать (впрочемъ точно такъ-же, какъ и все остальное) такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Я всегда стремился какъ можно правдивѣе, искреннѣе выразить музыкой то, что имѣлось въ текстѣ. Правдивость же и искренность не суть результатъ умствованій, а непосредственный продуктъ внутренняго чувства. Дабы чувство это было живое, теплое, я всегда старался выбирать сюжеты, въ коихъ дѣйствуютъ настоящіе, живые люди, чувствующіе такъ-же, какъ и я. Поэтому мнѣ невыносимы Вагнеровскіе сюжеты, въ коихъ никакой человѣчности нѣтъ; да и такой сюжетъ, каковъ твой, съ чудовищными злодѣяніями, съ Эвменидами и фатумомъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица,—я бы не выбралъ. Итакъ, выбравши сюжетъ и принявшись за сочиненіе оперы, я давалъ полную волю своему чувству, не прибѣгая ни къ рецепту Вагнера, ни къ стремленію быть оригинальнымъ. При этомъ я нисколько не препятствовалъ вѣяніямъ духа времени вліять на меня. Я сознаю, что, не будь Вагнера, я бы писалъ иначе; допускаю, что даже и кучкизмъ сказывается въ моихъ оперныхъ писаніяхъ; вѣроятно, и итальян-

ская музыка, которую я страстно любилъ въ дѣтствѣ, и Глинка, котораго я обожалъ въ юности,—сильно дѣйствовали на меня, не говоря уже про Моцарта. Но я никогда не призывалъ ни того, ни другого изъ этихъ кумировъ, а предоставлялъ имъ распоряжаться моимъ музыкальнымъ нутромъ, какъ имъ угодно. Быть можетъ, вслѣдствіе такого отношенія къ дѣлу, въ моихъ операхъ нѣтъ прямого указанія на принадлежность къ той или другой школѣ, можетъ быть,—нерѣдко та или другая сила превозмогала другія и я впадалъ въ подражанія,—но, какъ бы то ни было, все это дѣлалось само собой, и если я въ чемъ увѣренъ, такъ это въ томъ, что въ своихъ писаніяхъ являюсь такимъ, какимъ меня создалъ Богъ и какимъ меня сдѣлало воспитаніе, обстоятельства, свойства того вѣка и той страны, въ коей я живу и дѣйствую. Я не измѣнилъ себѣ ни разу. А каковъ я,—хорошъ или дуренъ, -пусть судятъ другіе.

Дѣло, по которому я жаждалъ свиданія съ тобой, есть „Академическій словарь", издаваемый теперь вновь, и редакцію музыкальной части коего возложилъ на меня В. К. Константинъ Константиновичъ. Будучи крайнимъ невѣждой во всемъ, что составляетъ музыкальную ученость, я безъ помощи твоей, Кашкина, Ларош обойтись не могу. Впрочемъ, оказывается, что это дѣло не такъ къ спѣху, какъ я думалъ. Опера Аренскаго мнѣ совсѣмъ не понравилась, когда онъ игралъ мнѣ отрывки изъ нея въ Петербургѣ послѣ своей болѣзни,—нѣсколько болѣе, когда онъ игралъ ее у тебя при Альтани; годаздо болѣе, когда я проигралъ ее лѣтомъ въ первый разъ; очень понравилась, когда я проигралъ ее во второй разъ, а теперь, въ настоящемъ ея исполненіи,—я призналъ ее одной изъ лучшихъ, а мѣстами даже превосходной оперой. Она отъ начала до конца удивительно изящна и равномѣрно хороша; только въ концѣ нѣкоторый упадокъ вдохновенія. Недостатокъ: нѣкоторое однообразіе пріемовъ, напоминающихъ Корсакова. Сцена сна воеводы заставила меня пролить немало сладкихъ слезъ. И знаешь, что еще я скажу: Аренскій удивительно уменъ въ музыкѣ: какъ онъ все тонко и вѣрно обдумываетъ. Это очень интересная музыкальная личность!

До свиданья, голубчикъ! Когда можешь побывать у меня?

Твой П. Чайковскій.

Контрапункты великолѣпны.

№ 4697. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Пятигорскъ, Верхній бульваръ, д. Каневской
21 Іюня 1891 г.

Милый другъ мой, Петръ Ильичъ, не хочешь ли предпринять вмѣстѣ со мной восхитительную прогулку? Какую—сейчасъ объясню.

Я поѣхалъ сюда, имѣя въ виду часть лѣта провести на

мѣстѣ, а часть посвятить какому либо путешествію. Думалъ было съѣздить въ Боржомъ и Абастуманъ, но такъ какъ это мѣсто такое, куда ѣздятъ многіе, особенно послѣ Джаншіевскаго описанія, то меня особенно туда и не влекло: я чувствую склонность болѣе къ мѣстностямъ дикимъ и малодоступнымъ. Но куда именно поѣхать, этого я никакъ не могъ рѣшить. Случай мнѣ помогъ. Нѣсколько дней назадъ я встрѣтился съ молодымъ княземъ Урусбіевымъ, Наурузомъ (ты его видѣлъ у меня въ Москвѣ три года тому назадъ), сыномъ того Урусбіева, который провожалъ насъ съ Ковалевскимъ и Иванюковымъ въ Сванетію. Наурузъ Измаиловичъ очень мнѣ обрадовался и сталъ звать къ себѣ въ аулъ погостить, въ тотъ самый, гдѣ мы провели нѣсколько дней передъ переваломъ черезъ горный хребетъ. Я съ радостью принялъ его приглашеніе и мысль, что я опять увижу дивныя мѣста около Эльбруса, да такой степени меня взволновала, что я долго не могъ заснуть ночью: картины, то та, то другая изъ нашего прежняго путешествія, совсѣмъ мною забытыя, ясно стали мнѣ представляться.

Между прочимъ, рѣшилъ тебѣ предложить сдѣлать со мной эту поѣздку. Прежде всего для этого надо пріѣхать въ Пятигорскъ (путешествіе продолжается двое сутокъ, изъ Москвы надо выѣхать въ 1 часъ дня—скорый поѣздъ). Поѣздка же въ горы можетъ быть сдѣлана такъ.

1-я часть пути:

или верхомъ, по краткой дорогѣ—90 верстъ, или въ коляскѣ—120 верстъ. На это надо положить 2 дня. Дорога эта приводитъ къ сыроварнѣ Урусбіевыхъ, лежащей при входѣ въ Баксанское ущелье.

2-я часть пути,

до аула,—60 верстъ, можетъ быть сдѣлана только верхомъ или въ одинъ день или, для избѣжанія утомленія въ два дня. Это самая интересная часть прогулки. Рѣка Баксанъ беретъ начало съ Эльбруса и впадаетъ въ Терекъ. Все время надо ѣхать по ущелью Баксана вверхъ. Трудно себѣ представить до какой степени восхитительна эта поѣздка. Баксанъ въ началѣ очень широкъ. Дорога идетъ то по тому, то по другому изъ его береговъ. Мы множество разъ должны переѣзжать черезъ мосты, сложенные изъ нѣсколькихъ бревнышекъ, въ то время какъ рѣка реветъ, какъ дикій звѣрь, увлекая и переворачивая въ своемъ теченіи огромныя глыбы камней. Лошади наши будутъ лѣпиться по скаламъ, передъ нами будутъ открываться зіяющія пропасти, мы постоянно будемъ испытывать пріятное чувство человѣка, благополучно избѣжавшаго грозившей ему опасности. Налѣво отъ насъ будутъ горы, покрытыя вѣчными снѣгами. Впереди Эльбрусъ, то скрывающійся за скалами, то вновь обнаруживающійся и, по мѣрѣ нашего къ нему приближенія, принимающій все болѣе и болѣе чудовищные размѣры. Мы ѣдемъ то голыми скалами, то лѣсами, гдѣ деревья необычнаго для насъ

роста, то пространствами, сплошь усѣянными какъ бы драгоцѣнными камнями самыхъ яркихъ красокъ, усыпанными золотыми блестками и какъ искры разсыпающимися подъ ногами лошадей. Прибавь къ этому горный чистый воздухъ, который вбираешь въ себя и не можешь имъ надышаться, ключевую воду въ обиліи попадающуюся по дорогѣ, шашлыкъ, который жарится изъ тутъ же зарѣзаннаго барана и ты будешь имѣть слабое понятіе о тѣхъ прелестяхъ, которыя представляются путникамъ, рѣшившимся предпринять это путешествіе.

Въ аулѣ насъ ожидаютъ: прогулки пѣшкомъ и верхомъ, туземная музыка и охота на туровъ, водящихся на самыхъ неприступныхъ скалахъ. Я стрѣлять не умѣю, но для тебя будетъ прекрасный случай показать свое искусство въ дѣлѣ охоты. Представь себѣ, что ты подстрѣлишь тура: ты этимъ несомнѣнно поддержишь репутацію замѣчательнаго охотника, которая за тобой уже давно установилась.

Мы будемъ находиться въ обществѣ людей, которыхъ наша цивилизація не коснулась и не испортила: людей здоровыхъ, бодрыхъ, сильныхъ, ловкихъ и статныхъ. Общество такихъ людей дѣйствуетъ освѣжительно на насъ, городскихъ жителей, хотя при этомъ невольно возникаютъ невыгодныя для самого себя сравненія и, смотря на горцевъ, ясно чувствуешь свою физическую негодность.

Проводникъ у насъ будетъ очень опытный: татаринъ Азаматъ, который насъ провожалъ въ Сванетію шесть лѣтъ тому назадъ. Его Урусбіевъ приглашаетъ съ лошадьми ко времени выѣзда.

Само собою разумѣется, что молодой Нарузъ будетъ въ восторгѣ, если ты его посѣтишь. Когда онъ пріѣхалъ въ Москву три года тому назадъ, я его повелъ въ Онѣгина. Это была первая опера, которую онъ увидѣлъ въ своей жизни. И музыка, и декораціи, и оркестръ, и пѣніе—все это произвело на него необыкновенно сильное впечатлѣніе и онъ до сихъ поръ вспоминаетъ объ этомъ представленіи. Я увѣренъ, что впечатлѣніе, которое произведутъ на тебя его аулъ и путешествіе, будетъ нисколько не слабѣе, чѣмъ то, которое испытывалъ дикій горецъ, увидавъ Онѣгина.

Прими въ соображеніе, 1) что мѣста, куда на Кавказъ ѣздитъ публика — курорты, города и даже военно-грузинская дорога не даютъ понятія о тѣхъ красотахъ природы, которыми восторгаются въ глубинѣ страны; 2) что врядъ ли еще будетъ случай такъ легко проникнуть въ самую главную часть Кавказскаго хребта—къ подножію Эльбруса; 3) что на эту поѣздку, если пробыть въ аулѣ не болѣе недѣли, нужно всего 19 дней, если же отдохнуть день или два въ Пятигорскѣ, то всего на всего 3 недѣли.

Я собираюсь выѣзжать 1-го Августа.

Обдумай и рѣшись!!!

Очень мнѣ интересно узнать о впечатлѣніи, какое на тебя

произвела Америка. [1]) О твоихъ успѣхахъ читалъ въ газетахъ, но подробностей знаю мало. Я не имѣю никакого представленія о томъ, что такое американская музыка. Слышалъ, что ам. не способны къ музыкѣ—и только. Существуютъ ли американскіе композиторы? Что они пишутъ? Познакомился ли ты съ ихъ сочиненіями?

Какъ подвигается твоя опера и балетъ? Скоро ли ихъ окончишь?

Я очень усердно занимаюсь сочиненіемъ—пишу ежедневно утромъ и вечеромъ. Этою прошлою зимою я, въ отношеніи сочинительства, очень доволенъ. За исключеніемъ двухъ дней въ недѣлѣ, проводимыхъ мною въ консерваторіи, я почти безъ исключенія каждое утро до часу—времени своего обѣда, посвящалъ композиціи. Я только теперь понимаю, сравнивая эту зиму съ прочими, до какой степени отдѣльная квартира была для меня необходима. Такой тишины и спокойствія я никогда не могъ имѣть у насъ въ домѣ и никогда не могъ аккуратно работать, что безусловно необходимо для успѣшности труда.

На дняхъ я кончаю сочиненіе 1-го акта оперы. Послѣ предисловія о пользѣ отдѣльной квартиры для моего сочинительства, фраза, сообщающая, что я скоро кончу 1-й актъ оперы, которою занимался около 7-ми лѣтъ, напоминаетъ то мѣсто біографіи Мусоргскаго Стасова, гдѣ Владим. Вас. говоритъ, что дѣятельность петербуржскаго кружка музыкантовъ, впродолженіи столькихъ то лѣтъ, кипѣла ключемъ. На повѣрку же оказывается, что изъ нихъ одинъ въ это время написалъ два романса, другой инструментировалъ скерцо симфоніи, 3-й началъ сочинять ф.п. концертъ и т. п. Впрочемъ въ мою пользу говоритъ, что 1-я картина 2-го акта и 1-я карт. 3-го уже готовы, слѣдовательно изъ 7-ми картинъ, составляющихъ оперу, сочинены четыре, остается—три. Въ нихъ для одной готовы наброски и она можетъ быть конечна даже этимъ лѣтомъ, если либретистъ пришлетъ слова.

Я нисколько не жалѣю, что моя работа такъ долго тянется. Это имѣетъ многія преимущества. Либретто, на которое я теперь пишу (1-й и 2-й актъ), по счету второе. Либретто, первоначально написанное (благодаря медлительности моей работы и тому, что я все время занимался чтеніемъ самой трагедіи Эсхила и различныхъ толкованій ея), оказалось въ моихъ глазахъ несостоятельнымъ. Я составилъ подробный планъ новаго либретто, по которому теперь и работаетъ мой либретистъ. Новое либретто почти ни въ чемъ не отступаетъ отъ Эсхила и людямъ, не знакомымъ съ подлинникомъ, дастъ очень близкое о немъ понятіе и можетъ значительно облегчить чтеніе самой трагедіи. Эта работа заняла у меня много времени. Кромѣ чтенія и обдумыванія пьесы, мнѣ приходилось цѣлыми страницами дѣлать переводы съ французскаго отдѣльныхъ сценъ, чтобы уяснить

[1]) человѣка, проѣзжавшаго Атлантическій океанъ, не должна путать поѣздка въ горы.

себѣ порядокъ мыслей автора, отобрать то, что существенно и нужно для драмы, отъ того, что имѣетъ значеніе второстепенное. Это было не легко, въ виду многословія подлинника, возможнаго въ старинной драмѣ и немыслимаго въ современной оперѣ.

Вотъ первое преимущество моего долгописанія. Кончи я оперу раньше, она была бы написана на либретто весьма несовершенное, только отдаленно напоминающее трагедіи Эсхила.

2-е преимущество моей медлительности то, что она позволила мнѣ примѣнить къ сочиненію оперы систему, которую я, по отношенію къ себѣ, считаю самою подходящею, въ чемъ теперь вполнѣ убѣдился. Система эта заключается въ томъ, чтобы ни одного номера не сочинять окончательно до того, какъ будетъ готовъ набросокъ цѣлаго сочиненія; сочинять, если можно выразиться, концентрически, не слагая цѣлое изъ отдѣльныхъ другъ за другомъ слѣдующихъ частей, а идя отъ цѣлаго къ деталямъ: отъ оперы къ актамъ, отъ актовъ къ сценамъ, отъ сценъ къ отдѣльнымъ нумерамъ. При этомъ условіи можно заранѣе отмѣтить тѣ важнѣйшіе пункты драмы, на которыхъ должно быть преимущественно сосредоточено вниманіе композитора, опредѣлить длину сценъ и №№ сообразно съ относительной важностью ихъ, составить модуляціонный планъ актовъ, распредѣлить оркестровыя звучности и проч.

Вообще у меня страшно много времени уходитъ на подготовительныя работы и несравненно менѣе на окончательное сочиненіе. Нѣкоторые №№ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ я не привожу въ окончательный видъ, продолжая надъ ними работать. Надъ темами, которыя имѣютъ особенное значеніе и повторяются въ нѣсколькихъ мѣстахъ оперы, я часто предпринимаю работы отвлеченныя, безъ отношенія къ какому либо опредѣленному мѣсту, дѣлаю изъ нихъ контрапунктическіе этюды — каноны, имитаціи и т. п. Съ теченіемъ времени изъ этого хаоса отдѣльныхъ мыслей и набросковъ начинаетъ возникать нѣчто болѣе стройное и опредѣленное, мало по малу все лишнее отпадаетъ и остается то, относительно чего уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно пригодно. Сравнивая позднѣйшую обработку нумеровъ раньше написанныхъ, я могу только радоваться тому, что они не вошли въ составъ оперы, до такой степени мало удовлетворительно то, что первоначально приходило мнѣ въ голову.

Не удивляйся, что я такъ мало пишу о своихъ занятіяхъ и вхожу въ такія интимныя подробности своего сочинительства. Намѣреніе мое заключается въ томъ, чтобы оправдать себя въ твоихъ глазахъ въ упрекѣ, который мнѣ можно сдѣлать—что я мало работаю. За послѣдніе два года, когда я сдѣлался совершенно свободнымъ, я написалъ только увертюру и квартетъ и занятъ какой то безконечно тянущейся оперой, которая никакъ не можетъ придти къ концу. [1]) Если судить поверхностно, то

[1]) Впрочемъ я зимой написалъ 1-ю часть сочиненія о сложномъ контрапунктѣ. Къ этому я тоже 3 года подготовлялся.

дѣйствительно выходитъ, что я работаю мало, а на самомъ дѣлѣ я занимаюсь) очень усердно. Не моя вина, что композиція мнѣ не легко дается. Все таки я ее считаю самымъ главнымъ своимъ занятіемъ и ни на что не промѣняю.

Я написалъ чудовищной величины письмо, провелъ за этимъ занятіемъ 5 часовъ! Очень давно не случалось съ тобой видѣться, и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы встрѣчаемся, никогда не удается ни о чемъ поговорить. Пріѣзжаешь ты въ Москву на короткое время и послѣ обѣда у Зилоти или Юргенсона, гдѣ съ тобой можно встрѣтиться, садишься играть въ карты. Писать же я страшно лѣнивъ.

Жду письма

Твой С. Танѣевъ.

№ 2774а. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

г. Клинъ, Моск. губ. 27 Іюня 1891 г.

Другъ мой, Сергѣй Ивановичъ! Очень былъ обрадованъ твоимъ письмомъ. Я мало знаю людей, письма которыхъ было бы столь пріятно читать, какъ твои. Если исключить періодъ твоего директорства (когда, особенно подъ конецъ, ты иногда жаловался на судьбу и предавался мерлихлюндіи), то будущаго твоего біографа будетъ необыкновенно пріятно поражать всегдашнее отраженіе бодраго, здороваго, оптимистическаго отношенія къ задачамъ жизни. Другой бы не упустилъ случай посѣтовать на роковыя препятствія, мѣшающія семилѣтній трудъ привести къ желанному концу, порисовался бы мучительными сомнѣніями и колебаніями, намекнулъ бы на недостатокъ поощренія и восторженнаго сочувствія со стороны друга, къ коему письмо адресовано,—словомъ понюнилъ бы немного. Ты, напротивъ, хоть понемножку, но ровно и твердо идешь къ цѣли, не выпрашивая поощреній и понуканій, увѣренный въ успѣхѣ. Я завидую тебѣ. Твоя работа для тебя наслажденіе, ибо у тебя нѣтъ лихорадочнаго стремленія кончить во что бы то ни стало, какъ можно скорѣе; она нисколько не мѣшаетъ тебѣ заниматься посторонними предметами, удѣлять часть времени не только на составленіе руководства къ контрапункту, но на собственныя упражненія въ этомъ скучномъ ремеслѣ,—и, что всего поразительнѣе—наслаждаться этимъ... Ты, однимъ словомъ, не только художникъ, но и мудрецъ; и отъ комбинаціи этихъ двухъ качествъ я предвижу блистательные плоды. Думаю, что опера твоя будетъ совершенно особнякомъ, рѣдко выдающимся по оригинальности замысла и зрѣлой обдуманности исполненія, произведеніемъ. Я нисколько не намѣренъ, какъ ты предполагаешь, бранить тебя за то, что ты мало пишешь. Дѣло не въ томъ, чтобы писать много, а чтобы писать хорошо. Твой квартетъ превосходенъ. Такова же, увѣренъ, будетъ и опера.

А я такъ вотъ поступаю, какъ свойственно поступать не

мудрецамъ, т. е. сообщу тебѣ, что съ лихорадочной поспѣшностью и постоянными сомнѣніями въ годности своихъ авторскихъ силъ окончилъ начерно балетъ, и при этомъ не упущу случая посѣтовать на судьбу, устраивающую такъ, что я вѣчно долженъ торопиться и напрягать себя. Въ теченіе предстоящаго года я долженъ написать обѣщанную въ дирекцію оперу и балетъ, окончить и инструментовать симфоническую балладу „Воевода", передѣлать совершенно секстетъ, оказавшійся до мерзости неудачнымъ, и все это сдѣлать какъ можно скорѣе, ибо, кромѣ того, мнѣ предстоитъ постановка „Пиковой Дамы" въ Москвѣ, Гамбургѣ и Прагѣ, (при чемъ я считаю свое присутствіе необходимымъ) въ Январѣ второе путешествіе и на сей разъ вѣроятно на нѣсколько мѣсяцевъ въ Нью-Іоркъ, да еще множество обѣщанныхъ поѣздокъ во всѣхъ направленіяхъ. И такъ, я долженъ во что-то ни стало отдѣлаться отъ обузы оперы и балета. Пока я ихъ не кончу, я чувствую себя тѣмъ болѣе неспособнымъ совершать увеселительныя поѣздки, въ родѣ той необыкновенно соблазнительной, которую ты мнѣ предлагаешь,— что въ меня закралось сильное сомнѣніе въ достаточности своихъ сочинительскихъ силъ и это сомнѣніе терзаетъ и мучитъ меня. Балетъ я написалъ съ усиліемъ, ощущая упадокъ изобрѣтательной способности. Посмотримъ, какъ пойдетъ опера. Если увижу, что плохо, несмотря на превосходный и очень соблазняющій меня сюжетъ,—можетъ быть, брошу писать. Я переживаю какой-то кризисъ. Или изъ него я выйду побѣдителемъ и еще нѣсколько лѣтъ буду чернить нотную бумагу, или сложу оружіе. Во всякомъ случаѣ, мнѣ въ Августѣ рѣшительно невозможно посвятить три недѣли на поѣздку съ тобой въ горы. Если-бы я, соблазненный предстоящими въ этой поѣздкѣ красотами и новыми сильными впечатлѣніями,—и согласился бы,—то ты имѣлъ бы въ моемъ лицѣ очень скучнаго товарища. Для подобныхъ поѣздокъ нужно оставить за собой всѣ заботы, имѣть потребную для этого энергію, охоту отдыхать, и забыть все, что тревожитъ и волнуетъ. Этого я не могу. Вотъ если я все, что взялъ на себя исполню и исполню хорошо,—тогда въ будущемъ году готовъ хоть все лѣто посвятить путешествію по Кавказу, который страшно привлекаетъ меня и котораго, какъ ты справедливо говоришь, я въ сущности не знаю. Помню, что я съ невыразимымъ интересомъ читалъ въ „Вѣстникѣ Европы" статью Ковалевскаго о Вашей поѣздкѣ. Нѣтъ, милый Сергѣй Ивановичъ, въ нынѣшнее лѣто я рѣшительно не могу принять твое соблазнительное предложеніе.

Изводятъ меня также корректуры. Единственный корректоръ, на котораго я возлагалъ надежды, былъ Саша Зилоти. Но я имѣлъ случай убѣдиться, что и онъ не надеженъ, и теперь я самъ дѣлаю массу корректуръ разныхъ вновь издаваемыхъ старыхъ вещей, въ томъ числѣ, партитуры „Евгенія Онѣгина"!!! Охъ, какъ это противно и какъ это мнѣ разстраиваетъ нервы!

Про Америку позволю себѣ ничего не писать, ибо предпочитаю о ней поговорить съ тобой устно. Страна интересная. Пріемъ былъ мнѣ оказанъ восторженный. Американской музыки не имѣется вовсе. Но любовь и потребность къ хорошей чужой музыкѣ громадная. Ужасно, необыкновенно интересно знать, что выйдетъ изъ твоей оперы. Убѣжденъ, что она будетъ имѣть громадныя достоинства.

П. Чайковскій.

Не пригласить ли тебѣ Кашкина въ качествѣ спутника къ „Урусбіеву"?

№ 4723. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

5-тигорскъ, Верхній бульваръ, д. Каневской.
14 Іюля 1891 г.

Милый Петръ Ильичъ, получилъ твое письмо въ то время, какъ дописывалъ „Агамемнона", теперь уже оконченнаго (такъ называется 1-й актъ моей оперы, соотвѣтствующій 1-й трагедіи того же названія). Съ нетерпѣніемъ буду ожидать свиданія съ тобой, чтобы проиграть тебѣ мое сочиненіе. Очень желаю, чтобы ты нашелъ хоть часть тѣхъ достоинствъ, которыми надѣляешь его заочно. Агамемнонъ представляетъ въ сущности какъ бы отдѣльную небольшую оперу (1-я картина длится 20 минутъ, 2-я—41 минуту, и того немного болѣе часа), вполнѣ законченную по сюжету. Одинъ изъ французскихъ писателей (не помню его имени) сдѣлалъ самостоятельную пьесу изъ этой трагедіи. Эта опера могла бы даваться отдѣльно, напр., на какой либо провинціальной сценѣ, для которой вся опера (въ особенности третій актъ, гдѣ являются фуріи и Олимпійскія божества) невозможна по трудностямъ постановки. И дѣйствующихъ лицъ въ первомъ актѣ немного: сопрано (Кассандра), альтъ (Клитемнестра), баритонъ (Эгистъ) и басъ (Агамемнонъ) и еще маленькая партія баса—(стражъ). Во всякомъ случаѣ моя опера съ этимъ певымъ актомъ начинаетъ изъ области мечтаній переходить въ дѣйствительность. Съ двумя изъ героевъ я уже не встрѣчусь, они убиты: Агамемнонъ и Кассандра. Словъ дальше мнѣ либреттистъ не прислалъ. Я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы прервать мою работу и перехожу къ книгѣ о контрапунктѣ. По возвращеніи въ Москву снова примусь за оперу и кончу во всякомъ случаѣ втеченіе сезона. Несмотря на мудрость, которую ты мнѣ приписываешь, я буду весьма огорченъ: a) если моя опера не будетъ поставлена, b) если при постановкѣ ея ко мнѣ будутъ также недружелюбно относиться, какъ относились къ Антошѣ при постановкѣ Воеводы и c) если она не будетъ имѣть успѣха и пройдетъ незамѣченною. Хотя я не избалованъ успѣхомъ своихъ сочиненій, но я столько на нее положилъ труда, что упомянутыя обстоятельства могутъ быть для меня весьма непріятны.

Съ большимъ удовольствіемъ думаю о приближающейся поѣздкѣ. Жаль, что ты не примешь въ ней участія. Впрочемъ, я и не разсчитывалъ на успѣхъ своего приглашенія. Если въ будущемъ году захочешь ѣздить по Кавказу, охотно къ тебѣ присоединяюсь, хотя мнѣ было бы интересно также съѣздить будущимъ лѣтомъ въ Вѣну на музыкальную выставку. Не столько самая выставка меня интересуетъ, сколько хочется послушать музыки (преимущественно оперъ), которыхъ здѣсь не услышишь. Моцартъ и Вагнеръ меня болѣе всего интересуютъ.

Ты очень удачно выбралъ самого себя въ примѣръ того, что иногда люди понапрасну жалуются на судьбу. Вотъ случай, гдѣ судьба не причемъ. Если бы ты находился въ нуждѣ и долженъ былъ скорѣе кончить сочиненіе, въ виду тѣхъ денегъ, которыя за него получишь, или еслибы ты былъ композиторомъ мало извѣстнымъ, жаждующимъ пріобрѣсть популярность и желающимъ какъ можно чаще напоминать о себѣ публикѣ, въ этихъ случаяхъ пожалуй можно бы было жаловаться на судьбу. Но судьба нисколько непричастна тѣмъ обѣщаніямъ, которыя ты безъ надобности даешь дирекціи, нисколько въ томъ, что работу, на которую надо положить годъ, ты непремѣнно хочешь окончить въ мѣсяцъ или два. Не сомнѣваться тебѣ въ своихъ силахъ нужно, а изумляться, что они выходятъ побѣдителями изъ тѣхъ испытаній, которымъ ты ихъ подвергаешь. Духовныя силы можно также надорвать, какъ и физическія. Не благоразумнѣе-ли къ нимъ относиться съ бережливостью, а не подвергать себя такому риску? Да и въ отношеніи къ сочиненіямъ это тоже рискъ. Нельзя быть увѣреннымъ, что въ сочиненіи, торопливо написанномъ, все будетъ хорошо, все будетъ вполнѣ удовлетворять автора, что авторъ не пожелаетъ сдѣлать измѣненій и передѣлокъ. А съ какими трудностями сопряжены передѣлки въ сочиненіи, которое уже напечатано, переписано на партіи, разучено и исполнено! Не проще ли это все сдѣлать ранѣе обнародованія сочиненія, на досугѣ, не торопясь, не на глазахъ у публики, а въ тиши своего кабинета, взвѣсивъ каждую свою мысль, провѣривъ себя послѣ того, какъ пройдетъ первый пылъ творчества. Отъ сколькихъ непріятностей, отъ сколькихъ разочарованій это можетъ избавить художника! Положимъ, что количество сочиненій отъ этого нѣсколько уменьшится. Но развѣ это уже такъ важно? Несомнѣнно, что для популярности композитора нужно, чтобы онъ писалъ довольно много, чтобы по возможности въ каждомъ родѣ имъ написаны были вещи, но несомнѣнно также, что есть какая то граница, переходя которую обиліе сочиненій начинаетъ скорѣе мѣшать тому, чтобы съ ними знакомились. 360 кантатъ Баха, 118 симфоній и 83 квартета Гайдена, 20 томовъ сочиненія Вольтера—эти цифры производятъ какое-то устрашающее дѣйствіе на потомковъ этихъ великихъ людей и отбиваютъ охоту изучать эти произведенія. Кончается тѣмъ, что изъ 180 или 83 сочиненій выби-

рается 10-12, и цѣлыя поколѣнія, одно за другимъ, слушаютъ эти 12. безъ всякаго желанія познакомиться съ 13-мъ или 14-мъ.

Съ какой стороны не посмотри, все выходитъ, что Пушкинъ былъ правъ, сказавъ:

„Служенье музъ не терпитъ суеты".

Обнимаю тебя

С. Танѣевъ.

P. S. Очень радъ, что услышу въ Москвѣ Пиковую Даму. Послѣ 1-го представленія я остался въ Петербургѣ еще на недѣлю, но, несмотря на протекцію Модеста Ильича, на старанія Третьякова и Петерсона, мнѣ не удалось попасть ни на 2-е ни на 3-е представленіе. Я былъ очень раздосадованъ на театральное начальство, мѣшающее музыканту услышать оперу, для которой онъ пріѣхалъ изъ другого города.

Николая Дмитріевича не приглашаю съ собой ѣхать, потому что мнѣ неловко было бы привести къ Урусбіеву гостя, съ которымъ онъ незнакомъ.

На обратномъ пути я заѣду въ Пятигорскъ дня на три.

№ 4797. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

22 Сентября 1891 г.

Другъ мой, Петръ Ильичъ, разрѣши мнѣ въ фугѣ твоего тріо сдѣлать въ ф. п. партіи нѣкоторыя удвоенія голосовъ. По мнѣнію моему, Конюса [1]) и Брандукова, съ которыми я сегодня репетировалъ тріо, упомянутое видоизмѣненіе дѣлаетъ фугу болѣе доступною для слушателей и она выиграетъ въ производимомъ ею эффектѣ. Я намѣревался предоставить тебѣ рѣшеніе этого вопроса послѣ того, какъ мы тебѣ ее сыграемъ на репетиціи, но узналъ сегодня, что ты на репетиціи не будешь. Вотъ почему тебѣ пишу. Измѣненія мои касаются только с п о с о б а и з л о ж е н і я, оставляя въ неприкосновенности контрапунктическую ткань сочиненія и нисколько не противорѣчатъ условіямъ стиля, въ какомъ твоя фуга написана.

Въ ожиданіи благопріятнаго отвѣта, остаюсь преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

P. S. У насъ было уже 2 репетиціи тріо и еще будетъ 2.

Вчера вечеромъ былъ у меня Модестъ Ильичъ, завтра онъ къ тебѣ уѣзжаетъ. Не собирается ли онъ пріѣхать на концертъ Конюса?

№ 2796. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

25 Октября 1891 г.

Голубчикъ, Сергѣй Ивановичъ! мнѣ необходимо сегодня быть въ театрѣ (дебютъ новаго тенора въ „Онѣгинѣ"). Дирекція поручаетъ мнѣ рѣшить, годится ли онъ. Поэтому я самъ не

[1]) Юлій Конюсъ, скрипачъ.

могу привезть тебѣ партитуру „Іоланты“. Посылаю ее, а ты пожалуйста дай расписку въ полученіи, а то я буду безпокоиться. Еще разъ повторяю, что считаю для себя величайшимъ счастіемъ и прямо благодѣяніемъ съ твоей стороны, если ты возьмешь на себя трудную и скучную задачу. Но съ другой стороны я не хотѣлъ бы, чтобы изъ дружбы ты себя насиловалъ. Поступи, какъ знаешь. Партитура готова вполнѣ, (т. е. то, что я тебѣ послалъ) кромѣ темповъ и метрономовъ, а также полнаго обозначенія нумеровъ. Это я сдѣлаю потомъ на партитурѣ и на твоемъ (о, счастье!) клавираусцугѣ.

Вашъ П. Чайковскій.

1) Въ понедѣльникъ Зилоти будетъ звать тебя прослушать концертъ Рахманинова.

2) Не говори мнѣ при свиданіи ничего про „Іоланту“, ни похвалы, ни (чего Боже сохрани) порицанія. Когда же опера будетъ дана,—только тогда можно критиковать, сколько угодно.

№ 4853. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

25 Октября 1891 г.

Милый Петръ Ильичъ, получилъ оперу—7 тетрадей, сейчасъ буду ее разбирать. О достоинствахъ и недостаткахъ (если таковыя найдутся—„чего Боже сохрани“) обязуюсь хранить полное молчаніе. Завтра или послѣ завтра примусь за клавираусцугъ. Буду тебя очень просить поручить корректуры не мнѣ, а кому нибудь изъ настоящихъ корректоровъ. Во первыхъ я ихъ дѣлаю плохо, въ 2-хъ онѣ приводятъ меня въ отчаяніе (у меня на столѣ лежатъ два пакета отъ Петра Ивановича, [1]) которые я не рѣшаюсь открыть) въ 3-хъ возьмутъ у меня времени страшно много и все таки нельзя поручиться, что я не пропущу какихъ либо ошибокъ. Впрочемъ при свиданіи переговорю еще съ тобой объ этомъ.

Преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

№4890. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

16 Ноября 1891 г.

Милый Петръ Ильичъ, сейчасъ ѣду въ Петербургъ; воспользовался открытымъ мнѣ кредитомъ и взялъ у Петра Ивановича 75 рублей на поѣздку. Партитуру твоей оперы Пелагея Васильевна отнесла къ Масловымъ, въ виду того, что она (т. е. Пел. Вас.) иногда не бываетъ дома. По возвращеніи примусь за работу и буду ожидать присылки окончанія. Желаю тебѣ быть здоровымъ, покончить задуманную работу въ возможно скоромъ времени.

[1]) Юргенсона.

Привели извозчика, ѣду.
Жалѣю, что тебя не будетъ на Моцартовскихъ праздникахъ.

Твой С. Танѣевъ.

Масловы на дняхъ пришлютъ тебѣ свое вязанье.

№ 2806а. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

9 Декабря 1891 г.

Милый другъ Сергѣй Ивановичъ! Не пріѣдешь ли ты ко мнѣ на этой недѣлѣ? Мнѣ нужно, во 1-хъ, тебя видѣть, чтобы кое о чемъ переговорить, а во 2-хъ, мнѣ нужна партитура „Іоланты“ (тѣхъ тетрадей, что я далъ тебѣ сначала), дабы выставить темпы. Что-бы ты пріѣхалъ и привезъ мнѣ эти тетради!!

Ипполитовъ-Ивановъ мечталъ посѣтить меня съ тобою и съ Аренскимъ. Отлично было бы! Если же не можешь, тогда партитуры не посылай. Я выставлю темпы 16-го въ Москвѣ, у тебя въ квартирѣ, если позволишь.

П. Чайковскій.

№ 5051. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

2 Марта 1892 г.

Милый Петръ Ильичъ, если тебѣ извѣстенъ парижскій адресъ Зилоти, пожалуйста сообщи. Пребываніе въ Майдановѣ подѣйствовало на меня очень благотворно, возбудивъ желаніе поскорѣй подвинуть оперу. Пользуюсь всякимъ свободнымъ временемъ, чтобы привести въ порядокъ 2-й актъ. На исполненіе Matthäus-Passion 11 Марта я не могу пріѣхать: въ это время будутъ репетиціи моей кантаты, [1]) которая будетъ исполнена въ концертѣ 13 Марта. Можетъ б. попаду къ репетиціи Mt. Pass. Просилъ Юргенсона узнать, когда будутъ эти репетиціи, а также пустятъ ли меня, если я для этого пріѣду.

Въ субботу разсматривалъ оперу Бларамберга. Она оказалась весьма заслуживающею вниманія. Онъ сдѣлалъ большіе успѣхи въ композиціи. Инструментована хорошо, гармонія часто весьма красивая съ русскимъ оттѣнкомъ, написана опера тщательно. Всего слабѣе мѣста нѣжныя, напр., любовный дуэтъ— нѣсколько сухъ. Есть нѣкоторыя длинноты, но въ общемъ сочиненіе это произвело на меня самое благопріятное впечатлѣніе, а также и на прочихъ членовъ коммиссіи. Я очень радъ за Бларамберга, который страшно волновался и, садясь играть, имѣлъ видъ приговореннаго къ смерти.

До свиданія.

Твой С. Танѣевъ.

[1]) „Іоаннъ Дамаскинъ“.

№ 5061. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

8 Марта 1892 г. Воскресенье.

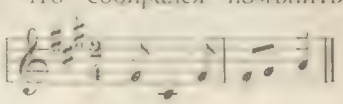
Милый Петръ Ильичъ, концертъ въ память Н. Г., гдѣ будетъ исполняться моя кантата будетъ не 13 Марта, какъ я писалъ тебѣ въ Петербургъ (не знаю, получилъ ли ты письмо,—оно было адресовано въ консерваторію), а 11-го въ среду. Сообщаю это, нисколько не разсчитывая, что ты нарочно поѣдешь въ Москву, а на всякій случай. Сегодня въ 3 часа дня репетиція. Хорошо ли съѣздилъ въ Петербургъ? Я за Щелкунчика еще не принимался, но послѣ концерта сяду за работу.

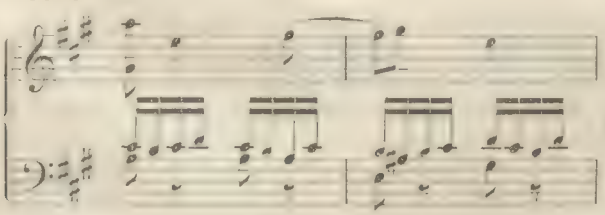
Твой С. Танѣевъ.

№ 5230. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Пятигорскъ, Верхній бульваръ, д. Каневской.

29 Іюня 1892 г.

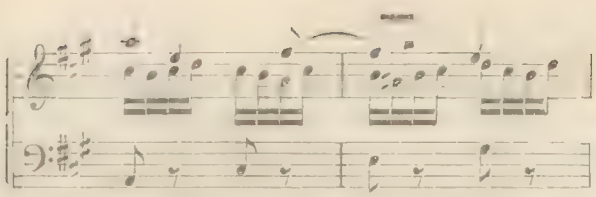
Другъ мой, Петръ Ильичъ! Сейчасъ узналъ, что сегодня день Петра и Павла и захотѣлъ тебя поздравить съ имянинами. Въ настоящую минуту нахожусь у Антона Степановича (1)—это мой первый выходъ послѣ двухнедѣльнаго пребыванія дома. Я пошелъ, двѣ недѣли тому назадъ, съ А. С. на прогулку. Пришлось перепрыгнуть черезъ ручей. Онъ, т. е. Ант. Ст., сдѣлалъ это удачно, а у меня подвернулась нога. Съ трудомъ дошелъ домой и до сегодня прикладывалъ компрессы, растиралъ ногу спиртомъ и т. п. Былъ нынче у доктора, который разрѣшилъ понемногу ходить. Передъ отъѣздомъ я отправилъ Щелкунчика Газенклеверу. (2) Пріѣхавъ сюда, вспомнилъ, что собирался измѣнить нѣсколько тактовъ въ fis-moll'номъ №  а именно мѣсто въ A-dur. Шестнадцатыя у меня помѣщены въ лѣвую руку.



и т. д.

При чтеніи съ листа это мѣсто можетъ затруднить играющаго, почему и я собирался (но забылъ!) перенести фигуру шестнадцатыхъ въ правую руку, что гораздо удобнѣе:

1) Аренскаго.
2) Приказчикъ нотнаго магазина Юргенсона.


и т. д.

Исправить это въ моемъ переложеніи я не имѣю возможности, но можетъ быть ты помѣстишь это въ облегченное изданіе. Въ Іолантѣ есть нѣсколько опечатокъ, о которыхъ хочу тебя увѣдомить (о нѣкоторыхъ я уже тебѣ говорилъ).

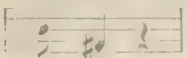
1) въ перечнѣ дѣйствующ. лицъ Альмерикъ

стр. 6 до начала музыки „ища ихъ на деревьяхъ" пропущена точка послѣ этихъ словъ.

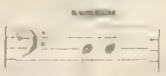
стр. 11, 3-я строчка

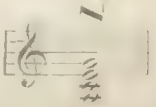
„Васъ музыка разстроила" (напечатано: растроила).

стр. 27, послѣдній тактъ 2-й строки



не на 4-й-ли четверти должно помѣстить это слово?

стр. 118 тактъ 3-й—лѣвая рука: 

стр. 140 тактъ 3-й, лѣвая рука: 

Не зная, гдѣ ты находишься въ настоящее время, пишу на имя Юргенсона. Я занимаюсь ежедневно писаніемъ контрапунктическихъ задачъ для моего учебника, сочиняю, читаю партитуру Зигфрида. Ежедневно вижусь съ Ант. Степановичемъ. Ему вѣроятно придется переѣхать въ Желѣзноводскъ и я собираюсь съ нимъ. Съѣдемся ли мы съ тобой въ Селищѣ? Буду ждать письма.

Твой С. Танѣевъ.

Многоуважаемый Петръ Ильичъ! Прошу принять отъ меня сердечное поздравленіе съ днемъ ангела съ самыми горячими пожеланіями здоровья и вообще всякаго благополучія.—Я, сверхъ ожиданія, провожу лѣто на Кавказѣ. Сергѣй Ивановичъ уговорилъ меня поѣхать на Кавказъ, и я нисколько не раскаиваюсь въ этомъ,—только очень трудно мириться съ невыносимой жарой, продолжающейся съ 9-ти часовъ утра до 6 вечера. Въ это время дня я весь Іюль занимался составленіемъ новаго учебника „музыкальныхъ формъ", первую часть котораго отослалъ недѣлю тому назадъ Юргенсону для печатанія, а теперь занятъ второй частью.

До свиданія, дорогой Петръ Ильичъ.

Искренно преданный

А. Аренскій.

№ 2858. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

г. Клинъ. 13 Іюля 1892 г.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! Только что вернулся изъ заграницы и нашелъ письмо твое отъ 29 іюня. За указаніе опечатокъ въ „Іолантѣ" ужасно благодаренъ. Всѣ ли указаны въ твоемъ письмѣ? Помню, что ты указалъ мнѣ нѣкоторыя еще въ Москвѣ, но тотъ экземпляръ, на коемъ онѣ были отмѣчены, куда-то исчезъ. Пожалуйста напомни. Въ балетѣ перемѣню, какъ ты этого желаешь, не только въ облегченномъ изданіи, но и въ твоемъ переложеніи, ибо корректуру буду дѣлать я. Вообще, мнѣ предстоитъ теперь мѣсяца два исключительно заниматься корректурами, облегченнымъ переложеніемъ балета и т. д. Теперь просматриваю двухручное переложеніе „Іоланты", сдѣланное Лангеромъ, какъ водится, отвратительно. Терзаюсь и злюсь неописанно. Въ маѣ, до отъѣзда заграницу, я сдѣлалъ эскизы первой части и финала симфоніи. Заграницей она не подвинулась нимало, а теперь не до того.

Мнѣ весьма желательно побывать у Масловыхъ, но я желалъ бы въ точности узнать, когда ты тамъ будешь. Сообщи въ точности твои планы. Будетъ ли тамъ Антоша?—вотъ бы чудесно было! — Упоминая о своихъ занятіяхъ, ты очень въ скользь говоришь о сочиненіи. Подвинулась ли опера?—Это меня очень интересуетъ. Мнѣ очень не нравится, что Антоша, прельщаясь гонораромъ, посвящаетъ все свое время учебнику. А Наль и Дамаянти?

Получивъ вчера твое письмо, я цѣлый вечеръ мечталъ о сочиненіи и посвященіи тебѣ басни, долженствовавшей увѣковѣчить для потомства неудачный твой прыжокъ черезъ канаву. Но не хватило пороху.

Обнимаю крѣпко тебя и Антошу. Очень тронутъ его милой припиской.

Твой П. Чайковскій.

До свиданья.

№ 5221. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Пятигорскъ. 24 Іюля 1892 г.

Милый другъ Петръ Ильичъ! Всѣ опечатки, о которыхъ тебѣ говорили въ Москвѣ, включены въ полученный тобою списокъ. Могу къ нимъ пока присоединить еще одну весьма важную. На стр. 171, послѣдній тактъ 3-й строки, при словахъ „въ новомъ мірѣ свѣта", въ партитурѣ ф. п. въ лѣвой рукѣ пропущенъ ♮ на 2-й четверти (нота ré). Такой же ♮ можно поставить пожалуй и на послѣдней четверти предшествующаго такта.

Мои планы относительно Селища слѣдующіе. 1-го Августа (это рѣшено навѣрное) я выѣзжаю отсюда на Харьковъ. 3-го

Августа въ 10 часовъ вечера я въ Орлѣ. Если мой поѣздъ не опоздаетъ, то черезъ $^1/_2$ часа ѣду въ Карачевъ, куда и прибуду черезъ $2^1/_2$ часа, т. е. во 2-мъ часу ночи съ 3-го на 4-ое Августа.

Въ Карачевѣ или можно ѣхать немедленно на разсвѣтѣ въ Селище или же, переночевавъ въ гостинницѣ, отправиться туда часу въ 10-мъ утра.

Если бы ты пожелалъ ко мнѣ присоединиться, то для того нужно выѣхать изъ Москвы по Курской дорогѣ 3-го Августа въ 12 часовъ 15 мин. дня съ скорымъ поѣздомъ. Билетъ надо взять до Орла, въ Орлѣ же тотчасъ же по пріѣздѣ новый билетъ до Карачева. Если захочешь переночевать, то въ Карачевѣ это сдѣлать удобнѣе, чѣмъ въ Орлѣ. (Вокзалъ Орловскій страшно далекъ отъ города). Въ случаѣ, если пріѣдешь въ другое время и притомъ не увѣдомивъ предварительно Масловыхъ телеграммою, то надо адресоваться къ извозчику Семену Харитонову, который рублей за 5 довезетъ до Селища. Еще можно пожалуй съ пути послать телеграмму, чтобы онъ приготовилъ лошадей („Карачевъ, извозчику Семену Харитонову"). Очень было бы хорошо, если бы ты не измѣнилъ своего намѣренія и дѣйствительно пріѣхалъ къ Масловымъ. Не говоря уже о томъ, что они будутъ очень рады твоему пріѣзду, я увѣренъ, что ты будешь себя чувствовать у нихъ совершенно свободно и не встрѣтишь никакихъ помѣхъ въ своихъ ежедневныхъ занятіяхъ. Особенно благопріятно то, что твоя ближайшая работа заключается въ дѣланіи корректуръ—занятіи механическомъ, требующемъ только тишины и уединенія: то и другое вполнѣ найдешь въ Селищѣ.

Пробуду я тамъ до вступительныхъ консерваторскихъ экзаменовъ, .т е. 25-го или 26-го Августа. Антоша въ Селище не пріѣдетъ, ему хочется въ деревню къ своей семьѣ. Оперой своей онъ занимался, но ему мѣшаетъ учебникъ, который еще не кончилъ. Сочинено изъ оперы немного менѣе половины. У него были разныя неудачи съ квартирами и я его уговорилъ переѣхать ко мнѣ.

Не могу сказать, чтобы я былъ прилеженъ. Впрочемъ почти сочинилъ послѣднюю картину оперы и думаю, что приблизительно черезъ мѣсяцъ—самое меньшее—кончу всю оперу. Въ настоящемъ сезонѣ займусь инструментовкой. Жалѣю, что твоя басня не докончена. Не можетъ ли пригодиться для нея то, что ногу мнѣ лѣчитъ массажистка, ежедневно къ намъ приходящая и минущая мнѣ также и животъ—чтобы я скорѣе похудѣлъ.

До свиданія

Твой С. Танѣевъ.

Въ случаѣ, если рѣшишь со мной съѣхаться, выѣхавъ изъ Москвы 3-го Августа, то пришли мнѣ объ этомъ телеграмму по адресу: Пятигорскъ, Верхній бульваръ, д. Каневской.

Дорогой Петръ Ильичъ! Я очень жалѣю, что не могу пріѣхать къ Масловымъ: съ 24-го мая я не видѣлся съ дѣтьми и женой и поэтому намѣренъ провести остатокъ лѣта съ ними и позаняться своей оперой, которая благодаря учебнику, тоже еще далеко не вся готова.

Искренно преданный

А. Аренскій.

№ 2866. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

3 Августа 1892 г.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! За указаніе ошибки въ „Іолантѣ" очень благодаренъ. Я таковыхъ нашелъ еще огромное множество!!! Чортъ знаетъ что! Ни самъ я не корректоръ,—да и рѣшительно никто не можетъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ! Ни на кого положиться нельзя! Теперь я погруженъ въ корректуры партитуръ „Іоланты" и „Щелкуна". Что за мука! Сегодня надъ двумя страницами провелъ цѣлый вечеръ,—до того мнѣ напутали!!! Пока не кончу главнаго, т. е. первыхъ корректуръ,—не могу двинуться. Главное, оттого, что дѣло спѣшное, а мнѣ безпрестанно нужно имѣть общеніе съ граверами Юргенсона. И не только письменно, но и лично приходится распутывать недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе, я все-таки надѣюсь побывать въ Селищѣ, разумѣется, до твоего отъѣзда оттуда.

Очень разстроила меня смерть С. М. Третьякова, котораго еще такъ недавно видѣлъ въ цвѣтущемъ здоровьѣ въ Петербургѣ, не болѣе трехъ съ половиной недѣль тому назадъ. Я былъ на его похоронахъ.

Симфонія не подвигается.

Итакъ, я надѣюсь вскорѣ увидаться съ тобой въ Селищѣ. Спасибо за указанія, какъ ѣхать.

Обнимаю.

П. Чайковскій.

№ 5243. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Селище. 11 Августа 1892 г.

Милый другъ, Петръ Ильичъ, 4-го утромъ я пріѣхалъ въ Селище. Всѣ Масловы здѣсь и еще Александра Ивановна Алексѣева. О холерѣ здѣсь не слыхать. Всѣ ѣдятъ овощи и яблоки безъ вредныхъ послѣдствій. Погода превосходная, дни солнечные и нѣсколько свѣжіе. Прогулки въ лѣсахъ восхитительныя, грибовъ очень много. Такъ какъ ты вѣроятно заранѣе рѣшишь, когда поѣдешь въ Селище, то несравненно удобнѣе увѣдомить Масловыхъ телеграммою: ѣхать на наемныхъ лошадяхъ очень безпокойно, а Масловы вышлютъ удобный экипажъ. Достаточно телеграмму послать за два дня до твоего отъѣзда. Напр., если

выѣзжаешь числа 17-го, то телеграфировать 15-го. Еще удобнѣе за три дня (меньше какъ за два дня—не дойдетъ во время). Вотъ текстъ телеграммы:

Карачевъ, Селище, Масловымъ. Пріѣду въ ночь съ..... (число, въ кот. выѣзжаешь) на.....

До свиданія

Твой С. Танѣевъ.

№ 2867. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Москва. 11 Августа 1892 г.

Другъ мой, Сергѣй Ивановичъ! видитъ Богъ, что я, въ самомъ дѣлѣ, стремился душой въ Селище, но судьба такъ устроила, что, кажется, желаніе мое не осуществится. Ты говоришь, что корректуры можно дѣлать въ Селищѣ, но въ этомъ ты заблуждаешься. Всѣ эти корректуры дѣлаются спѣшно, ибо нотный матеріалъ долженъ быть готовъ въ очень скоромъ времени. Мнѣ необходимы постоянныя сношенія съ граверами и Юргенсономъ и не только письменныя, но и личныя, такъ что я неоднократно принужденъ былъ ѣздить въ Москву спеціально для этого. Представь себѣ, что я разомъ дѣлаю:

1) всѣ три корректуры оркестровой партитуры оперы и балета;

2) поправляю и корректирую скверное Лангеровское двухручное переложеніе;

3) дѣлаю облегченное переложеніе балета;

4) корректирую твое балетное переложеніе.

Въ результатѣ у меня теперь такая ненависть, такое отвращеніе къ моимъ обоимъ дѣтищамъ, что они никогда не пройдутъ.

Въ виду того, что Консерваторія начинаетъ занятія 15 сентября,—ты останешься въ Селищѣ дольше, но помѣшаетъ посѣтить васъ въ сентябрѣ то обстоятельство, что Комитетъ Вѣнской Выставки усиленно приглашаетъ меня дирижировать концертомъ около 20 Сентября. Я принялъ приглашеніе,—такъ что, какъ только кончатся мои корректурныя терзанія,—поѣду въ Вѣну.

А за симъ, если, паче чаянія, вѣнская поѣздка не состоится, тогда весьма возможно, что все-таки пріѣду.

Обнимаю.

П. Чайковскій.

Усердные поклоны всѣмъ Ивановичамъ и Ивановнамъ, а также Афанасьевымъ.

№ 2884. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

14 Октября 1892 г.

Не хочешь ли, милый Сергѣй Ивановичъ, быть сегодня въ Д. Ж. со мной въ ложѣ № 7 внизу съ лѣвой стороны? Очень

бы хотѣлось тебя видѣть и вмѣстѣ съ тобой насладиться божественнѣйшей изъ всѣхъ оперъ.

П. Ч.

Начало въ 8 час.

№ 5328. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Милый Петръ Ильичъ, я только что сидѣлъ за партитурой Донъ-Жуана и думалъ о томъ, чтобы написать тебѣ письмо о нѣкоторыхъ своихъ соображеніяхъ, до нея относящихся, какъ получилъ твое приглашеніе. Хотя я уже запасся мѣстомъ въ креслахъ, но конечно предпочту провести нынѣшній вечеръ съ тобою въ ложѣ и захвачу съ собой партитуру.

Очень тебя благодарю и остаюсь преданнымъ тебѣ

С. Танѣевъ.

№ 5329. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Пятница.

Милый Петръ Ильичъ, гдѣ и когда можно тебя видѣть? Завтра я въ консерваторіи до 5-ти часовъ, остальные дни всегда могу быть свободнымъ или для того, чтобы придти къ тебѣ или для того, чтобы ждать тебя дома. Не соберешься ли ко мнѣ какъ нибудь на дняхъ завтракать къ часу? Желаю тебѣ сыграть конченную 2-ю картину 2-го акта моей оперы, тебѣ еще неизвѣстную. Антонъ Степановичъ написалъ сюиту для 2хъ ф. п., которую тоже тебѣ сыграемъ. Въ среду съ 7 часовъ у меня будетъ засѣданіе Баховскаго Общества (члены: Ант. Ст., Корещенко, Конюсъ и я). Не посѣтишь ли ты это собраніе?

Буду ждать увѣдомленія

твой С. Танѣевъ.

NB. Были у тебя съ Ѳедоромъ Ивановичемъ, Анной Ивановной и Юліей Аѳанасіевной.

Балетъ подвигается, но 1-е дѣйствіе потребуетъ еще около 2-хъ недѣль.

№ 2888. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

С. П. Б. 3 Декабря 1892 г. Grand Hotel.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! Я сейчасъ узналъ вещь, которая меня глубоко обрадовала. Я уже нѣсколько разъ очень энергически говорилъ съ Всеволжскимъ объ „Орестейѣ“ и всячески старался заинтересовать его, но не зналъ какое имѣло дѣйствіе мое стараніе. Сейчасъ я былъ у него и узналъ, что онъ очень, очень, очень заинтересованъ, вѣроятнѣе всего потому, что ему не приходилось ставить оперъ изъ греческой классической старины,—а вѣдь его больше всего постановка интересуетъ. Онъ при мнѣ повелъ въ сторону Направника и началъ

совѣтоваться съ нимъ на счетъ того не предложить ли Государю Орестейю въ репертуаръ на будущій сезонъ. Направникъ, разумѣется, отнесся къ твоимъ достоинствамъ съ большимъ уваженіемъ, но убоявшись, что онъ будетъ недостаточно горячъ, я подскочилъ и вновь сталъ убѣждать въ крайней необходимости поставить Орестейю. Я предложилъ вызвать тебя и попросить сыграть, но Всеволожскій, боясь, что въ случаѣ, если дѣло не состоится, ты оскорбишься, что даромъ безпокоили, просилъ нельзя ли выманить отъ тебя клавираусцугъ и либретто и безъ твоего вѣдома съиграть. Я же думаю, что въ качествѣ истиннаго философа ты не упадешь духомъ въ случаѣ неудачи. Думаю, что ты одинъ можешь съиграть оперу такъ, чтобы музыку зарекомендовать хорошо. По моему тебѣ необходимо побывать въ Питерѣ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что ты обо всемъ этомъ думаешь? Отвѣчай скорѣй и скажи, какъ мнѣ поступить, т. е. обѣщать ли клавиръ безъ тебя самого. Пользуйся необыкновеннымъ стеченіемъ обстоятельствъ: на будущій сезонъ нѣтъ въ виду ни одной русской оперы, кромѣ твоей.

Про Антошу я говорилъ съ неменьшимъ краснорѣчіемъ, но пока очень неудачно. Во всякомъ случаѣ Всевол. отказывается заказывать ему оперу. Впрочемъ, объ этомъ въ другой разъ: я страшно тороплюсь, хочу, чтобы сегодня письмо уже пошло.

Обнимаю.

П. Ч.

№ 5408. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

15 Февраля 1893 г.

Милый другъ, Петръ Ильичъ, посылаю тебѣ на дорогу біографію Бетховена, о которой мы съ тобой говорили. Ты ничего не потеряешь, если выпустишь эстетическія разсужденія Ноля о его сочиненіяхъ. Тогда еще ярче выступитъ дивная личность Б., невольно внушающая къ себѣ чувство благоговѣнія. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ 2-й томъ, наполненный выписками изъ дневника его и тѣхъ тетрадей, гдѣ записаны разговоры его съ знакомыми.

Желаю тебѣ хорошо съѣздить и жду тебя въ пятницу.

Твой С. Танѣевъ.

№ 5439. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Петербургъ, Саперный, 3. 20 Марта 1893 г.

Милый другъ Петръ Ильичъ! Вчера я пріѣхалъ изъ Москвы и вчера же игралъ мою оперу въ дирекціи. Мнѣ стоило очень большихъ усилій приготовить въ полномъ видѣ клавираусцугъ. Я пользовался услугами четырехъ переписчиковъ, которымъ по составленному мной расписанію своевременно приготовлялъ работу. Въ послѣдніе дни у меня безвыходно сидѣлъ одинъ изъ

нихъ, которому я отдавалъ листъ за листомъ. Рахманиновъ по 4 часа въ день проводилъ у меня, просматривая переписанное, на что у меня не хватало времени. Я не запомню, чтобы приходилось когда либо такъ усиленно работать. Ложился поздно, вставалъ часовъ въ 6, а послѣдній день даже въ 4 утра. Къ отъѣзду весь клавираусцугъ былъ переписанъ, кромѣ нѣсколькихъ тактовъ, которые я вписалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Къ часу дня отправился въ Маріинскій театръ, гдѣ и проигралъ всю оперу втеченіи 4-хъ часовъ въ присутствіи Всеволожскаго, Направника и его 2-хъ помощниковъ, Модеста Ильича, Кондратьева, Палечека, театральнаго доктора, полицеймейстера, графа Ржевусскаго и другихъ неизвѣстныхъ мнѣ личностей.

Отвѣтъ относительно моей оперы Всеволожскій обѣщалъ дать въ апрѣлѣ. Пока можно опредѣленно сказать, что въ будущемъ сезонѣ она не пойдетъ, т. к. надобность въ оперѣ миновала, вслѣдствіе желанія Государя поставить Фальстафа. Такъ что вопросъ будетъ касаться возможной постановки въ сезонѣ 94-5 года. Не знаю, будетъ ли опера принята, но, насколько могу судить по нѣкоторымъ словамъ присутствующихъ и тому, что мнѣ сообщилъ Модестъ Ильичъ, надо думать, что впечатлѣніе, ею произведенное, было скорѣе благопріятное. Направникъ находитъ 1-й актъ слишкомъ длиннымъ. Можетъ быть это и вѣрно, но взятая въ цѣломъ опера вовсе не особенно длинна: при исполненіи на ф. п. она длится три часа. Съ большимъ интересомъ буду ожидать окончательнаго отвѣта. Вчера обѣдалъ у Модеста Ильича, сегодня вечеромъ буду у Ларош слушать чтеніе Модестомъ Ильичемъ его новой комедіи.

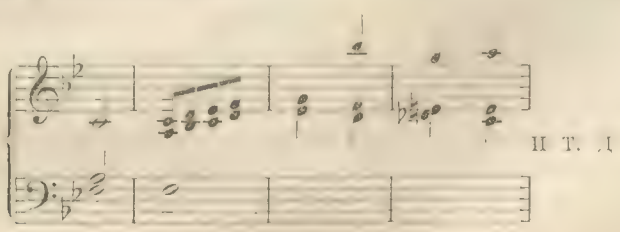
Пока въ Петербургѣ буду продолжать писать партитуру. Съ нетерпѣніемъ жду твоего пріѣзда и остаюсь преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

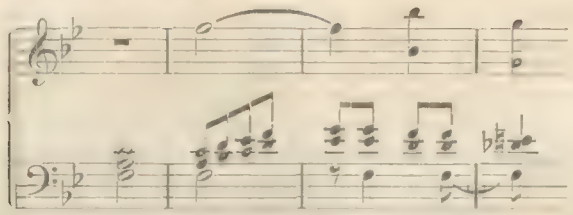
№ 5471. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

17 Апрѣля 1893 г.

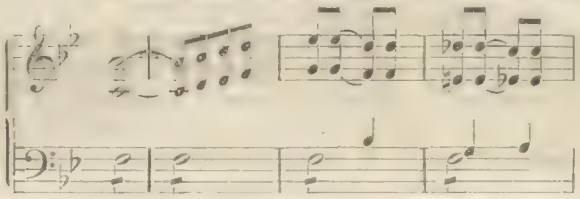
Милый другъ Петръ Ильичъ, все ждалъ, что ты пріѣдешь въ Москву и не отдавалъ безъ тебя Юргенсону партитуру твоей „Ночи“. Дѣло въ томъ, что мнѣ хочется помѣстить въ аккомпаниментѣ варіантъ, существующій у Моцарта, но отсутствующій въ твоемъ переложеніи, а именно при повтореніи хода внизъ терціями и секстами вмѣсто



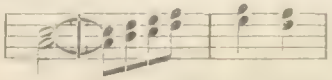
мнѣ бы хотѣлось такъ:



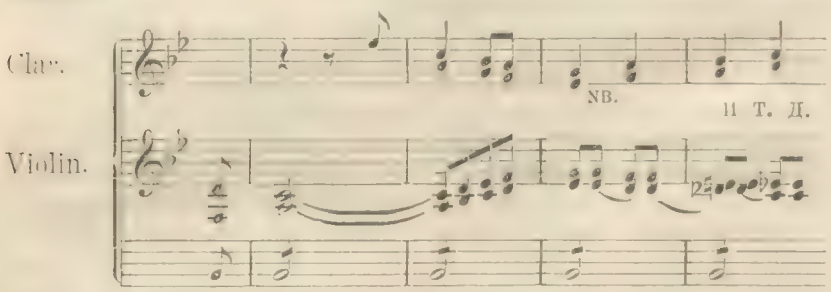
Особенно мнѣ это кажется привлекательнымъ при переходѣ секстъ въ кларнетъ (само собой разумѣется, что въ голосахъ остаются сексты четвертями, а восьмушки только въ оркестрѣ):



Соотвѣтственно этому можно бы въ кодѣ одинъ разъ оставить въ прежнемъ видѣ



а непосредственно за этимъ въ слѣдующихъ 6-ти тактахъ написать:



Эти, какъ бы вздыхающія, восьмушки очень мнѣ нравятся и я опираюсь на то, что они находятся у Моцарта. Безъ твоего же разрѣшенія я конечно не могу ихъ вписать. Буду ждать или письменнаго или устнаго отвѣта (вѣроятно ты пріѣдешь на Консерваторскій спектакль)

Твой С. Танѣевъ.

№ 2961. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

19 Іюля 1893 г.

Милый другъ! Я получилъ твою записку, возвратившись до-

мой за полчаса до отъѣзда въ Клинъ. Отложить отъѣздъ по многимъ причинамъ рѣшительно не могу. Отчего ты здѣсь? Я былъ несказанно удивленъ твоей записочкой, ибо воображалъ тебя въ Селищѣ. Вѣроятно, ты очень занятъ инструментовкой оперы. Я тоже ѣду домой, чтобы засѣсть за работу. Нужно инструментовать: 1) симфонію и 2) ф-анный концертъ. Не можешь ли ты пріѣхать ко мнѣ, напр., въ субботу вечеромъ, такъ, чтобы и меня и себя не оторвать отъ работы. Вообще, напиши мнѣ два слова объясненія, почему и какъ ты до сихъ поръ здѣсь? Честное слово,—былъ бы страшно радъ тебя повидать,—но остаться сегодня не могу.

Твой П. Чайковскій.

№ 5621. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

Сивцевъ Вражекъ, д. Нартовъ.

Іюль 1893 г.

Милый другъ, Петръ Ильичъ, нѣсколько времени тому назадъ я узналъ отъ своихъ племянниковъ, что ты въ Клину и собирался тебѣ писать, но по обыкновенію откладывалъ, о чемъ очень сожалѣю, такъ какъ, благодаря этой моей лѣности, не пришлось тебя увидѣть въ Москвѣ. О пріѣздѣ твоемъ прочелъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, находясь въ водолѣчебномъ заведеніи и прямо оттуда прошелъ въ Московскую гостинницу. Въ Москвѣ я нахожусь по слѣдующимъ причинамъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ я довольно рано освободился отъ консерваторскихъ занятій и передъ отъѣздомъ въ Селище сталъ пломбировать зубы. На это ушло недѣли три времени и сопровождалось это лѣченіе большими непріятностями. Мнѣ, какъ это обыкновенно дѣлается, сверлили зубы машиной, издающей какое то отвратительное шипѣніе, посредствомъ иголъ вытаскивали изъ больныхъ зубовъ нервы и т. п. Въ концѣ лѣченія зубы были въ порядкѣ, но нервы разстроились и у меня сдѣлалась легкая инфлуэнца. Такъ какъ все это удерживало меня въ Москвѣ, а мнѣ хотѣлось поскорѣе въ деревню, то я рѣшилъ поѣхать на дачу къ Языкову около Можайска, чтобы быть вблизи отъ доктора, а въ случаѣ надобности имѣть возможность пріѣхать въ Москву. Только что я сталъ укладываться, какъ ко мнѣ пришелъ докторъ Якобій и заявилъ, что при встрѣчѣ со мной наканунѣ у Масловыхъ онъ нашелъ во мнѣ большую перемѣну, что по его мнѣнію я боленъ и предложилъ мнѣ, въ качествѣ хорошаго знакомаго, меня изслѣдовать и высказать свое мнѣніе. Такъ какъ Якобій докторъ очень хорошій, то я на это согласился. Онъ нашелъ, что у меня сильное разстройство нервной системы и что для меня необходимо немедленно начать лѣченіе водою. Въ настоящее время я это и дѣлаю. Думаю, что Якобій приписалъ слишкомъ большую важность водяному лѣченію: изъ за нѣсколькихъ секундъ, въ которыя я получаю холодный душъ, мнѣ при-

ходится вдыхать весь день мерзкія московскія зловонія, которыя и здоровому человѣку могутъ разстроить нервы. Да и на занятія мои отсутствіе хорошаго воздуха очень дурное оказываетъ вліяніе: партитура моя двигается черепашьимъ шагомъ, что также дѣйствуетъ на меня довольно непріятно. Вообще давно я такъ мерзко не проводилъ времени. На дняхъ сочинилъ 4 стиха.

Въ медицину движимъ вѣрой,
Не страшусь больныхъ холерой,
Я, подобно мухѣ сонной,
По Москвѣ брожу зловонной.

Письмо твое нѣсколько меня оживило и я вчера написалъ сравнительно довольно много. Пріѣхать пока къ тебѣ не могу, такъ какъ души прерывать не позволяется. Какъ бы мнѣ хотѣлось посмотрѣть новую симфонію и выучить новый концертъ. Въ какомъ онъ тонѣ? Во сколькихъ частяхъ? Имѣетъ ли форму обычную или нѣтъ?

Поздравляю тебя съ новымъ званіемъ. [1]) Очень бы хотѣлось узнать о подробностяхъ торжества.

Твой С. Танѣевъ.

№ 2965. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

22 Іюля 1893 г.

Милый другъ! твои племянники тебѣ наврали,—я и не думалъ быть въ Клину, а направлялся послѣ трёхмѣсячнаго отсутствія, въ Клинъ, именно въ тотъ день, когда ты посѣтилъ меня въ Москвѣ. Остаться не могъ, кромѣ разныхъ другихъ причинъ, потому, что у меня въ этотъ первый вечеръ пребыванія въ Клину, былъ гость, двоюродный братъ.

Я страшно пораженъ и удивленъ тѣмъ, что ты пишешь. Твой Якобій прямой идіотъ. Если бы онъ предписалъ тебѣ водяное лѣченіе гдѣ-нибудь на Кавказѣ или заграницей,—такъ это было бы, пожалуй, разумно, ибо уже самое путешествіе для нервнаго и утомленнаго жизнью въ городѣ человѣка—полезно. Но держать въ Москвѣ, лѣтомъ!!... нѣтъ, это слишкомъ глупо. Брось, ради Бога, весь этотъ вздоръ и уѣзжай въ Селище. Кстати: я изъ Курской губ. долженъ былъ ѣхать въ Селище, въ полной увѣренности, что ты тамъ, и послѣ большихъ колебаній рѣшился отложить поѣздку, въ видѣ крайней необходимости приняться наконецъ за инструментовку новыхъ произведеній. Вѣдь я всѣ эти 3 мѣсяца ровно ничего не дѣлалъ, только катался.

Сколько времени будутъ продолжаться твои дурацкіе души? Пріѣдешь ли ко мнѣ? Если нѣтъ, то я тебя посѣщу,—но, ради Бога, прости, на этой недѣлѣ не могу. Мнѣ такъ необходимо

[1]) Доктора Кэмбриджскаго Университета.

поработать, какъ-то совѣсть нечиста отъ сознаванія себя праздношатающимся россіяниномъ.

Обнимаю.

Концертъ въ Es-dur, симф. въ H-moll.

П. Чайковскій.

№ 5612. Отъ С. И. Танѣева П. И. Чайковскому.

28 Іюля 1893 г.

Милый другъ, Петръ Ильичъ, ты получишь это письмо, когда меня въ Москвѣ уже не будетъ. Съ необычайной радостью оставляю я этотъ городъ и ѣду во Владимірскую губернію. Одна мысль о томъ, что я вдохну въ себя свѣжій воздухъ, приводитъ меня въ болѣе бодрое настроеніе, чѣмъ ежедневные вѣерообразные души. Посѣщеніе Клина откладываю до возвращенія. Сколько времени тамъ (во Влад. губ.) пробуду—не знаю, но, если тамъ мнѣ понравится, то останусь подольше и не буду принимать въ соображеніе никакія лѣченія. Въ этомъ мѣстѣ, куда я ѣду, только-что была Елена Сергѣевна (оно недалеко отъ нашего Владимірскаго имѣнія, куда можетъ быть я также проѣду) и такъ мнѣ нахвалила мѣстность, что у меня явилось сильное желаніе туда отправиться. Да и пребываніе въ Москвѣ было бы окончательно теперь невыносимымъ: у насъ на дворѣ начинаютъ красить и уже сегодня принялись варить какую-то пакостную жидкость, такъ что пришлось затворять окна.

Завтра—рано утромъ уѣзжаю. На всякій случай сообщаю адресъ:

Мѣстечко Метера (Владимірской губерніи, по Нижегородск. жел. дор.) вдовѣ священника Архидіаконскаго погоста—Налѣскино тожъ—Е. М. Ключаревой для передачи С. Танѣеву.

По пріѣздѣ тебѣ напишу.

Вѣроятно кончу тамъ инструментовку одной картины, которую очень мнѣ хочется тебѣ по возвращеніи показать.

До свиданія. Преданный тебѣ

С. Танѣевъ.

P. S. Племянники мои не виноваты: оказывается, что я перепуталъ.

№ 2971. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Клинъ. 1 Августа. 1893 г.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! Вполнѣ одобряю твое переселеніе, но боюсь, что ты не найдешь условій для удобства въ работѣ. Отчего ты не поѣхалъ въ Селище?—это меня очень удивляетъ. Я теперь уже скоро кончу инструментовку третьей части симфоніи, такъ что дня черезъ три примусь за финалъ, который возьметъ у меня не болѣе трехъ дней. Затѣмъ долженъ самъ сдѣлать 4-хъ ручное переложеніе. Быть можетъ, къ твоему

возвращенію оно будетъ готово и тогда я злоупотреблю твоей дружбой, чтобы хорошенько проиграть и отдѣлать. За симъ, можетъ быть, въ концѣ августа я долженъ буду ненадолго съѣздить заграницу, недѣли на полторы—не болѣе. По возвращеніи, примусь за концертъ. Тутъ ты опять мнѣ будешь страшно нуженъ.

Мнѣ сегодня немного нездоровится, а потому прости, что пишу очень мало. Пойду спать.

Твой П. Чайковскій.

№ 2977. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

Клинъ. 12 Августа 1893 г.

Милый Сергѣй Ивановичъ! Очень, очень радъ, что ты хорошо себя чувствуешь и что тебѣ работается хорошо. Но мнѣ ужасно бы хотѣлось знать, въ чемъ было твое нездоровье, почему такъ тебя терзали душами и т. д.? Однако-же любопытство мое едва-ли удовлетворится раньше начала сентября, къ какому времени я уже надѣюсь вернуться изъ заграницы.

Симфонію я кончилъ: осталось только выставить знаки и темпы. Относительно смычковъ, я намѣренъ совѣтоваться съ Конюсомъ, который для этой цѣли пріѣдетъ ко мнѣ на дняхъ и привезетъ съ собой скрипку и младшаго брата Льва. Послѣдній мнѣ нуженъ, дабы проиграть переложеніе, которое я тоже уже сдѣлалъ. Когда ты пріѣдешь въ Москву, то прошу тебя убѣдительно проиграть симфонію съ тѣмъ же Конюсомъ и рѣшить всѣ сомнѣнія, которыя я безъ твоего совѣта разрѣшить не смѣю. Я и не думалъ и не мечталъ тебя просить перекладывать, ибо это съ моей стороны былъ бы верхъ нетеликатности. Тебѣ теперь не до того. А вотъ проиграть,—это я очень тебя прошу. Какая противная работа перекладываніе: самого себя колѣчить приходится!

Ну, будь здоровъ и дай Богъ тебѣ хорошенько поработать.

Твой П. Чайковскій.

№ 2989. Отъ П. И. Чайковскаго С. И. Танѣеву.

18 Сентября 1893 г.

Милый другъ, Сергѣй Ивановичъ! Вечеромъ приду къ тебѣ съ величайшимъ удовольствіемъ. Можетъ быть, приведу и Модеста съ племянникомъ Давыдовымъ.

П. Чайковскій.

потреблю твоей
ать. За симъ,
буду ненадолго
. По возвраще-
будешь страшно

ну: прости, что

вскій.

ѣеву.

а 1893 г.

что ты хорошо
Но мнѣ ужасно
е, почему такъ
обопытство мое
оя, къ какому
.

тавить знаки и
овѣтоваться съ
мнѣ на дняхъ и
Льва. Послѣд-
которое я тоже
то прошу тебя
е Конюсомъ и
вѣта разрѣшить
сить переклады-
деликатности.
о я очень тебя
е: самого себя

ько поработать.
вскій.

ѣеву.

оя 1893 г.

приду къ тебѣ
ть, приведу и

вскій.

сам

17, 18, 19, 20, 25
27, 29 | 31 | 40, 45,
48, 49, 50; 53, 54, 55, 56, 57
58; 59, 60, 61; 63; 77, 87
90, 94, 102; 106 108, 109
113; 115; 120; 137; 157,
158; 162, 163; 167, 168, 169